

ISSN 2500-039X

БФУ БАЛТИЙСКИЙ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ИММАНИЛА КАНТА

IKVBU IMMANUEL KANT
BAL TIC FEDERAL
UNIVERSITY

ВЕСТНИК
БАЛТИЙСКОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. И. КАНТА

Серия
Филология, педагогика,
ПСИХОЛОГИЯ

№2

Калининград
Издательство Балтийского федерального университета
им. Иммануила Канта
2022

Редакционная коллегия

- И. Н. Симеева*, д-р психол. наук, проф., БФУ им. И. Канта (главный редактор);
С. С. Ваулина, д-р филол. наук, проф., БФУ им. И. Канта (зам. главного редактора);
М. Н. Коннова, д-р филол. наук, проф., БФУ им. И. Канта (зам. главного редактора);
О. В. Александрова, д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;
Н. Г. Бабенко, д-р филол. наук, проф., БФУ им. И. Канта;
Л. В. Байбородова, д-р пед. наук, проф., ЯГПУ им. К. Д. Ушинского;
В. П. Бездухов, д-р пед. наук, чл.-кор. РАО, проф., СГСПУ;
Л. М. Бондарева, д-р филол. наук, проф., БФУ им. И. Канта;
А. О. Бударина, д-р пед. наук, доц., БФУ им. И. Канта;
И. В. Вацков, д-р психол. наук, проф., Московский государственный психолого-педагогический университет; *А. А. Горелов*, д-р пед. наук, проф., СПбУ МВД;
У. Гравитис, д-р пед. наук, проф., Латвийская академия спортивной педагогики;
Ю. В. Доманский, д-р филол. наук, проф., РГГУ; *С. П. Евсеев*, д-р пед. наук, проф., НГУ физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта;
В. И. Заботкина, д-р филол. наук, проф., РГГУ;
И. Ю. Иеронова, д-р пед. наук, проф., БФУ им. И. Канта;
А. В. Кузнецова, д-р филол. наук, проф., ЮФУ;
Л. В. Куликов, д-р психол. наук, проф., СПбГУ;
В. К. Пельменев, д-р пед. наук, проф., БФУ им. И. Канта;
А. М. Поликарпов, д-р филол. наук, проф., САФУ им. М. В. Ломоносова;
А. А. Реан, д-р пед. наук, акад. РАО, МПГУ;
И. Д. Рудинский, д-р пед. наук, проф., БФУ им. И. Канта;
И. В. Реверчук, д-р мед. наук, проф., БФУ им. И. Канта;
Н. В. Самсонова, д-р пед. наук, проф., БФУ им. И. Канта;
С. В. Свиридов, канд. филол. наук, доц., БФУ им. И. Канта (ответственный редактор);
О. Р. Темиришина, д-р филол. наук, проф., Московский университет им. А. С. Грибоедова;
В. В. Хитрюк, д-р пед. наук, проф., Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка; *Н. С. Цветова*, д-р филол. наук, проф., СПбГУ;
Т. А. Шарытина, д-р филол. наук, проф., НГУ им. Н. И. Лобачевского;
Ю. М. Шемчук, д-р филол. наук, проф., МГЛУ; *К. Г. Языков*, д-р мед. наук, проф., Сибирский государственный медицинский университет

Учредитель

Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта

Редакция

236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Издатель

236001, Россия, Калининград, ул. Гайдара, 6

Типография

236001, Россия, Калининград, ул. Гайдара, 6

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС 77-68537 от 31 января 2017 г.

Тираж 300 экз.

Дата выхода в свет 02.08.2022 г.

© БФУ им. И. Канта, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Языкознание

<i>Яковлев А. А.</i> Исследования ментального лексикона и языкового сознания: сходства и различия методологии	5
<i>Берестнев Г. И., Камалова А. А., Пивовар Е. С.</i> Когнитивные структуры успеха в русской обыденной ментальности	17
<i>Шаповаленко Е. В.</i> Использование фотокорпуса при изучении словообразовательных процессов (на примере дериватов с префиксом <i>super-</i>)	31
<i>Фадеева М. Ю.</i> Инклюзивная функция перевода в цифровом пространстве современного музея	38

Литературоведение

<i>Яловенко М. А.</i> «Who are you?»: Реализация стратегии деперсонализации в автобиографическом повествовании	49
<i>Гильманов В. Х.</i> Неожиданный <i>некто</i> в нобелевской истории	58
<i>Копцев И. Д., Мальцев Л. А.</i> Оппозиция <i>родина – чужбина</i> в «американских» повестях Г. Сенкевича «За хлебом» и В. Г. Короленко «Без языка»	72

Педагогика и психология

<i>Карась И. С., Лукина А. А., Волкова А. С.</i> Психологическое здоровье мужчин и женщин старческого возраста в период пандемии	78
<i>Кожемякин М. В., Мерц А. В.</i> Проблема когнитивного дефицита у больных раком молочной железы	86
<i>Перепелица С. А.</i> Дистанционное обучение в медицинском институте в период пандемии, вызванной вирусом COVID-19	94
<i>Шевченко Ю. С., Грачев В. В., Гильбурд О. А.</i> Социобиологически ориентированная психотерапия расстройств пищевого поведения	105
<i>Егоров К. Б., Захарова В. А.</i> Процедурные тексты в формировании и оценке функциональной грамотности в начальной школе	116

CONTENTS

Linguistics

<i>Yakovlev A. A.</i> Mental lexicon and language consciousness: similarities and discrepancies in research methodology	5
<i>Berestnev G. I., Kamalova A. A., Pivovarov Ye. S.</i> The cognitive structures of the concept of SUCCESS in the Russian common mentality	17
<i>Shapovalenko E. V.</i> The use of the photo corpus in the study of word-formation processes (on the derivatives with the prefix <i>super-</i>)	31
<i>Fadeeva M. Yu.</i> The inclusive function of translation in the digital space of a modern museum	38

Literary studies

<i>Yalovenko M. A.</i> "Who are you?" or implementing the strategy of depersonalization on an autobiographical narrative	49
<i>Gilmanov V. Kh.</i> The unexpected <i>someone</i> in Nobel history	58
<i>Koptsev I. D., Maltsev L. A.</i> The opposition of homeland – foreign country in "american" novels "For Daily Bread" by H. Sienkiewicz and V. G. Korolenko's "Without Language"	72

Pedagogy and psychology

<i>Karas I. S., Lukina A. A., Volkova A. S.</i> Psychological health of senile men and women during the COVID-19 pandemic	78
<i>Kozhemyakin M. V., Merts A. V.</i> The problem of cognitive deficiency in breast cancer patients	86
<i>Perepelitsa S. A.</i> Distant learning in the Institute of Medicine during the COVID-19 pandemic	94
<i>Shevchenko Yu. S., Grachev V. V., Giburd O. A.</i> Sociobiological psychotherapy of eating disorders	105
<i>Egorov K. B., Zakharova V. A.</i> Procedural texts in the formation and assessment of functional literacy in the primary school	116

А. А. Яковлев

**ИССЛЕДОВАНИЯ МЕНТАЛЬНОГО ЛЕКСИКОНА
И ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ:
СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ МЕТОДОЛОГИИ**

5

Поступила в редакцию 02.03.2022 г.

Рецензия от 05.05.2022 г.

Большинство исследований языкового сознания не отличаются значительно от исследований ментального лексикона, и это сходство не осознается или замалчивается их авторами. Проблема их разграничения связана с определением языкового сознания как теоретического понятия. Автор статьи определяет его как психолингвистическое понятие, которое показывает, каким образом внутренние и внешние факторы функционирования языка как достояния человека связаны с изменением значений и смыслов языковых знаков. Это определение позволяет проводить сопоставительные психолингвистические исследования, в которых сопоставление основано на характере той деятельности, которую представители разных групп осуществляют регулярно. Исследования языкового сознания схожи с исследованиями ментального лексикона по экспериментальным процедурам получения эмпирического материала и отличаются от них по общеметодологическим принципам, вытекающим из определения этого понятия, и по процедурам обработки и теоретического анализа эмпирического материала. В отличие от исследований ментального лексикона, 1) исследования языкового сознания носят сопоставительный характер; 2) сопоставление осуществляется по деятельности, регулярной хотя бы для одной из сопоставляемых групп; 3) инструменты исследования подбираются таким образом, чтобы в них отражались особенности языковых явлений, обусловленные именно этой деятельностью; 4) эмпирический материал анализируется таким способом, который позволяет выявить закономерное, а не случайное влияние на него со стороны регулярной деятельности и личностной оценки. Если эти условия не соблюдаются, реальным предметом исследования являются особенности ментального лексикона, но не языкового сознания.

The article discusses the similarities and differences between the research methodology of the mental lexicon and language consciousness. Most studies of language consciousness do not differ in any significant way from studies of the mental lexicon, and this is not recognized or is hushed up by their authors. The problem of their differentiation is connected with the definition of language consciousness. The author of the article defines it as a psycho-

linguistic concept that shows how the internal and external factors for the functioning of a language as a human property are associated with changes in the meanings and senses of linguistic signs. This definition gives way to comparative psycholinguistic research, in which the comparison is based on the nature of the activities that representatives of different groups carry out regularly. Studies on language consciousness are similar to studies on mental lexicon in experimental procedures for obtaining empirical material and differ from them in general methodological principles arising from the definition of this concept, and in procedures for processing and theoretical analysis of empirical material. To distinguish itself from mental lexicon research, 1) language consciousness research must be comparative; 2) the comparison should be carried out on activities that are regular for at least one of the compared groups; 3) empirical material should be selected in such a way that it reflects the features of linguistic phenomena caused by this particular activity; 4) empirical material should be analyzed in such a way that identifies a regular (i.e. not random) influence on it from regular activities and personal assessment.

Ключевые слова: языковое сознание, ментальный лексикон, определение, методология, терминология психолингвистики

Keywords: language consciousness, mental lexicon, definition, methodology, psycholinguistics terminology

К постановке вопроса

В психолингвистических исследованиях последних лет понятие «языковое сознание» (далее – ЯС) нередко используется как синоним понятия «ментальный лексикон» (далее – МЛ). К этому выводу неминуемо приводит даже самый поверхностный взгляд на общую методологию таких исследований. В самом деле, если заменить в публикациях одно понятие на другое, то ничего существенного в них не изменится. В свете этого пересечения содержания двух понятий встает вопрос: чем должны отличаться исследования ЯС от исследований МЛ, чтобы не возникала необходимость избавиться от одного из этих понятий и чтобы в них отражались различные свойства языковых явлений?

Вопрос этот при всей его серьезности, по-видимому, не ставился в отечественном языкознании и, в частности, в психолингвистике. Во всяком случае, нам неизвестны работы, в которых ему уделялось хотя бы какое-то внимание. Этим обстоятельством и обусловлена актуальность настоящей статьи. Мы полагаем, что он должен решаться путем разведения той общеметодологической схемы, на которую опираются исследования ЯС и МЛ, а также путем уточнения определения ЯС.

Целью настоящей статьи является формулировка и обоснование такой методологической схемы, которая обеспечивает исследованиям ЯС особую процедуру анализа эмпирии по единицам, отличную от методологической схемы исследований МЛ. Иначе говоря, чтобы исследования ЯС не дублировали исследования МЛ, первые должны опираться на специфический для них анализ по единицам и специфический способ обобщения эмпирического материала.

Подчеркнем, что нас будет интересовать не материал конкретных исследований, а именно метод в его соотношении с обобщающими выводами и с содержанием понятия ЯС. К сожалению, зачастую в публикациях, посвященных экспериментальным исследованиям, это понятие не уточняется, поэтому для анализа его содержания нам придется обратиться к ряду других работ. Для начала необходимо проанализировать ряд работ, посвященных ЯС, на предмет используемых в них методов.

Методология исследований языкового сознания

В проведенном Ю.О. Бронниковой [2] свободном ассоциативном эксперименте (далее – САЭ) приняли участие 252 младших школьника (129 мальчиков и 123 девочек). Испытуемым (далее – Ии.) предъявлялся перечень из 16 стимулов, которые, за исключением двух (*тайна, бороться*), являются оценочными словами (*веселье, горе, грубость, доброта, друг, дурак* и т.д.). Анализ полученных реакций позволил автору выявить ассоциативные связи этих слов с другими оценочными словами, например ДУРАК – *глупый, дура, плохой*. Основной вывод таков: «...на различные слова-стимулы приводится разное количество оценочных реакций. Эта разница связана как с самой семантикой стимулов, так и с их ролью в детской речи. Например, значение слова ДУРАК в речи детей гораздо шире, чем у взрослых: это не только “глупый человек”, но и “тот, кто плохо поступает, плохой человек”, с этим, вероятно, связано и такое разнообразие эмоционально-оценочных реакций на этот стимул» [2, с. 41]. Автор отмечает важное обстоятельство: «...гендерные особенности еще незначительно проявляются у младших школьников, а о некоторых возрастных различиях уже можно говорить» [2, с. 41]. Обратим внимание, что возрастные различия в реакциях на слова проявляются в силу их связей с другими единицами МЛ. Это не дает еще возможности утверждать, что на эти различия закономерным образом влияет какая-либо деятельность.

А.П. Васильева [3] использовала материалы обратного ассоциативного словаря якутского языка, в котором были взяты 263 слова с наибольшим количеством связей. Свое исследование ЯС она приравнивает к исследованию МЛ [3, с. 351]. Примечательно, что автор никак не обосновывает использование материалов именно обратного ассоциативного словаря. Более того, данное исследование в целом выявляет особенности МЛ носителей якутского языка, что делает его исследованием МЛ социопсихолингвистического порядка.

М.В. Гаранович [5] обратилась к 80 Ии. (40 парней и 40 девушек с высшим и средним образованием), которым было предложено словесно описать фото девушки и выразить предположения о роде ее занятий. Основной вывод автора состоит в том, что люди разных полов и уровня образования в разной степени апеллируют к стереотипам при описании внешности девушки. Данное исследование касается скорее вопросов гендерной лингвистики и социолингвистики, так как выводы связаны с различиями между стратегиями описания, характерными для людей разных полов и разного уровня образования.

Е. Н. Гуц и Н. О. Худякова [6] использовали метод семантического дифференциала, направленный ассоциативный эксперимент и групповое глубинное интервью по методу фокус-групп. В эксперименте по методу семантического дифференциала приняли участие 125 Ии., в направленном ассоциативном эксперименте — 30 Ии. Основной вывод авторов таков: «Старость у многих респондентов становится частью картины, изображающей спокойную, счастливую, стремящуюся к совершенству жизнь, такую как в рекламе, “в телевизоре”, “в журнале”, в мечтах родственников» [6, с. 164].

В исследовании А. В. Разумковой [14] использовался метод «семантического гештальта» — анализа ассоциативного поля стимула КОМИ, полученного из реакций на этот стимул от 300 Ии. Выводы автора весьма предсказуемы: стереотипные представления о коми у русских и коми отличаются незначительно. Стоит отметить также, что, вопреки заголовку статьи, данное исследование изучает не ЯС школьников и студентов, а МЛ носителей коми и русского языка. Это обстоятельство характерно для многих работ по ЯС: вопреки заявленному исследованию ЯС какой-то социальной группы выводы делаются намного более широкие — охватывающие всю лингвокультуру.

Э. С. Исаева и Э. Г. Васильева [9] провели САЭ, в котором участвовали 444 Ии. — 218 русских и 226 латышей, что позволило авторам выявить сходство и различие ассоциативных полей слова *огонь* в двух языках. Как и в предыдущей работе, никакой необходимости использовать понятие ЯС вместо понятия МЛ в данном исследовании нет.

Эта же тенденция прослеживается в исследовании Х. Тяньдэ, автор которого задействовал в САЭ 500 Ии. — студентов разных вузов Китая. По его мнению, «анализ материалов ассоциативного эксперимента позволит выявить и описать национально-культурную специфику содержания понятия “他人的 / чужой” в языковом сознании носителей китайской культуры определенного поколения» [16, с. 156].

Исключением из названной тенденции можно считать исследование А. А. Селютина и Е. А. Селютиной. Они использовали комплекс методов: САЭ, анкетирование, анализ текстов, предположительно оказывающих влияние на формирование ЯС студентов. Однако их Ии. немногочисленны — 45 старшекурсников. Студенты младших курсов не участвовали в эксперименте, потому что, по мнению авторов, «наличие в их языковом сознании устойчивых элементов корпоративной культуры вуза является сомнительным» [15, с. 125], с чем можно поспорить, поскольку хоть какие-то представления о корпоративной культуре вуза имеются уже у абитуриентов.

Стимульный материал САЭ подобран в данном исследовании в соответствии с главной характеристикой Ии.: БИБЛИОТЕКА, ОБЩЕЖИТИЕ, ДЕКАНАТ, УНИВЕРСИТЕТ, СЕССИЯ, ЭКЗАМЕН, ПАРА, ПРАКТИКА, ЗНАНИЯ, УЧЁБА, ЛЕКЦИЯ, КАНДИДАТ, ПРЕПОДАВАТЕЛЬ, ДОЦЕНТ, НАУКА, СТИПЕНДИЯ, ЗАЧЁТКА и т.д. Примечательно, что авторы приводят лишь наиболее частотные реакции, при этом реакции типа СЕССИЯ — *ужас, кошмар* никак не связываются с личностными переживаниями и оценками Ии., а разнообразие реакций на стимул ЭКЗАМЕН (*нервы* (8); *автомат* (8); *оценка* (7); *проверка* (6); *шпаргалка*) объяс-

няется сугубо индивидуальным отношением каждого студента к этому слову-стимулу [15, с. 127]. Возникает вопрос: если отношение к экзамену (именно к экзамену, а не к слову *экзамен!*) является сугубо индивидуальным, следует ли считать высокий индекс реакции *нервы* (8 на 45 Ии.) случайным совпадением? Из суждений авторов ответ на этот вопрос неясен.

Интересно в плане методологии исследование Г.М. Костюшкиной и Д.В. Павленок [10], в рамках которого был проведен САЭ с участием 500 Ии. (250 студентов из России и столько же из Франции). При этом все полученные реакции группируются по семантическим признакам в зависимости от того, выражаются ли в этих реакциях субъекты профессиональной деятельности, сама профессиональная деятельность преподавателя, ее формы, оценка и т.д. [10, с. 343]. Такой метод работы с материалом приводит авторов к выводу о том, что в ЯС русских студентов образ преподавателя отражает определенные профессиональные (реакции типа *строгий, требовательный, авторитетный, высококвалифицированный* и др.) и личностные (реакции типа *мудрый, умный* и др.) качества с постоянным оцениванием по шкале «справедливый / несправедливый». В ЯС французских студентов образ преподавателя отражает профессиональную деятельность, связанную с передачей знаний, причем важной особенностью этого образа является активность, деятельные качества преподавателя [10, с. 345]. Обратим внимание на то, что такой метод обработки и анализа эмпирического материала весьма нехарактерен для исследований МЛ.

Еще одно интересное исследование представляет САЭ, проведенный М.В. Шамановой и М.В. Виноградовой [19]. В нем участвовали 210 Ии. — 105 студентов-медиков и 105 студентов немедицинских направлений. Авторы также группируют все полученные реакции по их семантическому сходству, сохраняя единые для обеих групп Ии. критерии объединения реакций. Такой анализ материала показал, что ассоциации у двух групп Ии. значительно отличаются (у медиков самые частотные реакции на лексему СЕРДЦЕ выражают семантику главного органа тела, у немедиков — семантику чувств) [19, с. 194]. Последующее сравнение этих тенденций с данными толковых словарей показало, что полученные в САЭ ассоциативные поля уже, чем лексикографические толкования данной лексемы: отсутствуют значения 'место в левой стороне груди, где находится этот орган'; 'гнев, раздражение, злоба'; 'важнейшее место, имеющее существенное значение для чего-н., средоточие чего-н.' [19, с. 194]. Чрезвычайно важно, что указанная особенность обусловлена опытом Ии. и выполнением / невыполнением ими определенной регулярной деятельности.

Итак, мы видим, что методы, применяемые в исследованиях ЯС, в целом не отличаются от методов исследования МЛ. Более того, при всем их разнообразии (или, напротив, однообразии — поскольку наиболее распространенным методом в исследованиях ЯС остается ассоциативный эксперимент) нам неизвестны работы, авторы которых делают хотя бы попытку связать применяемые методы именно с понятием ЯС, а не МЛ. Можно обоснованно утверждать, что подавляющее большинство исследований ЯС не имеет значительных отличий от исследований МЛ, и это сходство не осознается или замалчивается их авторами.

Почти для всех названных публикаций характерна отмеченная в начале настоящей статьи тенденция: если заменить в них понятие ЯС на понятие МЛ, то от такой замены ни обоснованность выводов, ни их содержание не выиграет и не проиграет.

Исключением являются только последние три работы. Обратим еще раз внимание на их специфику. В исследовании А. А. Селютина и Е. А. Селютиной [15] за счет подбора стимулов САЭ полученный эмпирический материал соотносится с той деятельностью, которую их Ии. выполняют регулярно. В исследовании Г. М. Костюшкиной и Д. В. Павленок [10] помимо такого же подбора стимулов полученный эмпирический материал обрабатывается особым образом — реакции объединяются в семантико-тематические группы и далее сопоставляются. В исследовании М. В. Шамановой и М. В. Виноградовой [19] обе эти особенности дополняются сопоставлением полученного материала с данными словарей.

Следовательно, уже сейчас можно сделать следующий предварительный вывод. По конкретной экспериментальной процедуре (будь то ассоциативный эксперимент, опрос, семантический дифференциал и т.д.) исследования ЯС могут не отличаться от исследований МЛ. Это то, что объединяет их в методологическом отношении. Однако для того, чтобы исследование было именно исследованием ЯС, а не МЛ, во-первых, оно должно носить сопоставительный характер; во-вторых, признаком, по которому сопоставляются разные группы людей, должна быть некоторая деятельность, являющаяся хотя бы для одной из сопоставляемых групп регулярной; в-третьих, первоначальный материал должен подбираться таким образом, чтобы в нем отражались особенности языковых явлений, обусловленные именно этой деятельностью; наконец, в-четвертых, эмпирический материал должен анализироваться особым образом. С этим последним обстоятельством и связана проблема анализа по единицам.

Анализ по единицам и определение языкового сознания

Обоснованный в отечественной психолингвистике принцип анализа речевой деятельности и других языковых явлений по единицам, а не по элементам восходит к идее Л. С. Выготского, который писал: «Анализ, пользующийся методом разложения на элементы, мы пытались заменить анализом, расчленяющим сложное единство речевого мышления на единицы, понимая под последними такие продукты анализа, которые в отличие от элемента образуют первичные моменты не по отношению ко всему изучаемому явлению в целом, но только по отношению к отдельным конкретным его сторонам и свойствам и которые, далее, также в отличие от элементов не утрачивают свойств, присущих целому и подлежащих объяснению, но содержат в себе в самом простом, первоначальном виде те свойства целого, ради которых предпринимается анализ. Единица, к которой мы приходим в анализе, содержит в себе в каком-то наипростейшем виде свойства, присущие речевому мышлению как целому» [4, с. 296–297].

Несколько иначе и более обобщенно этот принцип выражен философом Э. В. Ильенковым, который говорит о важности расчленения объекта на составляющие, присущие именно этому объекту в его целостности,

системности. «Анализ в данном случае выделяет такую простейшую составную часть “целого”, в которой не исчезает специфика исследуемого предмета» [8, с. 149]. И в другом месте: «Конкретный теоретический анализ вещи предполагает, что вещь аналитически расчленяется не на равнодушные к ее специфике “составные части”, а на специфически характерные только для этой вещи, внутренне связанные друг с другом необходимые формы ее существования» [8, с. 288]. Такой анализ выявляет не просто «составные части», равнодушные друг к другу, а простейший случай их **взаимодействия**. Сравним с этим суждение другого философа — М.К. Мамардашвили: «...речь идет не о связи части с целым как особым предметом, а о связи частей, то есть о связи предметов, являющихся, в свою очередь, единым предметом. Под “целым” здесь фактически имеются в виду свойства связи предметов, отличные от свойств элементов связи» [12, с. 191].

Анализируя предмет познания по единицам, исследователь интересуется не тем, какие явления объединены в целое (каковы их свойства), а тем, почему они объединены именно в это целое (какова общая закономерность, основное свойство целого, с необходимостью предполагающее эти составляющие).

Решение вопроса о единице анализа ЯС теснейшим образом связано также с его определением и логически следует из этого последнего.

Наиболее распространенным на сегодняшний день является понимание ЯС как знаний человека, ассоциированных с языковыми знаками для выражения образов сознания в речи [7, с. 38–39; 11, с. 28; 13, с. 45–46; 17, с. 206; 18, с. 20]. При таком определении ЯС по своему содержанию приравнивается к языковой способности человека, не позволяя исследователю сделать никаких выводов, кроме самых широких — о сходствах и различиях семантики некоторых слов в тех или иных языках (точнее, конечно, в сознании их носителей). Из такого определения совершенно не ясно, какие свойства эмпирии свидетельствуют об искомым свойствах ЯС. Иначе говоря, неясно, на какие составляющие нужно разлагать (посредством теоретического анализа) эмпирический материал, чтобы в нем проявилось наличие или отсутствие искомым свойств ЯС. Эти-то свойства, или составляющие, эмпирии и являются единицами анализа ЯС.

Следовательно, чтобы ЯС как теоретическое понятие соответствовало исследованиям, отличающимся от исследований МЛ (служило их теоретическим базисом), и чтобы в нем в общем виде отражались те особенности языковых явлений, которые такими исследованиями изучаются, ему необходимо дать другое определение. **Языковое сознание необходимо определять как психолингвистическое понятие, которое показывает, каким образом внутренние и внешние факторы функционирования языка как достояния человека связаны с изменением значений и смыслов языковых знаков.** Это понятие отражает особенности упорядочивания речевого опыта группы людей в зависимости от определенных (то есть фиксируемых теорией) внутренних и внешних факторов. Внутренними факторами являются особенности личностного переживания и эмоциональной оценки мира, внешними — особенности

регулярно выполняемой деятельности. Это определение ЯС фиксирует закономерную связь свойств языковых знаков со свойствами других, индивидуально-личностных и социально-культурных явлений и ориентирует исследователя на объяснение такой связи через регулярно осуществляемую деятельность исследуемых групп людей. Такое определение ЯС содержательно отличается от традиционного, которое просто указывает на совокупность языковых явлений и ориентирует исследователя на поиск языковых экзотизмов, выявление некоторых случайных особенных черт в языковом опыте группы индивидов. Именно поэтому сформулированное определение ЯС содержит в себе не просто указание на некоторый класс языковых объектов или их свойств, а **закономерность** связей этих свойств со свойствами других объектов (личностных и социально-культурных).

Сказанное возвращает нас к четвертому отличию исследований МЛ от исследований ЯС. Эти последние должны содержать в себе такой способ обработки и анализа языковых фактов, который соответствовал бы сформулированному выше определению ЯС. Экспериментальный материал должен раскладываться посредством теоретического анализа на такие единицы, в которых проявляется одновременное действие внешних (регулярная деятельность) и внутренних (личностная оценка этой деятельности и себя) факторов.

Мы полагаем, что если говорить о материале ассоциативных экспериментов, то для этого в наибольшей степени подходит процедура распределения всех полученных реакций на семантико-тематические кластеры. Этот метод можно назвать аналитико-синтетическим. Ход исследования должен быть следующим. Повторяющиеся реакции группируются с присвоением им индексов частотности, затем из всех реакций синтезируются такие кластеры, которые отражают влияние деятельности на ассоциативное поле. Коль скоро выявляется одновременное влияние на ассоциативное поле со стороны регулярной деятельности и личности, то кластеры реакций должны отражать субъектов деятельности, объекты, орудия, операции (способы), условия (место) деятельности, оценку всех этих составляющих (возможно, еще что-то — в зависимости от специфики исследования).

Затем та же процедура проводится с соответствующим ассоциативным полем, полученным от другой группы участников эксперимента (о необходимом сопоставительном характере исследований ЯС было сказано выше). Далее все эти процедуры проводятся с другими ассоциативными полями.

Разумеется, в ходе исследования в некоторых ассоциативных полях могут появиться реакции, явно выражающие какую-то общую для них семантику, но не вписывающуюся в критерии сопоставления (семантико-тематические кластеры реакций). Например, в приведенном выше исследовании М. В. Шамановой и М. В. Виноградовой [19] среди реакций медиков на стимул СЕРДЦЕ присутствуют *ЭКГ, инфаркт, частота сердечных сокращений, гипертензия, дилатация* и др., которых нет среди реакций немедиков, что, конечно же, далеко не случайно. Сам факт возникновения новой группы реакций (если, конечно, таковых значительное количество) тоже является показателем некоторой тенденции,

которую исследователь должен каким-то образом интерпретировать и объяснить. Это еще один аргумент в пользу необходимости проводить сопоставительные исследования.

Итак, анализ ЯС по единицам должен опираться, во-первых, на обработку всего полученного материала, во-вторых, на выявление в нем влияния на связи языковых знаков со стороны регулярно осуществляемой деятельности и личностной оценки. Второму обстоятельству, по нашему мнению, соответствует метод группировки эмпирического материала по семантико-тематическим кластерам. Но эти кластеры заданы не произволом исследователя, а наиболее существенными составляющими деятельности человека: субъект, объект, орудие, операции (способы), место (условия) деятельности, оценка всех этих составляющих.

13

Из всех проанализированных выше экспериментальных исследований всем перечисленным критериям соответствуют лишь [10; 19]. Однако исследования, не носящие сопоставительного характера, вполне пригодны в качестве предварительных или подготовительных: они либо дают материал для последующих исследований ЯС, либо позволяют оценить перспективность дальнейших исследований некоторых языковых знаков или фрагментов МЛ.

Обратим также внимание на то, что выраженная выше методология использовалась нами в ряде наших исследований, показав свою эффективность в изучении ЯС студента: [1; 20–22]. В частности, мы показали, что наименования дней недели имеют в МЛ студента устойчивые связи со словами, обозначающими деятельность, осуществляемую в тот или иной день, а также ее личностное переживание. Например: ВТОРНИК — *работа; пары; тяжело; усталость; английский; начерталка; второй день мук; никуда не пойду; не люблю*; ВОСКРЕСЕНЬЕ — *сон; уборка; много дел; не выходной; не отдых; время осознания жизни; нелюбимый день* и др.

Некоторые выводы

Исследования языкового сознания в отдельных моментах схожи с исследованиями ментального лексикона (прежде всего по экспериментальным процедурам и инструментам получения эмпирического материала), но во многом от них отличаются (в первую очередь общеметодологическими принципами, вытекающими из определения ключевого понятия, и процедурами обработки и теоретического анализа эмпирического материала). Исследование языкового сознания, во-первых, должно носить сопоставительный характер; во-вторых, сопоставление должно осуществляться по деятельности, регулярной хотя бы для одной из сопоставляемых групп; в-третьих, инструменты исследования (в ассоциативном эксперименте это набор слов-стимулов) должны подбираться таким образом, чтобы в них отражались особенности языковых явлений, обусловленные именно этой деятельностью; наконец, в-четвертых, эмпирический материал должен анализироваться таким способом, который позволяет выявить закономерное, а не случайное влияние на него со стороны регулярной деятельности и личностной оценки.

Если процедурой получения эмпирических данных является ассоциативный эксперимент, то одновременная и при этом закономерная

связь регулярно осуществляемой деятельности и личности человека, с одной стороны, и ассоциативного поля некоторого языкового знака — с другой, и есть единица анализа языкового сознания. Такое закономерное влияние регулярной деятельности и личности на ментальный лексикон может реализовываться во множестве языковых знаков — единиц ментального лексикона, а значит, проявляться в их ассоциативных полях. В таком случае оно указывает на то, что это — искомая особенность ЯС, а не МЛ. Эта связь может проявляться в ассоциативном поле (то есть комплексе ассоциаций, полученных от множества людей) лишь в виде **вероятностной**, но не абсолютной определенности. Любое исследование языкового сознания как раз и призвано в той или иной мере ответить на вопрос: действительно ли эта деятельность и ее личностная оценка оказывают влияние на исследуемые языковые знаки, и если да, то какое? Вероятностный детерминизм этого влияния позволяет сказать лишь о некоторой тенденции, о «степени» такого влияния, но не позволяет заключить, что это влияние характерно для всех представителей изучаемой группы. Именно поэтому наиболее полными исследованиями языкового сознания будут такие, которые направлены на целый комплекс языковых единиц, так или иначе связанных с этой деятельностью: наличие схожих тенденций в ассоциативных полях множества языковых знаков позволяет обоснованно ответить на вопрос о влиянии деятельности и личности на значения и смыслы этих знаков. По этой же причине необходимо проверять найденные тенденции через использование комплекса методов: разные виды ассоциативного эксперимента, метод незаконченных предложений, метод спонтанных дефиниций и т.д.

Анализ языкового сознания по единицам — это не сведение его свойств к свойствам его составляющих, а, наоборот, выведение первых из вторых. Исследователь не сводит сложное, комплексное явление к простым, элементарным составляющим, а выводит сложное явление из взаимодействия двух не менее сложных процессов (деятельности и личностной оценки), объясняет явление этим взаимодействием. Понятие «языковое сознание» в приведенном выше определении и соответствующая этому определению методология — это не попытка редукции ментального лексикона, а попытка увидеть в ментальном лексиконе скрытые закономерности.

Если интерпретировать языковое сознание как понятие, отражающее влияние на ментальный лексикон и вообще речевой опыт человека со стороны деятельности и личности, и исследовать его соответствующими этой интерпретации методами, то можно **предсказывать** отношение некоторой группы людей к деятельности, которой им еще только предстоит заниматься, и к речевой деятельности, которая будет осуществляться в рамках этой будущей деятельности.

Кроме того, исследования языкового сознания при сформулированном выше определении и соответствующей методологии позволяют судить о наличии или отсутствии связей между разными ассоциативными полями. Эта связь может быть обусловлена сходством личностной оценки той деятельности, в которой используются слова, входящие в разные ассоциативные поля.

Список литературы

1. Башанова М.А., Юй Чжан, Яковлев А.А. Наименования дней недели в языковом сознании русских и китайских студентов // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. №2. С. 102–114.
2. Бронникова Ю.О. Ассоциативный эксперимент как один из методов выявления оценочных связей в языковом сознании младших школьников // Современный ученый. 2017. №2. С. 37–42.
3. Васильева А.П. Анализ структуры ядра языкового сознания носителей якутского языка // Мир науки, культуры, образования. 2019. №1 (74). С. 351–353.
4. Выготский Л.С. Собр. соч.: в 6 т. Т. 2 : Проблемы общей психологии / под ред. В.В. Давыдова. М., 1982.
5. Гаранович М.В. Экспериментальное исследование стереотипного восприятия человека человеком в языковом сознании в зависимости от социальных факторов говорящего // Глобальный научный потенциал. 2020. №4 (109). С. 142–148.
6. Гуц Е.Н., Худякова Н.О. Социальные стереотипы старости в языковом сознании молодежи (на материале психолингвистических экспериментов) // Этнопсихолингвистика. 2020. №3. С. 157–165.
7. Дзюба Е.В. Лингвокогнитивная категоризация в русском языковом сознании : монография. Екатеринбург, 2015.
8. Ильенков Э.В. Собр. соч. : в 10 т. Т. 1 : Абстрактное и конкретное. М., 2019.
9. Исаева Э.С., Васильева Э.Г. Ассоциативное поле концепта «огонь» в языковом сознании носителей русского языка на фоне латышской лингвокультуры // Русистика. 2021. Т. 19, №3. С. 241–252.
10. Костюшкина Г.М., Павленок Д.В. Когнитивный механизм формирования образа преподавателя в национальном языковом сознании студентов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. №5–2 (83). С. 342–346.
11. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М., 2012.
12. Мамардашвили М.К. Формы и содержание мышления. СПб., 2011.
13. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М., 2007.
14. Разумкова А.В. Образ «коми» в языковом сознании школьников и студентов республики Коми (по материалам свободного ассоциативного эксперимента) // Общие и частные вопросы языкознания : сб. науч. ст. по материалам VIII междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Н.В. Кормилина, Н.Ю. Шугаева. Чебоксары, 2016. С. 113–119.
15. Селютин А.А., Селютина Е.А. Особенности языкового сознания студентов вуза // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. №12. С. 125–130.
16. Тяньдэ Х. Экспериментальное исследование образа «他人的 / чужой» в языковом сознании китайских студентов // Человек. 2016. №3. С. 156–163.
17. Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М., 2011.
18. Уфимцева Н.В., Тарасов Е.Ф. Проблемы изучения языкового сознания // Вопросы психолингвистики. 2009. №10. С. 18–25.
19. Шаманова М.В., Виноградова М.В. Особенности восприятия лексем семантической группы «внутренние органы человека» обыденным и профессиональным языковым сознанием (на материале лексемы *сердце*) // Социальные и гуманитарные знания. 2020. Т. 6, №2 (22). С. 186–195.

20. Яковлев А. А. Модальность и эмоции в вербализации образов преподавателя и студента // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. №3. С. 5–20.

21. Яковлев А. А. Системное описание языкового сознания студента: образ самого студента // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. №2. С. 117–131.

22. Яковлев А. А., Манхирова В. В., Случаева Е. К. Особенности наименований дней недели в языковом сознании русских и испанских студентов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. №11 (65) : в 3 ч. Ч. 2. С. 174–178.

Об авторе

Андрей Александрович Яковлев – канд. филол. наук, доц., Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Россия.

E-mail: mr.koloboque@gmail.com

The author

Dr Andrey A. Yakovlev, Associate Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia.

E-mail: mr.koloboque@gmail.com

Г. И. Берестнев, А. А. Камалова, Е. С. Пивовар

КОГНИТИВНЫЕ СТРУКТУРЫ УСПЕХА В РУССКОЙ ОБЫДЕННОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Поступила в редакцию 30.03.2022 г.

Рецензия от 15.05.2022 г.

Предпринята попытка реконструкции глубинных познавательных начал, лежащих в основе мысли об успехе у носителей русского языка. С этой целью концепт УСПЕХ рассматривается с двух точек зрения – ономаσιологии и глубинной семантики. Впервые определены две модели успеха в русской языковой ментальности, показаны когнитивные основания семантической эволюции слов, входящих в словообразовательно-этимологическое гнездо слова успех. Гипотетически отмечена близость глубинного познавательного архетипа успеха квантовой реальности.

17

The paper attempts to reconstruct the deep cognitive principles underlying the idea of success among native speakers of the Russian language. To this end, the concept of SUCCESS is examined in two aspects – onomasiology and deep semantics. For the first time, two models of success in the Russian linguistic mentality are identified, and the cognitive foundations of the semantic evolution of words included in the word-formation-etymological nest of the word success are shown. The closeness of the deep cognitive archetype of the success of quantum reality is hypothetically noted.

Ключевые слова: концепт, когнитивная лингвистика, семантика, лексика, семантическая реконструкция, языковая номинация, законы человеческого сознания

Keywords: concept, cognitive linguistics, semantics, vocabulary, semantic reconstruction, language nomination, laws of consciousness

1. Введение

Особенность современной науки о языке составляет выход за собственные дисциплинарные рамки и стремление к решению задач, еще несколько десятилетий назад считавшихся для нее маргинальными. Так, дисциплинарно очерченными стали исследования, направленные на выявление закрепившихся в языке мифологических представлений народа и связанных с ними фактов материальной культуры — эти задачи решает этнолингвистика [1]. По культурным данным, зафиксированным в реконструированном индоевропейском праязыке, была надежно определена родина праиндоевропейцев [6]. Задачу реконструкции устойчивых культурных моделей, закрепившихся в языке (преимущественно в их ценностном аспекте), в настоящее время решает лингвокультурология [9, с. 54].

Особое место в ряду подобных «экспансивных» дисциплин занимает когнитивная лингвистика. Исходя из ведущего для нее принципа антропоцентризма, она своим объектом имеет уже не собственно язык, а стоящие за его содержаниями глубинные познавательные структуры и механизмы человеческой ментальности. Язык в этих условиях рассматривается как источник данных касательно подобных структур и механизмов. И хотя содержание языковых единиц нельзя отождествлять с содержательными единицами человеческого сознания (особенно на его глубинных уровнях), язык, по словам У. Чейфа, «до сих пор лучшее окно в знание, ведь мы все время используем язык, чтобы выразить его. <...> Язык к тому же наблюдаем, поддается анализу, и нам хочется думать, что он предлагает неплохую возможность анализировать и знание» [17, с. 109]. Эти слова были сказаны более тридцати лет назад, в годы становления когнитивизма в лингвистике, но не утратили своей актуальности и сегодня.

Самая общая цель когнитивных исследований — опираясь на объективно представленные данные, проникнуть в человеческое сознание и постичь его внутреннюю природу. Реализация этой цели сталкивается с колоссальными трудностями. Прежде всего они связаны с тем, что сложно объяснить средствами языка содержательные сущности, которые лежат за его пределами. В силу этого предлагаемые когнитивной наукой теории содержит лишь частичное объяснение решаемой проблемы и, по сути, составляют лишь приближение к ней. «Неформально говоря, — отметил это обстоятельство В. З. Демьянков, — когнитивная теория — та, которая стремится учесть степень близости конкретного исследуемого феномена к сознанию» [8, с. 39].

Широко принятыми объектами когнитивно-языковых исследований являются концепты — содержательные единицы, «которыми оперирует человек в процессе мышления и которые отражают содержание опыта и процессов познания мира в виде неких “квантов” знания» [11, с. 90]. Обращение именно к концептам и концептуальным структурам при изучении человеческого сознания обусловлено двоякостью их природы. С одной стороны, они принадлежат когнитивной сфере, хотя и задают собой ее поверхностный, непосредственно понимаемый содержательный уровень. С другой стороны, концепты закрепляются в языке и, таким образом, рассматриваются на основе внешней по отношению к ним объективной системы. Эту взаимообусловленность языка и концептов имел в виду Леонард Тальми, когда писал: «Исследования по когнитивной семантике — это исследование концептуального содержания и его организации в языке, а поэтому — и природы концептуального содержания и ее организации как таковой» (цит. по: [10, с. 14]).

В этих условиях отдельно встает вопрос о месте, которое в когнитивной сфере человека занимают так называемые ключевые концепты. Традиционно их рассматривают в отношении к культурному сознанию человека. Ср.: «Ключевой концепт — это общекультурное знаковое понятие, особенно важное для отдельно взятой общности. Некоторые ключевые концепты могут анализироваться как центральные точки, вокруг которых организованы целые области культуры» [15, с. 244]. Так, ключевыми в русском лингвокультурном сознании определяются концепты *СОВЕСТЬ*,

СУДЬБА, ВОЛЯ, ГРЕХ, СВОБОДА, РОДИНА, ДУША, ТОСКА [14, с. 137; 4, с. 35–36]. Вполне очевидно, однако, что концепты такого рода составляют результаты и внешние проявления познавательной деятельности человека и могут рассматриваться также с когнитивных позиций. При этом их культурная значимость показывает их важность в познавательной сфере как всего языкового сообщества, так и отдельной личности.

2. Объект и цель исследования

Ниже речь пойдет о концепте *УСПЕХ*, который, несомненно, относится к числу ключевых в русской лингвокультурной ментальности. По замечанию А. Вежбицкой, нет никакой «объективной процедуры открытия» единиц подобного рода [4, с. 36]. Тем не менее можно с уверенностью говорить о том, что данный концепт занимает одно из центральных мест в семантическом пространстве русского языка, связываясь с любыми видами продуктивной деятельности и отдельного человека, и целой социальной группы, и всего народа. Важно и то, что функциональность этого концепта является всеобщей в языковой среде. Наконец, успех как событие объективной реальности оценивается положительно и в самом общем плане составляет идеальную цель человеческой деятельности.

В лингвокультурологии обращение к единицам подобного рода связано со стремлением найти в соответствующей лингвокультурной традиции «что-то существенное и нетривиальное» [4, с. 37]. Однако неизбежным в этих условиях оказывается и их рассмотрение в когнитивном аспекте, когда в центре внимания оказываются глубинные признаковые структуры ключевых концептов. Эта установка ценна сама по себе: выявление содержательной структуры концепта, имеющего высокую культурную значимость, позволяет проникнуть в сознание носителей языка и при сравнении, должным образом организованном, определить его особенности.

Исходя из всего этого цель работы составила реконструкция глубинных когнитивных характеристик представления об успехе и успешности в сознании носителей русского языка.

3. Теоретические и методологические основания

Теоретическая и методологическая основа исследования представлена следующими положениями:

1. Реальная признаковая структура концепта *УСПЕХ* во всей ее полноте является более широкой по сравнению с непосредственным лексическим выражением, выходит за рамки языка и принадлежит собственно познавательной сфере ассоциированного носителя русского языка.

2. Когнитивная структура концепта *УСПЕХ* более отчетливо проявляет себя в широких семантических условиях, представленных целыми концептуальными областями. Определяющиеся при этом семантические связи позволяют увидеть в структуре данного концепта потенциальные признаки, показывающие его реальное когнитивное наполнение. Условия такого рода задают концептуальную область, организующаяся вокруг концепта *УСПЕХ*.

3. Практическое выявление глубинной признаковой структуры концепта *УСПЕХ* осуществляется в актах семантической реконструкции. Ее надежность повышается при рассмотрении множества слов, имеющих разную грамматическую принадлежность, но объединяемых связью с исходной идеей успеха и этимологическим родством (ср.: *успех* – *успешный* – *успешность* – *спеть* и др.).

4. Эти семантические реконструкции становятся еще более глубокими и надежными при рассмотрении семантической структуры концепта *УСПЕХ* на материале уже неродственных языков, то есть при выходе на типологический уровень. Полученные в этих условиях данные имеют самое непосредственное отношение к познавательной сфере человека [7, с. 35].

4. Методы

Специфика целевой установки исследования и решаемых частных задач предопределили обращение к следующим исследовательским методам:

- ономаσιологический и этимологический виды анализа, позволившие определить первоначальную мотивацию слов, обозначающих концепт *УСПЕХ* в русском языке, и тем самым выявить его когнитивные начала в русском языковом сознании;
- словообразовательный анализ, благодаря которому определяются содержательные аспекты концепта *УСПЕХ* в аспекте его лексического выражения и тем самым более надежно реконструируются его первоначальные содержательные состояния в русском языке;
- концептуальный анализ, на основе которого надежно воссоздаются содержательные структуры концепта *УСПЕХ* в русской языковой ментальности;
- сопоставительный анализ, позволивший определить наиболее глубокие и универсальные когнитивные начала в содержательной структуре концепта *УСПЕХ*;
- метод словарных дефиниций, позволивший определить наиболее заметные признаковые характеристики в содержательной структуре концепта *УСПЕХ* по данным различных словарей;
- семантическая реконструкция, при которой по вариативным данным языка воссоздаются инвариантные содержательные характеристики концепта *УСПЕХ*, имеющие уже статус его когнитивных начал.

5. Полученные результаты

5.1. Мотивирующие основания мысли об успехе и успешности в русском языке

Самые первые сведения о способе когнитивного освоения человеком необходимой мысли дает рассмотрение ее номинации в языке. Именно номинация представляет собой акт, в котором результат когнитивного освоения мира человеком воплощается в языковых формах. Таким образом, в актах номинации структуры сознания оказывают опережающее влияние на язык [10, с. 94 – 95]. При этом, однако, действует обязательное

правило опоры на уже имеющиеся у человека знания о мире — именно эти знания обнаруживаются в ономаσιологическом анализе языковых единиц.

В русском языке слово *успех* со своими производными *успешный*, *успешность* связано деривационными отношениями со словом *успеть* и мотивировано его семантикой. Исходя из этого «успех» понимался носителями русского языка примерно как достижение намеченного результата в некий ограниченный отрезок времени (ср.: *В обеденный перерыв она успела обойти все ближайшие магазины; За время, пока мы не виделись, он успел два раза жениться и развестись; Они очень опаздывали, но все-таки успели на поезд*). В этом случае мотивация слова *успех* определяется его линейными связями с основанием «успеть», представленными в языке и, таким образом, имеющими поверхностный характер.

Однако она может быть рассмотрена в аспекте нелинейных семантических связей данной лексемы, проявляющих себя в более широкой перспективе этимологического родства. И прежде всего в этом плане должно быть рассмотрено слово *спеть*, выражающее достаточно широкий спектр значений. Таковы, в частности, значения спелости, зрелости (*Виноград спеет в октябре*), готовности к употреблению (*Жаркое спеет* 'варится, печется, доходит на огне, вскоре будет годно в пищу'; *Арбузы спеются*), подготовка к использованию (*Враги, спеющие луки; Король спяшет рать велику*), эффективности деятельности (*Работа кипит и спеет; Спей свое дело*), подготовки чего-либо к определенному сроку (*Мы-де готовимся на службу, запасы спеем*), торопливости и скорости (*Собаки спеют по зайцу; Не спехом дело спорится, а толком; Спех людям на смех; Спешный отъезд*), срочности (*Мне не к спеху*) [Даль].

Можно увидеть, таким образом, что семантика слова *спех* в русском языке реализуется в трех общих содержательных направлениях: «имманентной готовности к использованию-употреблению», «эффективности в деятельностном плане», «своеобразной событийной компрессии, скорости». В их числе наиболее близким источником для образования концепта УСПЕХ видится аспект деятельностной эффективности.

Рассмотрение слов *успех*, *успеть* и *спеть* в более широкой перспективе языкового родства позволяет внести в эту картину дополнительные детали. Сохраняя идейную связь с отмеченными содержательными направлениями, соответствия других индоевропейских языков показывают возможные направления их дальнейшего преобразования — таковы, например, словен. *srêh* 'поспешность' и вместе с тем 'процветание', др.-в.-нем. *sriun* 'удаваться', лат. *srêro* 'надеяться, ожидать, полагать, опасаться', др.-инд. *sphāyatē* 'жиреет', 'прибавляется' и др. [Фасмер].

В целом факты подобного рода позволили реконструировать семантику соответствующего праиндоевропейского корня «успех, процветание» как базовую — ср.: *sp(h)ē(i)-*, *spī-* / *sphē-*: *sphə-* 'процветать; распространяться, расти = толстеть; добиваться успеха; иметь успех, удачу; удаваться; удача, успех', *sphē-ti-* 'процветание, благополучие, преуспевание' [Pokorný, S. 983].

Факты подобного рода позволяют заключить, что ближайшим мотивирующим основанием для концепта УСПЕХ в русской языковой мен-

тальности выступает семантический комплекс «достижение намеченного результата в некий ограниченный отрезок времени», на несколько более глубоком уровне такое основание составляет идеологема «деятельностная эффективность» и в самом общем плане УСПЕХ связывается с мыслью о процветании, благополучии.

Еще более глубинные когнитивные начала концепта УСПЕХ могут быть выявлены при осуществлении структурно-семантического анализа совокупности слов, с ним содержательно связанных.

5.2. Структура мысли об успехе

22

Обращаясь к реконструкции частных структурно-содержательных особенностей концепта УСПЕХ, необходимо сделать несколько предварительных замечаний, касающихся установочных сторон этой процедуры. Прежде всего в этих условиях важно учитывать законы преобразования лексической семантики — процессы расширения или сужения значений, метафорические или метонимические переносы и др. [5, с 454].

Также в этих условиях должна соблюдаться установка на реконструкцию таких семантических состояний, связанных с концептом УСПЕХ, которые являются инвариантными по отношению ко всем лексическим и грамматическим условиям реализации этого концепта. Эти состояния рассматриваются уже в отношении к глубинной когнитивной сфере человека.

Описание когнитивной структуры мысли об успехе и успешности возможно на основе определения их элементарных познавательных условий — таких, например, как субъект, объект, активность, пассивность, время, финитность процесса и др. Сходная процедура осуществляется в семантической реконструкции более поверхностных уровней, когда воссоздается не конкретное значение конкретного слова, а совокупность актантов ситуации, через которую это значение описывается [6, с. xci].

Итак, согласно Малому академическому словарю русского языка, в семантической структуре слова **успех** определяются следующие значения: 1) 'положительный результат, удачное завершение чего-л.', в связи с которым указываются еще две его вариации — 'благоприятный исход, победа в каком-л. сражении, поединке и т.п.' и 'хорошие результаты в учебных занятиях, достижения в освоении, изучении чего-л.'; 2) 'общественное признание, одобрение чего-л., чьих-л. достижений' с вариативными значениями (но на самом деле претендующими на самостоятельность) 'признание окружающими чьих-л. достоинств; интерес, влечение со стороны лиц другого пола' [МАС].

При этом вполне очевидно, что отмеченные семантические вариации первого значения составляют тематические сужения исходного общего значения: в одном случае имеется в виду сфера военного противостояния, в другом — учебная сфера. Иные процессы обозначились в вариациях второго значения: 'признание окружающими чьих-л. достоинств' связано с интересом не к деятельности лица, а к его положительным сторонам, определяемым «в синхронии»; значение 'влечение со стороны лиц другого пола', по сути, сводится к значению признания достоинств лица ('влечение к кому-л. со стороны лица другого пола' представляет собой психологическую реакцию на его достоинства).

Структурный анализ значения 'положительный результат, удачное завершение чего-л.' слова **успех** позволяет говорить о ряде следующих познавательных характеристик в отношении глубинного представления об успехе и успешности.

А. **Субъект и волевое начало.** Успех прежде всего связывается с мыслью о субъекте, который может быть единичным или ассоциированным, конкретным или абстрактным (ср.: *Успехи российских спортсменов на чемпионате; Успехи культурного строительства*). Но он неизменно представляет собой одушевленное существо, способное действовать по своей воле. Неживые, неодушевленные объекты с концептом УСПЕХ не связываются (ср.: невозможность предложений **Успех пули в поражении мишени; *Успехи дождей в наполнении пересохших водоемов*). Вместе с тем неодушевленные предметы могут быть о р у д и е м в достижении успеха человеком, и тогда успех приписывается ему — ср.: *Стрелок достиг успеха, поразив мишень всеми тремя пулями.*

Б. **Активность субъекта.** Также необходимым условием успеха является активность субъекта, которая составляет внешнее проявление его волевого начала и связанной с ним деятельности (даже если этот субъект мыслится абстрактно). И наоборот, в семантических условиях статики, отсутствия внешней деятельности потенциально активного субъекта концепт УСПЕХ невозможен — ср.: **Обломов добился больших успехов в лежании на диване.*

В. **Целеположенность и позитивная финитность.** Концепт УСПЕХ в своей когнитивной структуре содержит представление о цели, на которую направлена деятельность субъекта и которая составляет ее сущностный предел. Вне достижения такого предела нет и не может быть успеха. Сам успех определяет этот предел. Важно отметить при этом, что цель, достижение которой рассматривается как успех, имеет ситуативно-обусловленный положительный характер — ср.: *Добились успеха в уничтожении противника, но невозможно: *Успехи мародеров в разграблении брошенных домов.* Существенно важно в этих условиях и то, что полученный в результате осуществляемого действия положительный результат, концептуализируемый как УСПЕХ, заранее не известен — всегда существует риск действия, которое не определяется как успешное. Исходя из этого успеху придается особая значимость, а сам он часто характеризуется посредством стилистически высокой странственной метафоры «венца» — ср.: *Наши поиски увенчались успехом.*

Г. **Сила, усилие.** Предварительная незаданность успеха и зависимость его от активности субъекта предполагает наличие в когнитивной структуре мысли о нем представления об усиллии. Субъект должен приложить усилия для того, чтобы достичь намеченной цели, что, собственно, и мыслится как УСПЕХ. Эта позиция обнаруживает себя на языковом уровне в конструкциях *добиться успеха, достичь успеха.* Глагольные слова в их составе отчетливо демонстрируют в своих семантических структурах признак «сила, усилие». Этот же признак просматривается в семантических структурах ряда отглагольных существительных с семантикой активных действий, направленных на получение желаемого результата, — ср.: *Его работа / борьба / старания / усилия / попытки увенчались успехом.*

Что касается значения 'общественное признание, одобрение чего-л., чьих-л. достижений', то в его составе определяются иные познавательные характеристики:

А. Пассивность субъекта и, наоборот, активность успеха. В семантических условиях такого рода субъект занимает пассивную позицию, он не *стремится* к успеху, не *добивается* его. Зато свойство активности проявляет успех, который сам находит субъекта и становится его атрибутом, — ср.: *Успех рано пришел к молодому писателю; Успех обрушился на режиссера*. Подобная «активность» успеха может проявляться с разной силой — от самой незначительной (ср.: *Успех пришел к нему незаметно*) до предельной и подавляющей субъекта (*Успех обрушился на него*).

Б. Область проявления успеха. Отмеченное значение слова *успех* предполагает наличие в его когнитивной структуре мысли о явлении, в отношении которого успех реализовался. При этом подобные явления могут иметь конкретный или абстрактный характер, но они всегда составляют результат творческой деятельности человека — таковы, в частности, «роман», «монография», «симфония», «концерт», «проект», «выступление», «доклад» и т.п.

В. Относительная активность области реализации успеха. В данных семантических условиях ситуация успеха может мыслиться независимо от субъекта, а активность обнаруживает само явление, с которым связывается успех. При этом его активность проявляется в том, что соответствующее явление может «иметь» успех или «пользоваться» им, — ср.: *Роман имел большой успех; Его лекции пользовались успехом*. Этим активность области реализации успеха, собственно, и ограничивается.

Г. Субъектная среда успеха. Эта актантная характеристика относится к имплицитно представляемой совокупности людей, которые в данных семантических условиях мыслят успех. Условия такого рода всегда допускают наличие вопросов — *у кого? в какой среде?* Ср.: *Повесть имела большой успех (у кого? — у любителей любовных повестей); Лекции профессора пользовались особым успехом (в какой среде? у кого? — у старшекурсников)*.

При этом следует отметить два дополнительных обстоятельства. Во-первых, субъектная среда успеха мыслится как совокупность людей, которые заинтересованы в области реализации успеха и в состоянии оценить ее достоинства. Во-вторых, с этих позиций объясняется глубинная семантическая природа отмеченного в словаре значения 'признание окружающими чьих-л. достоинств, интерес, влечение со стороны лиц другого пола' (*Андрей имел успех у женщин / Андрей пользовался успехом у женщин*). В случаях такого рода грамматическое подлежащее (*Андрей*) — это относительно активная область реализации успеха (ср. более активное в этом отношении: *Андрей заслужил успех у женщин*), а дополнение (*у женщин*) — субъектная среда успеха. Таким образом, языковые конструкции типа *Лекции профессора пользовались большим успехом* и *Андрей имел успех у женщин* оказываются тождественными в плане их глубинной когнитивной структуры.

Д. Динамичная высокая степень. В данных когнитивных условиях концепт УСПЕХ обнаруживает актуальную связь с функциональным признаком Magn. Речь идет о возможном выражении высокой степени проявленности успеха посредством дополнительных слов, в семантических структурах которых содержится признак «очень». Ср.: «Мы будем понимать Magn максимально широко (возможно, более широко, чем это допускается канонами МСТ (модели «Смысл→Текст». — Г. Б., А. К., Е. П.), называя Magn'ами любые слова со значением высокой степени» [12, с. 256]. В отношении успеха таких Magn'ов-прилагательных определено около пятидесяти, и они главным образом являются метафорами большой размерности (*большой / крупный / великий / громадный / колоссальный* и др.), метафорами «сильного» восприятия (*безумный / бешеный / головокружительный / ошеломляющий / поразительный / потрясающий / сумасшедший / впечатляющий* и др.), словами с семантикой некой выделенности (*особый / беспримерной / замечательный / исключительный* и др.), метафорами интенсивного звучания (*громкий / шумный / оглушительный*) [13].

Важно отметить, что эта характеристика успеха имеет ограниченный характер и проявляется только в «положительной» смысловой зоне — от выделяемого в принципе до принципиально и отчетливо отмеченного признака «сила, интенсивность». Ср.: *Лекции профессора пользовались особым успехом; Выступления артиста имели шумный успех; Успех обрушился на молодого писателя; Выступления ансамбля народного танца неизменно проходят с большим / грандиозным / колоссальным успехом.*

Показательно и то, что взаимодействие концепта УСПЕХ с признаками, противоположными признаку Magn, типа «небольшой», «тихий», «незначительный», «умеренный» и т.п. невозможны — ср.: **Лекции профессора пользовались небольшим успехом, *Выступления артиста имели тихий успех.* Вместе с тем допускаются конструкции, в которых отрицается высокая степень успеха (но не он сам), — ср.: *Лекции профессора не пользовались особым / большим успехом; Выступления артиста не имели большого / шумного успеха* («успех имел место, но он был незначительным»). Это обстоятельство говорит о том, что в когнитивной структуре успеха содержится признак «сила», внутренне присущий самому успеху, но он может быть и дополнительно скорректирован внешними лексическими операторами — словами-Magn.

5.3. Когнитивная структура мысли об успехе в условиях более широких словообразовательных связей

При рассмотрении концепта УСПЕХ в контексте более широких этимологических связей обнаруживаются дополнительные направления преобразований лежащего в его основе когнитивного прототипа.

А. Скорость, быстрое движение. Эта идея выражается словом *спешить* 1) 'стараться сделать, исполнить что-л. как можно скорее, торопиться', 2) 'быстро идти, двигаться, стараться быстрее попасть куда-л.', 3) 'показывать неверное, более позднее, чем в действительности, время (о часах)' (последнее значение, по сути, инициировано представлением об ускоренном движении стрелки относительно реального времени). Легко увидеть, что идея быстрого движения связывается с

признаком «активность субъекта», определяемым в когнитивной структуре первого концепта УСПЕХ. Этот признак проявляется и в «старании» субъекта, отмеченном в метаописании основных значений слова *спешить*. Вместе с тем в данных условиях актуальным оказывается принципиально новый признак «скорость». На глубинных когнитивных уровнях он представляет мысль о компрессии событий, но одновременно связан с мыслью об активности субъекта [2, с. 110–130]. Эту же идею быстрого движения выражают слова *спешка*, *спех* (*не к спеху*), *поспешный*, *поспешать*.

Явно вторичный характер имеет заметная оценочная амбивалентность слов, обозначающих такое быстрое движение: с одной стороны, *поспешать*, *спешить* 'торопиться, поспешать, стараться сделать и кончить что скорее, борзиться, гнать делом шибко, быстро, прытко; не медлить, не мешкать, не мотчать' [Даль], а с другой — *спех* (*Спех людям на смех*), *поспешный*, *наспех* 'поспешно, торопливо'. Первые имеют положительные коннотации, связываясь с мыслью о продуктивном действии, вторые — с отрицательными коннотациями и мыслью о некачественности выполняемого дела (*Спех людям на смех; Делали наспех, а сделали на смех!*). На этой основе определяется следующая когнитивная модель: выполняемое дело требует вполне определенного, отвечающего ему времени; на качество этого дела влияет и излишняя медлительность в его осуществлении, и неоправданная поспешность.

Б. Предельное раскрытие сущностной природы явления. В рамках этой концепции реализуется мысль о том, что некоторые явления развиваются во времени и доходят до такого идеального состояния, когда их внутренняя сущностная природа раскрывается во всей своей полноте.

Явления подобного рода представлены в русской лингвокультурной традиции практически полностью продуктами питания — овощами и фруктами, раскрывающими свою сущностную природу в темпорально обусловленной зрелости, и блюдами, требующими времени для приведения их в состояние готовности к употреблению. Эта концепция выражается словом *спеть*: *Виноград спеет в октябре; Щи спеют; Провесная рыба, балыки спеются; спелиха* (моск.) 'зарница, от которой, будто, хлеб спеет', *доспеть* (устар.) 'прийти, наступить (о времени)'. По-видимому, единственное исключение в этом ряду — *Чирей спеет*.

Такая мысль о зависимости идеально «созревшего» явления от темпорального фактора преобразовалась далее в семантику некоего «урочного времени, срока», определяемого абстрактно — ср.: *спеть* (что) 'готовить, изготовлять к сроку; заготовлять, припасать'; *Мы де готовимся на службу, запасы спеем*; (стар.) *Король спьяшет рать велику* [Даль].

Однако эта идея может мыслиться и в отношении более конкретных событий, которые в данных условиях выступают метонимическими репрезентантами «урочного времени» [3, с. 28–30]. События такого рода не подвержены влиянию со стороны активного субъекта и на концептуальном уровне языка обозначаются прямо — ср.: *поспеть / успеть / успевать к отходу поезда / ужину / началу спектакля / открытию выставки* и т.п. При этом можно заметить и то, что такие события определяются, по сути, в своей начальной фазе, а мысль об этой их «на-

чальности» может быть лексически оформлена (ср.: *успеть к началу спектакля, поспеть к открытию магазина*), но может иметь и имплицитный характер.

В. Успешное действие в ограниченное время. Это направление семантического преобразования мысли об успехе обусловлено ее дополнением смыслом темпоральности и собственно критическим смыслом малого количества времени для осуществления субъектом заявленного важного действия. Соответствующее содержание обозначено глаголом *успеть*: *успел увидеть нечто / подхватить падающую вазу / отвести взгляд / подать документы / сгруппироваться при падении / увести машину от столкновения / катапультироваться* и т.п. Структурно содержание данной идеолеммы представляется следующей комбинацией когнитивных величин: *успеть сделать P* = «успех в реализации P» & «малое количество времени». При этом событийная «урочность» времени определяется, по сути, содержанием действия *P*, оцениваемого как «успешное».

Г. П о м о щ ь и п о л ь з а. Эти содержания, вышедшие на уровень концептуальных, представлены в русском языке словами *спешник* (стар). *споспешник* ‘помощник, пособник, покровитель’ [Даль], *приспешник* (устар.) ‘помощник, служитель’ [МАС] (значение ‘соучастник в чем-л. неблагоприятном’ представляет собой очевидное сужение предыдущего). Структурно они включают такие когнитивные характеристики, как «активный субъект» и «активный контрагент» (тот, кто осуществляет помощь), «произвольная деятельность», «совпадение цели деятельности».

Осмысление успеха (его первой модели) в аспекте значимости для человека привело к формированию значения ‘польза’. При этом в русском языке эта польза мыслится еще как «положительный результат» — ср.: *успех* ‘положительный результат, удачное завершение чего-л.’ [МАС], но уже сразу за его пределами определилась как собственно «польза» — ст.-слав. *оуспѣхъ* ‘польза; удача’, *оуспѣшьнь* ‘полезный’ [Благова и др., с. 745–746].

6. Заключение

Осуществленное рассмотрение концепта УСПЕХ в аспекте его глубинной когнитивной структуры позволяет сделать выводы, касающиеся глубинной когнитивной природы мысли об успехе и в целом природы познавательной сферы человека.

1. Семантический архетип успеха в познавательной сфере носителей русского языка представляет собой диффузное содержательное образование — когнитивное поле, в котором нет центра и периферии (каждый элемент одновременно является и центром, и периферией) и в котором потенциально заложены все аспекты его дальнейшей концептуальной актуализации. Именно с этим положением связано отсутствие прямых корреляций между семантическими преобразованиями и.-е. корня **sp(h)ē(i)-*, *spī-* / *sphē-*: *sphə-* ‘процветать; распространяться, расти = толстеть; добиваться успеха; иметь успех, удачу; удаваться; удача, успех’ и его формальными преобразованиями (ср. рус. *спех* (прост.) ‘поспешность, торопливость, спешка’ и вместе с тем *Дело наше спешит* ‘идет

удачно'; ст.-сл. *оустъхъ* 'польза' и 'удача', словен. *spêh* 'поспешность' и 'процветание' и т.п.). Отмеченные особенности когнитивного поля успеха обнаруживают в нем свойства квантовой реальности с ее основными характеристиками нелокальности и запутанности.

2. Отмеченные когнитивные единицы в структуре мысли об успехе близки актантам внеязыковой ситуации, но большей частью принадлежат иному измерению. Так, в данных условиях «контрагент» – это не второй равноактивный деятель внеязыковой ситуации, выполняющий «встречное» по отношению к основному субъекту действие [1, с. xxxii], а лицо, присоединяющее свои усилия к усилиям субъекта, выполняющего определенное действие; «активность субъекта», «целеположенность» и «позитивная финитность» действия – характеристики, принадлежащие познавательной сфере человека и не определяющиеся вне этой сферы.

3. Когнитивные единицы в структуре мысли об успехе вступают в разные комбинации, образуя основу для новых концептов в языковой ментальности носителей русского языка. Однако они представляют собой некий постоянный каталог элементарных когнитивных параметров («время», «активность», «деятельный субъект», «активность», «финитность», «сущностная полнота» и др.), которые имеют вид своеобразных когнитивных «констант» и обеспечивают постижение мира человеком.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Структура словарной статьи словаря // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. М.; Вена, 2004.
2. Берестнев Г.И. В поисках семантических универсалий. Калининград, 2010.
3. Берестнев Г.И. Когнитивное освоение времени // Россия: изменяющийся образ времени сквозь призму языка. Репрезентация концепта времени в русском языке в сопоставлении с английским и немецким языками. М., 2012. С. 27 – 33.
4. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001.
5. Гак В.Г. Языковые преобразования. М., 1998.
6. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси, 1984.
7. Гринберг Дж., Осгуд Ч., Дженкинс Дж. Меморандум о языковых универсалиях // Новое в лингвистике. М., 1970. Вып. 5. С. 31 – 44.
8. Демьянков В.З. Когнитивизм, когниция, язык и лингвистическая теория // Язык и структуры представления знаний. М., 1992. С. 39 – 77.
9. Ковшиова М.Л. Лингвокультурологический метод в фразеологии: Коды культуры. М., 2013.
10. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.
11. Кубрякова Е.С. Концепт // Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1997. С. 90 – 93.
12. Кустова Г.И. Слова со значением высокой степени: семантические модели и семантические механизмы (Magn'ы-прилагательные) // Слово и язык : сб. ст. к 80-летию Ю.Д. Апресяна. М., 2011. С. 256 – 267. URL: https://ruslang.ru/doc/apresjan_festschrift2011/Kustova.pdf (дата обращения: 25.03.2022).

13. Кустова Г. И. Словарь русской идиоматики. Сочетания слов со значением высокой степени // Словари, созданные на основе Национального корпуса русского языка. URL: <http://dict.ruslang.ru/magn.php> (дата обращения: 25.03.2022).

14. Маслова В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие. М., 2001.

15. Пивовар Е. С. Ключевой концепт как структурирующее начало языковой картины мира у белорусов и русских // Русистика. 2019. Т. 17, №2. С. 243–254.

16. Толстой Н. И. О предмете этнолингвистики, о ее роли в изучении языка и этноса // Ареальные исследования в языкознании и этнографии (Язык и этнос). М., 1983. С. 181–190.

17. Chafe W. L. Repeated verbalizations as evidence organization of knowledge // Preprint of the plenary session papers. XIV International Congress of Linguists. Berlin, 1987. P. 88–110.

Словари

Благова и др. — *Старославянский словарь* (по рукописям X–XI веков) / Э. Благова, Р. М. Цейтлин, С. Геродес [и др.]. М., 1999.

Даль — *Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка*. 2-е изд. М.; СПб., 1955.

МАС — *Словарь русского языка* : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1985–1988.

Фасмер — *Фасмер М. Этимологический словарь русского языка*. М., 1964–1973.

Pokorny — *Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. 1. Tübingen ; Basel, 2005.

Об авторах

Геннадий Иванович Берестнев — д-р филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: berest-gen@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1783-6253>

Алла Алексеевна Камалова — д-р филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: aaka46@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5165-9515>

Екатерина Сергеевна Пивовар — канд. филол. наук, доц., Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, Беларусь.

E-mail: eka15580575@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1760-3695>

The authors

Prof. Gennady I. Berestnev, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: berest-gen@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1783-6253>

Prof. Alla A. Kamalova, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: aaka46@rambler.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5165-9515>

Dr Yekaterina S. Pivovar, Associate Professor, P.M. Masherov Vitebsk State University, Belarus.
E-mail: eka15580575@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1760-3695>

Е. В. Шаповаленко

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФОТОКОРПУСА
ПРИ ИЗУЧЕНИИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ
(НА ПРИМЕРЕ ДЕРИВАТОВ С ПРЕФИКСОМ SUPER-)**

Поступила в редакцию 25.03.2022 г.

Рецензия от 02.04.2022 г.

31

Анализируются тенденции префиксальной именной деривации, выявляемые на основе анализа данных, зафиксированных в Национальном фотокорпусе польского языка. Показывается, что анализ дериватов с префиксом super-, функционирующих только в современных дискурсивных практиках, приводит к необоснованным выводам об инновационности данного процесса в польском языке. Собранные в фотокорпусе датированные и локализованные фотоцитаты обеспечивают достоверность получаемых данных, позволяющую утверждать, что присоединение префикса super- к именным частям речи являлось активной словообразовательной практикой в польском языке уже с начала XX столетия. Влияние англо-американской лингвокультурной глобализации привело к увеличению продуктивности данной модели и к семантической спецификации префикса super-, выполняющего функции маркера исключительно положительной оценки.

The paper analyzes the trends of prefix nominal derivation, identified on the data analysis represented in the National Photographic Corpus of the Polish language. It is shown that the analysis of derivatives with the prefix super-, functioning only in modern discursive practices, leads to unreasonable conclusions about the innovativeness of this process in the Polish language. The dated and localized photo citations collected in the photocorpus ensure the reliability of the data obtained, which allows us to assert that the addition of the prefix super- to the nominal parts of speech has been an active word-formation practice in the Polish language since the beginning of the XX century. The influence of Anglo-American linguistic and cultural globalization has led to an increase in the productivity of this model and to semantic specification of the prefix, which serves as a marker of an exclusively positive evaluation.

Ключевые слова: словообразование, именная префиксация, префиксы греко-латинского происхождения, префикс *super-*

Keywords: word formation, nominal prefixation, prefixes of Greek-Latin origin, prefix *super-*

Введение

Активизацию употребления заимствованных словообразовательных элементов в современном польском языке все исследователи связывают с действием тенденции интернационализации, или глобализации. Уче-

ные говорят о смене источника интернациональной лексики в современных славянских языках: «Формирование международного (общеславянского) лексического и словообразовательного интернационального фонда, который содержит генетически разные пласты интернациональной лексики, продолжается сегодня за счет инновационных заимствований из американского варианта английского языка и активизирующихся под его влиянием греко-латинских элементов» [2, с. 186]. Особое внимание обращается при этом на наиболее продуктивные в современных славянских языках препозитивные компоненты греческого и латинского происхождения: *anty-/anti-, quasi-, pseudo-, mega-, ekstra-/extra-*, среди которых наибольшую деривационную активность проявляет формант латинского происхождения *super-* [13, с. 180 – 181].

Большинство авторов, исследующих особенности функционирования вышеуказанных префиксов, ограничивается изучением префиксальных дериватов на основе современных источников. В качестве материала привлекаются в основном данные корпусов национальных языков или различных массмедийных источников, регистрирующие резкое усиление деривационной активности данного префикса. Отсутствие диахронического подхода вкупе с конфронтативной перспективой исследования прототипических морфолого-семантических вариантов префиксов в латинском или греческом языках, а также в современном английском языке, «вдохнувшем» в древние префиксы новую жизнь, снижает достоверность получаемых результатов и постулируемых выводов. Целью данной работы является восполнение вышеуказанных исследовательских лакун посредством проведения анализа с привлечением данных различных словарей, и в первую очередь данных Национального фотокорпуса польского языка (далее – НФПЯ) [9].

Материал и методы исследования

Материал исследования почерпнут из Национального фотокорпуса польского языка. Этот проект реализуется с 2014 г. профессором Варшавского университета Яном Вавжиньчиком совместно с профессором университета им. А. Мицкевича Петром Вежхонем. НФПЯ представляет собой созданный на базе датированных и локализованных фотоэксерпций корпус, являющийся большим достижением современной польской лексикографии. В ходе анализа использовались деривационный, контекстуальный и лингвостатистический методы исследования. Применение лингвостатистических методик включало в себя сопоставление данных двух корпусов польского языка: Национального фотокорпуса польского языка и Национального корпуса польского языка.

Результаты и дискуссия

В латинском языке *super* функционировал в качестве предлога и имел прямое значение: «to or in a position higher than, over, above; above the normal vertical level of; on (to) the uppermost part or surface of, on top of»; «further from a centre, than, beyond» ('над, на вершине чего-либо'; 'за пределами чего-либо' [7, р. 1872 – 1873]). Слово-этимон имело также переносное значение дополнительности и превышения какой-либо количе-

ственной или качественной характеристики: «in addition to, besides» ('в добавление к чему-либо, кроме того'); «to a greater degree or extent than, beyond, more than; above all, more than anything; in excess of» ('в большей степени, нежели; больше всего, сверх чего-либо') [7, p. 1872–1873].

В европейские языки *super-* проникает в составе заимствованных терминов и сохраняет свойственное ему как предлогу значение в латинском языке. Некоторые ранние единицы, зафиксированные НФПЯ, демонстрируют унаследованную из латинского языка локативную семантику верха и переносное значение дополнительности: *superpozycja* «позиция одного предмета над другим» (1931), *superrewizja* «повторная ревизия» (1931), *superdywidenda* «сверхприбыль» (1931), *superinfekcja* «повторное заражение» (1938), *supertonika* «надтональность» (1968) и др.

В НФПЯ фиксируются также дериваты, в которых *super-* используется в переносном значении превышения качественной или количественной характеристик. В подобных образованиях исследуемый префикс присоединяется к абстрактным существительным славянского или иноязычного происхождения, в которых обозначает высокую степень проявления признака: *supermądrość* (1957), *superporządek* (1957), *superwyjatek* (1957), *superlojalność* (1964), *superintryga* (1967). Данное значение присуще также ряду прилагательных, в которых *super-* выполняет функцию интенсификатора значения, выраженного производящей основой: *super-leniwoty* (1938), *supernaukowy* (1948), *superprawdziwy* (1953), *superfantastyczny* (1954), *superpoważny* (1957), *superszybki* (1960), *superbogaty* (1969), *supermocny* (1970), *superniski* (1980) и др.

Присоединяясь к существительным и указывая на наивысший статус какой-либо организации, функции или должности (*supermatematyk* (1937), *superlaboratorium* (1953), *superpolicja* (1960), *superprzedsiębiorca* (1962), *supernministerstwo* (1964), *superbank* (1964), *superagent* (1979), *superprzedsiębiorstwo* (1985), *superurząd* (1988), *superminister* (1990)), префикс *super-* начинает постепенно демонстрировать переход от градуального значения высокой степени проявления качества к ее оценке. «Логика наблюдаемого в данных лексических единицах семантико-прагматического сдвига вполне очевидна: превышение нормы естественным образом влечет за собой когнитивную операцию оценки» [5, с. 164].

Зафиксированные НФПЯ примеры демонстрируют, что примерно до начала 1980-х гг. префикс *super-* присоединяется к автохтонным производным основам, имеющим не только нейтральную или позитивную, но и негативную коннотацию, например *super-oszust* (1949), *super-szatan* (1963), *superpochlebstwo* (1968), *super-oprych* (1974), *superlajdak* (1977), *supersnob* (1979), *supercwaniak* (1979), *superkapuś* (1989). Следовательно, на определенном этапе развития префикс выполнял в польском языке функцию интенсификации значения какого-либо признака без конкретной привязки к позитивной или негативной семантике основы.

Анализ хронологии представленных в НФПЯ дериватов позволяет утверждать, что начиная с 1980-х гг. *super-* все чаще присоединяется к основам, обладающим позитивной семантикой: *superboski* (1979), *superdoskonałość* (1980), *supergrzecznie* (1986), *supersukces* (1986), *superzdolny* (1986), *supermiłość* (1987), *super optymizm* (1988), *superluksusowy* (1988), *supermistrzowski* (1988), *supersolidny* (1988), *supersprawy* (1988) и др. Регу-

лярное присоединение префикса к основам, обладающим позитивной коннотацией, обуславливает трансформацию словообразовательного значения и постепенное закрепление за компонентом функции исключительно положительного оценочного маркера.

Рост именной префиксации в словообразовательных процессах современных славянских языков многие исследователи связывают с адаптацией «прежде заимствованных основ, которые начали восприниматься как основы членимые, а следовательно, способные к образованию новых слов» [3, с. 290]. Воспринимаемые и интерпретируемые носителем языка заимствованные словообразовательные компоненты начинают осознаваться как полноправные морфемы, обладающие семантикой и определенной сочетаемостью, что позволяет им участвовать в деривационных процессах уже на почве польского языка, присоединяясь к польским производящим основам.

В конце XX столетия Р. Пшибыльска, ссылаясь на данные словарей, придает сочетаемости элемента *super-* не только с англоязычными, но и с польскоязычными основами статус новой тенденции в польском языке. По утверждению лингвиста, новые дериваты с исследуемым компонентом «появляются в данное время не только в терминологической сфере, но и получают широкое распространение в разговорном польском языке» [12, s. 105] (здесь и далее перевод наш — Е. Ш.). Многие другие польские и российские дериватологи, анализируя причины активизации во всех славянских языках префиксов греко-латинского происхождения, эксплицитным образом указывают на действие тенденции интернационализации [4, с. 687; 5, с. 349; 8, s. 209; 11, s. 29] или тенденции англоглобализации [1, с. 383]. При любом из двух подходов использование префикса в оценочной функции, или его прагматикализация, описывается всеми исследователями как инновационный процесс, не имеющий прецедентных феноменов в истории национальных языков. В то же время, как показывают приведенные нами выше примеры из Национального фотокорпуса польского языка, данная тенденция имела место также в предыдущие периоды развития польского языка, с конца 1950-х гг. Влияние американского варианта английского языка выражается лишь в активизации данной модели на уровне речевого употребления и сужения оценочного потенциала префикса до исключительно позитивной.

В период новейшего времени префикс *super-* активно участвует в образовании существительных со значением лиц, осуществляющих профессиональную или какую-либо другую деятельность, и становится маркером наивысшей оценки их заслуг: *superklasyk* (1980), *superpisarz* (1980), *supermecenat* (1983), *superartysta* (1988), *superdoktor* (1988), *superpianista* (1988), *superspecjalista* (1988), *superfachowiec* (1988), *superdziennikarz* (1988), *supersekretarz* (1989), *superpartner* (1989), *supermodelka* (1995), *superuczony* (1996), *superbiznesmen* (1997), *supermodel* (2000), *superdyrektor* (2000), *supergracz* (2000), *superpiłkarz* (2000) и даже *superzbrodniarz* (1986). Компонент *super-* присоединяется не только к существительным *nomina agentis*, но и к основам, называющим лица, качества которых подвергаются высокой положительной оценке: *superdziewczę* (1982), *superkobieta* (1983), *superojciec* (1987), *superwilk* (1988), *superksiężę* (1990), *superdziewczyna* (1995), *superbohaterka* (1999), *supergość* (2000).

Префиксальный компонент участвует также в образовании наименований продуктов интеллектуальной деятельности человека (*superspektakl* (1986), *superreportaż* (1987), *superkino* (1988), *superprasa* (1992), *superfilm* (1992)) и различных материальных объектов, многие из которых функционируют в сфере потребления (*supersamochód* (1987), *superrezydencja* (1988), *superwilla* (1990), *superautostrada* (1995), *superoferta* (1995), *superkoszulka* (1995), *supersalon* (1996), *superbluzka* и *superbluzeczka* (1997), *superhit* (1999), *supergadźet* (1999), *supercena* (2000)).

Необходимо отметить, что значительная часть приведенных выше дериватов, в которых *super-* выполняет позитивную оценочную функцию, зафиксирована в НФПЯ уже после 1989 г. Данные фотокорпуса отчетливым образом иллюстрируют утверждение о том, что «интеграция Польши с конца 90-х годов прошлого столетия в общемировое лингвокультурное пространство в значительной степени усиливает воздействие словообразовательных моделей английского языка с их тяготением к прагматико-ориентированным номинациям» [6, с. 168]. Если с 1916 по 1988 г. НФПЯ фиксирует 585 дериватов с префиксом *super-*, то в течение одного десятилетия, с 1990 до 2000 г., в НФПЯ регистрируется уже 177 дериватов.

Определение словообразовательного значения препозитивного компонента и его функций, безусловно, требует обращения к контексту. НФПЯ предоставляет такую возможность, поскольку каждая зафиксированная в корпусе единица сопровождается не только датировкой, но и фотоцитатой:

Zbigniew Rosuń miał ten fart, że posiadał taki dom, superwillę. – Збигневу Росуну повезло, что он имел такой дом, **супервиллу**.

Właśnie ów supersamochód z mówiącym komputerem – inteligentnym, dowcipnym, obdarzony świetnym refleksem... – Именно этот **суперавтомобиль** с говорящим компьютером, остроумным и наделенным прекрасной реакцией...

Żeby stać się tematem publikacji w Machinie, trzeba być supergościem. Jej bohaterowie to w głównej mierze kultowe postacie masowej kultury. – Чтобы стать темой публикации, надо быть **суперличностью**. Его [журнала] герои – в основном культовые представители массовой культуры.

*Szaleliśmy w mazurskiej chatupie u pewnego bardzo znanego artysty, który był akurat na **supertopie**.* – Мы развлекались в мазурском доме одного очень известного художника, который как раз был в **супертоне**.

*Ale powiedzmy, że wśród wilków urodzi się **superwilk**. To on zdobędzie władzę w stadzie i zacznie dawać początek doskonalszym niż dotąd wilkom.* – Допустим, что среди волков родится **суперволк**. Тогда он завоюет власть и положит начало более совершенным, чем прежде, волкам.

В этих и многих других примерах *super-* выступает в качестве универсального препозитивного ценностного маркера. Аксиологическому маркированию подвергаются дорогостоящие предметы потребления (*supersamochód*, *superwilla*); люди, достигшие состояния успешности (*supergość*); персоны, которые находятся не только в *tone*, но и в *supertone*, а также сама США как страна – источник массового заражения глобализованной лингвокультурной страстью к префиксальной «супер-топ-

иерархизации». Последний пример, однако, говорит об утрате человечеством человечности в безоглядной гонке к сверхчеловеку, которая сопровождается активизацией принципа *Homo homini lupus est*, восходящего к комедии М. Плавта под выразительным названием «Ослы».

К. Вашак наиболее обобщенно описывает функцию, выполняемую препозитивным компонентом в современных дериватах: «Элемент *super-* участвует в образовании многочисленных определений лиц, предметов, явлений, которые обладают наивысшим качеством или превышают с той или иной точки зрения (например, с точки зрения новизны, привлекательности, объема) другие лица, предметы и явления. Можно утверждать, что это наилучшие экземпляры (*okazy*), относящиеся к своему классу» [13, s. 127].

Примечательно, что НФПЯ фиксирует также и сам дериват «суперэкземпляр», употребляющийся в высказывании К. Вашак в качестве родового определения: *superokaz* (1988): *Igdy pojawi się wyjątkowy okaz jakiegoś warzywa czy owocu, starają się korzystać z jego nasion, mając nadzieję, że ten superziemniak czy supermarchewka będzie rodzić kolejne superokazy.* — И когда появится исключительный экземпляр какого-нибудь овоща или фрукта, они стараются использовать его семена в надежде, что эта **суперкартофелина** или **суперморковка** будут плодить очередные **суперэкземпляры**.

Выводы

Таким образом, анализ данных фотокорпуса дает более полную, а следовательно, более объективную картину употребления префикса *super-* в польском языке, позволяя проследить и описать механизмы семантико-прагматических и деривационных преобразований в их хронологической динамике. Следует отметить более полную статистическую картину примеров, представленных в Национальном фотокорпусе польского языка в соотнесении с Национальным корпусом польского языка. Если в НФПЯ зафиксировано 762 уникальных деривата с препозитивным компонентом *super-* на протяжении 1916–2000 гг., то в Национальном корпусе польского языка [10] содержится только 213 производных с данным префиксом (на протяжении 1988–2010 гг.). Анализ данных фотокорпуса позволяет утверждать, что активность префикса *super-* в польском языке не является абсолютно новым языковым феноменом, инициируемым новейшими экстралингвистическими факторами, в первую очередь воздействием американского варианта английского языка. Зафиксированные в НФПЯ примеры в определенном смысле смягчают категоричность утверждений как польских, так и российских лингвистов о современных деривационных процессах как инновационном феномене, не имевшем прецедентов на почве самих принимающих языков в более ранние периоды. Выполненный нами лингвостатистический анализ зафиксированных в фотоцитатах примеров свидетельствует о существовании дериватов с префиксом *super-* и в более ранние периоды, а также о его значительной словообразовательной активности. Сопоставление дериватов новейшего времени со словообразовательным рядом предшествующего периода дает все основания утверждать, что влияние англоглобализации выражается в активизации уже функционирующей в польском языке модели.

Список литературы

1. Коряковцева Е. И., Рацибурская Л. В. XV международный съезд славистов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. №3-1. С. 382–389.
2. Мартинкова А. А., Кудрявцева Е. Л. Интернационализация vs. национализация: тенденция национализации в эпоху глобализации (на материале чешского и русского языков) // И. А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика: междунар. конф.: V Бодуэновские чтения (Казан. федер. ун-т, 12–15 окт. 2015 г.): тр. и матер. : в 2 т. Казань, 2015. Т. 2. С. 186–188.
3. Потапова Г. А. Именная префиксация как активный деривационный процесс словообразования современного русского языка // Преподаватель XXI век. 2010. №3. С. 290–295.
4. Рацибурская Л. В., Тимофеева А. А. Специфика «глобализации» в деривационных процессах русского и чешского языка // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2010. №4 (2). С. 687–689.
5. Субботина М. В. Тенденция к интернационализации и современные деривационные процессы // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. №3 (1). С. 349–355.
6. Шкапенко Т. М., Шаповаленко Е. В. Семантико-прагматическая эволюция префикса латинского происхождения *super* (по данным польского и английского языков) // Научный диалог. 2020. №2. С. 161–177.
7. Glare P. G. W. Oxford Latin Dictionary. L., 1968.
8. Kowalewska-Dąbrowska J. Wartościowanie jako komponent semantyczny neologizmów słowotwórczych w publicystyce // Wokół słów i znaczeń V. Słowotwórstwo w różnych odmianach języka. Gdańsk, 2013. S. 209–215.
9. Narodowy Fotokorpus Języka Polskiego. URL: www.nfjp.pl (дата обращения: 24.03.2022).
10. Narodowy Korpus Języka Polskiego. URL: www.nkjp.pl (дата обращения: 24.03.2022).
11. Ożóg K. Polszczyzna przelomu XX i XXI wieku: wybrane zagadnienia, Kraków, 2004.
12. Przybylska R. Super // Język Polski. LXXV. 1995. Z. 2. S. 104–107.
13. Waszakowa K. Przejawy internacjonalizacji w słowotwórstwie współczesnej polszczyzny. Warszawa, 2005.

Об авторе

Евгений Владимирович Шаповаленко — асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: eugeniusz@popolsku.ru

The author

Evgeny V. Shapovalenko, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: eugeniusz@popolsku.ru

**ИНКЛЮЗИВНАЯ ФУНКЦИЯ ПЕРЕВОДА
В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО МУЗЕЯ**

Поступила в редакцию 26.02.2022 г.

Рецензия от 22.03.2022 г.

38

Статья посвящена музейной коммуникации в виртуальном пространстве современных интернет-платформ, предоставляющем пользователю возможность открыть для себя шедевры мирового искусства. В контексте пандемии виртуальное посещение музея стало особенно актуальным. Реализация принципов доступности и инклюзии среди иноязычных туристов / зрителей требует от музеев и галерей лингвокультурной адаптации пояснительных текстов и этикетки картин. Цель настоящего исследования – описать функции перевода применительно к музею на примере сопроводительных текстов к выставочным экспонатам, представленным на цифровой платформе «Артефакт» в рамках национального проекта «Культура». Обеспечение языкового равенства посетителей музея в условиях мультикультурного городского общества определяется как инклюзивная функция перевода. Анализ моделей музейной коммуникации, а также обзор лучших зарубежных и отечественных практик в аспекте перевода показали, что роль *lingua franca* традиционно отводится английскому языку в его упрощенной глобализованной версии. Для трансляции общей информации о художнике, произведении искусства перевод должен отвечать критериям оценки качества и выполняться профессионалами, а не системами машинного перевода. Автором даны практические рекомендации по адаптации контента сопроводительных текстов.

*The article deals with museum communication in the virtual space of modern Internet platforms, which provide the user with the opportunity to discover masterpieces of world art. In the context of the pandemic, virtual museum visits have become especially relevant. The implementation of principles of accessibility and inclusion among foreign-speaking tourists / viewers requires museums and galleries to adapt exhibition texts and labels linguistically and culturally. The purpose of this study is to describe translation functions in a museum on the labels for exhibits presented on the Artefact digital platform within the framework of the Culture national project. Linguistic equality of museum visitors in a multicultural urban society is determined as an inclusive function of translation. The analysis of museum communication models, as well as the review of the best local and foreign practices in the translation aspect reveals that the role of *lingua franca* traditionally belongs to the English language in its simplified globalized version. In order to render general information about an artist or a work of art, the translation must meet the criteria of quality assessment and be performed by professionals, not by machine translation systems. The author provides practical recommendations for adapting museum texts.*

Ключевые слова: цифровизация музея, музейный текст, перевод в музее, транслатологическая инклюзия, платформа «Артефакт»

Keywords: museum digitalization, museum text, museum translation, translational inclusion, Artefact Platform

Введение

В условиях острой конкуренции с другими видами досуга в современном обществе можно наблюдать трансформацию музеев как трансляторов исторических знаний и культурных ценностей, выражающуюся в поиске новых форм взаимодействия с аудиторией. Одной из реакций социума на возможности, предлагаемые новыми технологиями для осуществления различных потребностей, стал международный туризм с его многочисленными видами, отражающими интересы разных социальных групп [3, с. 115]. Музейный туризм долгое время рассматривался как подвид «культурного туризма». Однако с 1970-х гг. на Западе и с начала 1990-х в России музеи переживают смену устоявшейся парадигмы и вынуждены искать альтернативные внебюджетные источники финансирования, в том числе активно привлекая туристические потоки. Посетителя музея в качестве главного объекта музейного маркетинга заменил *homo turisticus*. Появились новые формы музеев, изменились экспозиционные подходы, в музееведении акцент с коллекции музея сместился на посетителя с его индивидуальным набором социокультурных, языковых и психологических характеристик, формат монолога музейной коммуникации уступил диалогу с посетителем. Музейный туризм стал средством внутренней мобилизации и адаптации к реалиям рынка, а также сферой с высоким потенциалом удовлетворения потребностей современного туриста в гонке индивидуального спроса [7, с. 5].

Однако продолжающаяся пандемия коронавируса больно ударила по культурным учреждениям: в конце 2020 г. в целях предотвращения распространения коронавирусной инфекции были закрыты 95 % из 60 тыс. музеев по всему миру. Подобное обстоятельство обострило проблему доступности культуры и выдвинуло на первый план широко обсуждаемую концепцию дигитализации музейных коллекций. В Лувре, самом посещаемом музее мира (9,3 млн посетителей ежегодно) количество просмотров виртуальных коллекций на время локдауна выросло в четыре раза, достигнув 400 тыс. просмотров в день [14]. В настоящий момент, несмотря на возобновление своей работы, музеи отмечают сокращение числа посетителей по сравнению с показателями прошлых лет. Необходимость переосмысления культурного сектора, его адаптируемости к новым условиям заложила основу глобальной инициативы ЮНЕСКО – Resili Art, призванной поддержать индустрию культуры и творчества, как и культурные учреждения, которые серьезно пострадали в результате пандемии. Перед музеями всего мира встала задача как можно быстрее научиться функционировать на расстоянии и, несмотря на недоступность для посещения, остаться на виду и не утратить свою значимость. В качестве меры поддержки под эгидой ЮНЕСКО была создана онлайн-платформа для проведения открытых обсуждений самых успешных практик [22].

Включение учреждений культуры в туристическую индустрию, а также эпидемиологическая обстановка последних лет потребовали от музеев большей открытости, трансформации коммуникативных практик с учетом представленности контента на онлайн-платформах, языковой доступности сопроводительных материалов выставок, включая каталоги, флайеры, анонсы в прессе, экспликации, этикетаж и т.д. *Инклюзия / inclusion* и *доступность / accessibility*, провозглашенные Международным советом музеев (ИКОМ), стали основополагающими принципами музейной деятельности в XXI в., согласно которым музей должен ориентироваться на всех членов общества, независимо от их пола, возраста, национальной принадлежности, вероисповедания и языка [22; 23].

Перевод для музея как шаг к равным возможностям

В экспозиционно-выставочной деятельности музея исторически существуют две концептуальные модели. «Элитарная» модель, основанная на идеях романтизма и приоритете индивидуальности, обращается к удовлетворению эстетических потребностей человека. «Демократическая» модель предполагает приоритет просветительской функции и восполнение потребности посетителей в новых знаниях.

Второй подход сегодня переживает свой очередной расцвет, что находит выражение в повсеместной реализации инклюзивных проектов [10, с. 248]. Инклюзия трактуется в широком понимании, включая как организацию доступной среды для посетителей с ограничениями двигательных функций и ментальными нарушениями, так и возможность ознакомиться с экспонатами виртуально и получить информацию о них, в том числе на понятном языке-посреднике.

Обеспечение коммуникации — одно из важнейших направлений работы музея как социального института, выполняющего функции трансляции ценностей, интерпретации наследия, укрепления социальных связей, формирования культуры участия, создания условий для гражданского диалога. Исследованию коммуникационной модели культуры посвящены работы М. Маклюэна, феномен музея как специфической социо-культурной информационной системы описан М. С. Каганом, теория музейной коммуникации представлена в трудах Д. Камерона, Е. Хупер-Гринхилл, М. Б. Гнедовского [1], Б. А. Столярова [9], О. С. Сапанжа [5], к особенностям написания текстов для музея и проблемам их интерпретации обращаются Х. Коксалл [13], Л. Равелли [21], Дж. Бланден [12], а также Н. А. Никишин [4], С. В. Пшеничная [6], И. П. Рябкова и А. А. Дерюгина [8] с позиции семиотического спектра культуры. Вопросы языка музея в аспекте перевода, искусствоведческих текстов как объекта перевода остаются, однако, малоизученными.

При этом именно перевод может сделать музей более доступным для глобального посетителя, чем и объясняется выбор английского языка в качестве *lingua franca* в ведущих музейных учреждениях мира. Например, в Третьяковской галерее, Русском музее, Государственном Эрмитаже большинство экспликаций и этикеток постоянной коллекции, так же как и временных выставок, сопровождается переводом на английский язык. Авторами переводов выступают как профессиональные перевод-

чики, работающие на заказ, так и кураторы выставок, сотрудники музея, волонтеры. Несмотря на то что культурное волонтерство в нашей стране находится еще в самом начале своего развития, ряд крупных музейных комплексов обращается за помощью в переводе документации на иностранные языки к добровольцам, интересующимся искусством, владеющим иностранными языками (сообщество волонтеров Третьяковки, государственный музей-заповедник «Царицыно»). Волгоградский музей изобразительных искусств им. И. Машкова взаимодействует со студентами лингвистического профиля Волгоградского государственного университета [11], служба волонтеров Государственного Эрмитажа привлекает на практику иностранных студентов — носителей языка, что свидетельствует о высокой потребности в современных учреждениях культуры в языковом посредничестве.

В своей работе «Профессиональные музейные переводчики на службе многоязычия и доступности в музеях Италии» М. Манфреди отмечает тот факт, что ни в обновленной номенклатуре профессий музейных работников Международного совета музеев, ни в перечне сфер деятельности членов профессиональных переводческих ассоциаций Италии понятие «музейный переводчик» не встречается [20]. Информационный поиск в сети Интернет по аналогичному запросу позволяет констатировать, что на российском рынке переводческие услуги ограничиваются письменным переводом маркетинговой продукции скорее промышленных, чем художественных выставок, а также устным переводом у выставочного стенда разнообразной тематики. Стоит отметить, что несколько лет назад в рамках образовательного проекта компании «ЛингваКонтакт» был запущен авторский курс Т. Швеца «Основы перевода в сфере культуры и искусства», в ходе которого практикующие переводчики имеют возможность изучить принципы организации биеннале, форумов, работы аукционных домов, познакомиться с жанрами и форматами живописи и т.д. Востребованность данного курса является еще одним доказательством необходимости подготовки специалистов лингвистического профиля в сфере искусства и, в частности, музейного дела.

Цель настоящего исследования — дать характеристику перевода как комплексной деятельности, в том числе в контексте развития цифровой культуры и практики инклюзии иноязычных посетителей музея.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

- изучить особенности музейной коммуникации;
- описать функции перевода в музее;
- выделить языковые особенности музейных текстов;
- провести анализ сопроводительных текстов выставочных экспонатов, представленных в национальном проекте «Культура», реализуемом на платформе «Артефакт».

Материалом исследования послужили экспликации и этикетаж постоянных выставок ГМИИ им. А. С. Пушкина и Государственного Русского музея, размещенные на платформе «Артефакт» [24].

«Артефакт» представляет собой гид по музеям России в технологии дополненной реальности, который позволяет ценителям искусства получить новый опыт и впечатления от посещения выставки или побывать

на экскурсии, даже не выходя из дома. Он применяется во всех типах российских музеев (на сегодняшний момент в списке больше 250 учреждений), но особенно востребовано данное приложение в коллекционных музеях, обладающих сверхнасыщенными артефактами, но «молчаливыми» экспозициями. Приложение распознает внесенные в электронную базу музейные экспонаты и, дополняя экспозиционную реальность, выводит информацию о них на экран мобильного устройства посетителя. В условиях пандемии подобный цифровой контент, позволяющий сохранить находящуюся в самоизоляции аудиторию, стал еще более необходимым.

Особенности музейной коммуникации

Музейный мир сильно эволюционировал за последние десятилетия с точки зрения как его роли в обществе и материального воплощения, так и основных элементов, на которых построена его деятельность [16]. В то же время ICOM по-прежнему признает за музеем три основные функции: хранение, исследование и коммуникацию. Коммуникация включает в себя образование и выставочную деятельность. Эксперты отмечают, что в последнее время образовательная функция усилилась и более правильным будет говорить о медиации / интерпретации [18]. Музейный язык служит созданию впечатления, способствует восприятию и усвоению информации.

Х. Хаузендорф [16], исследуя коммуникацию в сфере искусства в лингвистическом ракурсе, выделяет пять задач языка, реализацию которых можно представить в виде трехуровневой модели (табл. 1).

Таблица 1

Трехуровневая модель коммуникации в сфере искусства

Коммуникативная задача				
Мыслительная / Bezugnehmen (О чем идет речь?)	Описательная / Beschreiben (Что можно уви- деть?)	Интерпрета- тивная / Deuten (Что стоит за этим?)	Познаватель- ная / Erläu- tern (Что об этом известно?)	Оценочная / Bewerten (Как это оце- нить?)
Прагматические и семантические средства				
Идентификация предмета на- блюдения	Характеристи- ка размера и свойств	Раскрытие смысла через перспективу ху- дожника	Любые сведения о процессе соз- дания	Отнесение работы к конкретному художест- венному направлению
Лексика и грамматика как формы выражения				
Например: «Эйфелева баш- ня» Ж. Сёра	Масло, дерево 24,1 × 15,2 см	Отклик Сёра на строитель- ство башни к от- крытию Всемир- ной выставки	Примерно 1889 г.	Видно раз- витие нового творческого направления художника

Х. Хаузендорф отмечает, что задачи, средства и формы языка имеют феноменологическую природу: они дают ответы на возникающие в процессе знакомства с предметом искусства вопросы [16]. Музейный текст как способ взаимодействия человека и художественного произведения является частью музейного дискурса. Музейный дискурс представляет собой гибридное образование, обладающее параметрами туристического дискурса, характерными чертами маркетинговых коммуникаций и рекламного дискурса. Данный вид дискурса выстраивается в историческом, научном, мифологическом и множестве иных контекстов, в которые погружен музей.

Музейная экспозиция, в свою очередь, также может выступать особым текстом, написанным языком культуры. Чтение музейной информации, как правило, происходит на уровне интуиции либо «восприятию информации» помогают экскурсовод, путеводитель, сопроводительный этикетаж. С одной стороны, отождествление музейного экспоната с семиотическим знаком позволяет рассматривать само искусство как особый язык, отличающийся от других средств передачи информации и состоящий из особых изобразительных, или эстетических, знаков. В этом случае произведение искусства выступает «сложным эстетическим знаком, участвующим в коммуникации» [2, с. 117–118]. С другой стороны, каждый экспонат содержит в себе определенную кодировку, значимую для понимания всей экспозиции в совокупности, интерпретировать которую возможно только при наличии достаточных фоновых знаний. Музейный экспонат, сопровождаемый информационной справкой, открывает более широкие возможности для диалога эпох, культур, погружая посетителя музея в процесс межкультурной коммуникации.

М. Ляо на примере перевода сопроводительных материалов выставок британских музеев на китайский язык выдвигает тезис о том, что перевод является неотъемлемой частью выставки, выполняя пять основных функций, а именно:

1. **Информативная.** Текст перевода служит источником информации для посетителей музея, которым непонятен язык оригинала.

2. **Интерактивная.** Посредством текста перевода осуществляется взаимодействие с целевой аудиторией, что позволяет иноязычным посетителям чувствовать себя «желанными гостями». Более того, сокращается психологическая дистанция между музеем как институцией и гостем.

3. **Политическая** (идеологическая). Перевод может быть идеологическим инструментом, отражающим степень «желания» музея коммуницировать со своими посетителями в зависимости от их языковой принадлежности. Что переводить, как и на какой язык — ответы на эти вопросы носят политический характер. Расположение текста перевода также демонстрирует доминантность языка оригинала.

4. **Инклюзивная.** Текст перевода обеспечивает языковое равенство в мультикультурном обществе. Музей приветствует в своем коммуникативном поле и другие языки, помимо национального.

5. **Выставочная.** Перевод сам выступает экспозиционным объектом. Данная функция подчеркивает физическое присутствие переводного контента и его значение в творческом пространстве выставки [19].

Комплексность выполняемых задач говорит о переводе как сфере деятельности, требующей особой профессиональной подготовки. Слож-

ности, с которыми может столкнуться переводчик в сфере искусства, связаны с необходимостью достижения эквивалентности с учетом экспрессивной, рефлексивной и описательной функций языка музея в отношении с произведением искусства, а также адекватности в передаче культуроемких смыслов [19].

Затрагивая вопрос качества перевода для музея, следует упомянуть проект MGIVE (Museums and Galleries and the International Visitor Experience) Университета Вестминстера, реализованный в 2007 г. под руководством профессоров Д. Келли и Г. Виландера. Задачей проекта было выявить оптимальный способ взаимодействия учреждений культуры с многонациональной целевой аудиторией. По результатам проекта было сформировано три вариативных предложения, направленных на преодоление языкового барьера: 1) привлечение к работе искусствоведов со знанием базовых основ переводоведения; 2) отказ от перевода в пользу создания самостоятельных текстов на национальном языке и на иностранном языке; 3) выполнение перевода текстов оригинала на упрощенном английском, который был бы доступен всем иноязычным посетителям [17]. Если первое и второе предложения имеют ограничение как в кадровых, так и в финансовых ресурсах, то использование Global English представляется решением, отвечающим реалиям времени.

Анализ сопроводительных текстов выставок на платформе «Артефакт»

Рассмотрим сопроводительные материалы актуальных выставок ГМИИ им. Пушкина на платформе «Артефакт».

В каталоге выставки ГМИИ им. Пушкина все представленные полотна снабжены цифровой этикеткой и пояснительным текстом на русском и английском языках (табл. 2). В переводе этикетаж сохраняются исходные структура и оформление. Имя художника передается в соответствии с устоявшейся традицией во французском языке. Что касается сведений о размере полотна, то в англоговорящих странах более распространен вариант указания параметров в миллиметрах и, реже, в дюймах.

Таблица 2

Образец цифровой этикетки

Оригинал	Перевод
Ноктюрен (Ночная сцена)	Nocturne
Шагал М. З.	Marc Chagall
Время создания	Creation period
1947	1947
Размер	Dimensions
89,6×72,6 см	89,6×72,6 cm
89,6×72,6	89,6×72,6
Техника	Technique
холст, масло	oil on canvas
Коллекция	Коллекция
ГМИИ им. А. С. Пушкина	The Pushkin State Museum of Fine Arts
Выставка	Exhibition
Галерея искусства стран Европы и Америки	Gallery of European and American Art

Обратимся к сравнению языка оригинала и перевода пояснительного текста к картине М. Шагала (табл. 3). Музейные тексты могут обладать чертами научного, публицистического, литературно-художественного, официально-делового, разговорного функциональных стилей. Логичность, образность посредством употребления метафор, эпитетов, гиперболы, информационная насыщенность свидетельствуют о публицистическом стиле текста. В тексте перевода отмечаются удачные лексические трансформации (выделены курсивом), способствующие достижению адекватности и эквивалентности оригиналу.

Таблица 3

Образец экспликации к картине

Оригинал	Перевод
<p align="center">«НоктюРН (Ночная сцена)»</p> <p>Картина «НоктюРН (Ночная сцена)» входит в цикл работ Шагала, написанных после <i>неожиданной кончины</i> его жены Беллы, смерть которой он тяжело переживал. Он изобразил Беллу летящей в белом саване на <i>огненном коне</i>, в копытах которого <i>семисвечник</i>. Конь, символ <i>дикой стихии</i>, несетя со своей всадницей по небу над <i>Покровской улицей в Витебске</i>, где художник изобразил дом, в котором он жил с Беллой после свадьбы.</p>	<p align="center">'Nocturne (Night Scene)'</p> <p>The painting 'Night Scene' belongs to the series painted after <i>the sudden death</i> of his wife Bella, which put him through tremendous grief. He painted Bella flying in a white winding sheet on a <i>flame-colored horse</i> that is holding a menorah in its hooves. This horse, a symbol of <i>untamed nature</i>, whisks through the sky above <i>Pokrovskaya Street in Vitebsk</i>, where the artist and Bella lived after their wedding.</p>
<p align="center">Детали</p> <p>Дикий конь уносит Беллу в прошлое, в мир воспоминаний. На саване <i>возлюбленной</i> Шагала изобразил свой профиль, смотрящий в противоположную полету сторону: художник прощается с Беллой. Петух, из которого растёт <i>объясняющее пламенем дерево</i>, символизирует <i>скорбящую душу мастера</i>.</p>	<p align="center">The details</p> <p>The wild horse brings Bella to the past and into the world of memories. On the winding sheet, Chagall painted his profile looking in the opposite direction. This is how the artist said goodbye to Bella. The rooster, from which <i>the burning tree</i> grows, symbolizes <i>the author's lamenting soul</i>.</p>

Перевод пояснительных материалов к полотнам выполняет согласно классификации М. Ляо информативную и политическую функции. Предполагаем, что выбор переводчиком более употребительных лексических единиц и упрощенных синтаксических конструкций позволил бы в большей степени реализовать интерактивную и инклюзивную функции перевода.

Отметим, что лишь малое число музеев, представленных в проекте, имеют англоязычные версии экспликаций и этикетаж. Например, пояснительные тексты к выставкам Государственного Русского музея

выполнены только на русском языке, однако их отличает высокая степень интерактивности за счет вопросно-ответной формы изложения и доступность материала, что обеспечивается историческими справками. Музейным текстам присуще широкое использование имен собственных и топонимов, субстантивация различных частей речи, использование стилистически окрашенной лексики, атрибутов, выраженных именами прилагательными и причастиями, значительное количество заимствованной лексики, использование эпистемической (и, в меньшей степени, деонтической) модальности.

В виртуальном гиде «Исторические сюжеты в живописи» представлены произведения изобразительного искусства, которые позволяют взглянуть на героев и события российской истории в интерпретации отечественных мастеров XIV – начала XIX в. Сравним экспликацию к портрету Я. Ф. Тургенева:

На рубеже XVII–XVIII веков в русской культуре происходят существенные изменения – *религиозное* искусство отделяется от *светского*, главной темой которого становится человек.

В этот период в русском искусстве родился такой жанр, как *парсуна*. Это слово произошло от слова «персона», что означает «личность». И этим все сказано: художник проявляет интерес к конкретному человеку, пытаясь передать его таким, какой он есть. То есть изображает портретные черты, детали костюма...

Из исторических документов известно, что *Яков Федорович Тургенев был сподвижником Петра I*, командовал ротой в военных учениях Кожуховского похода в 1694 году и входил в «Всепьянейший сумасброднейший собор всешутейшего князь-папы», учрежденный Петром I для развлечений, «питейных увеселений, карнавальных действий».

Можем ли мы считать, что Яков Тургенев выглядел так, как изобразил его неизвестный художник?

Очевидно, да. С большой вероятностью можно утверждать, что эта парсуна доносит до нас реальный облик Якова Тургенева.

Перевод на английский язык с учетом параметров Global English позволил бы реализовать также политическую и инклюзивную функции в коммуникативном пространстве музея.

Выводы

Учреждения культуры играют важную роль в реабилитации общества в условиях психоэмоционального напряжения, вызванного пандемией. Безусловно, использование технологии дополненной реальности и запуск национальных цифровых проектов повышают иммерсивность и информативность коллекционных экспозиций и привлекают в музеи более широкую аудиторию: молодежь, иностранных туристов. Цифровая среда стала новым каналом трансляции музейного дискурса. В виртуальном музее объект не просто актуализирует информационные потоки, а содержит информационный блок в форме текста, который становится доступным разным субъектам коммуникации. Перед российскими музеями стоит задача модификации деятельности с учетом

принципов инклюзии и доступности. Инструментом лингвокультурного трансфера смыслов может выступить только перевод русскоязычного контента на английский язык в его упрощенной версии.

Список литературы

1. Гнедовский М. Б., Дукельский В. Ю. Музейная коммуникация как предмет музееведческого исследования // Музейное дело: Музей – культура – общество. М., 1992. С. 16 – 18.
2. Ковешникова Е. А. Музейный экспонат как информационный текст межкультурной коммуникации // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2010. №13. С. 115 – 125.
3. Митягина В. А. Перевод как фактор формирования поли-, транс- и межкультурного туристического дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2016. №20 (759). С. 114 – 126.
4. Никишин Н. А. «Язык музея» как универсальная моделирующая система музейной деятельности // Проблемы культурной коммуникации в музейной деятельности : сб. науч. тр. М., 1989. С. 7 – 15.
5. Сапанжа О. С. Развитие представлений о музейной коммуникации // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. №103. С. 245 – 252.
6. Пшеничная С. В. «Музейный язык» и феномен музея // В диапазоне гуманитарного знания : сб. к 80-летию проф. М. С. Кагана. СПб., 2001. С. 233 – 243. (Сер. «Мыслители». Вып. 4).
7. Романчук А. В. Музейный туризм : учеб.-метод. пособие. СПб., 2010.
8. Рябкова И. П., Дерюгина А. А. Искусствоведческий текст как объект перевода (на материале музейных текстов на русском, английском и финском языках) // Многоязычие в образовательном пространстве. 2020. №12. С. 135 – 141.
9. Столярков Б. А. Музейная педагогика: история, теория, практика : учеб. пособие. М., 2004.
10. Экспозиционная деятельность музеев в контексте реализации «Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» : монография / Т. П. Поляков, Т. А. Зотова, Ю. В. Пустовойт и др. М., 2021.
11. Фадеева М. Ю. Многоязычное пространство регионального музея как составная часть брендинга города // Коммуникативные, номинативные и транслатологические аспекты территориального брендинга : монография / под общ. ред. В. А. Митягиной. Волгоград, 2018. С. 194 – 201.
12. Blunden J. The Language with Displayed Art(efacts): Linguistic and Sociological Perspectives on Meaning, Accessibility and Knowledge-Building in Museum Exhibitions : PhD Thesis. Sydney, 2016. <http://www.isfla.org/Systemics/Print/Theses/Blunden2016.pdf> (дата обращения: 20.02.2020).
13. Coxall H. Museum text as mediated message // The Educational Role of the Museum / ed. by Eilean Hooper-Greenhill. L., 1994. P. 132 – 139.
14. Culture & COVID-19. Impact and Response Tracker. URL: https://en.unesco.org/sites/default/files/issue_4_en_culture_covid-19_tracker-8.pdf (дата обращения: 01.02.2022).
15. Garibay C., Yalowitz S. Redefining Multilingualism in Museums: A Case for Broadening Our Thinking // Museums and Social Justice: A Journal of Reflective Discourse. 2015. №10 (1). P. 2 – 7.

16. Hausendorf H. *Kunstkommunikation // Textsorten, Handlungsmuster, Oberflächen. Linguistische Typologien der Kommunikation / hg. von S. Habscheid. Berlin ; Boston, 2011. S. 509–535.*

17. Kelly D., Wielander G. *Museums, galleries and the international visitor experience. URL: <https://www.westminster.ac.uk/research/impact/research-excellence-framework/research-excellence-framework-2014/ref2014-case-studies/museums-galleries-and-the-international-visitor-experience> (дата обращения: 01.02.2022).*

18. Klein-Kühle M. *Translating Contemporary art: Challenges and implications // Translation – Artcommunication – Museum. Berlin, 2021.*

19. Liao M.-H. *Museums and creative industries: The contribution of translation studies // The Journal of Specialised Translation. 2018. № 29. P. 45–62. https://www.jostrans.org/issue29/art_liao.pdf (дата обращения: 20.02.2022).*

20. Manfredi M. *Professional Museum Translators for Promoting Multilingualism and Accessible Texts: Translation Practices in Some Italian Museums and a Proposal // Journal of Translation Studies. 2021. Vol. 1. P. 59–86.*

21. Ravelli L.J. *Making language accessible: Successful text writing for museum visitors // Linguistics and Education. 1996. №8. P. 36–387.*

22. *Join UNESCO's global movement – ResiliArt. A global effort to support artists and ensure access to culture for all // UNESCO : [официальный сайт]. URL: <https://en.unesco.org/news/resiliart-artists-and-creativity-beyond-crisis> (дата обращения: 01.02.2022).*

23. Sabatini F. *Language, knowledge and community in museum discourse: TAT and GAM // ESP Across Cultures. 2015. №12. P. 105–126.*

24. *Национальный проект «Культура» : [сайт]. URL: <https://artefact.culture.ru/ru/museums> (дата обращения: 01.02.2022).*

Об авторе

Марина Юрьевна Фадеева – канд. филол. наук, доц., Волгоградский государственный университет, Россия.

E-mail: svinkina@volsu.ru

The author

Dr Marina Yu. Fadeeva, Associate Professor, Volgograd State University, Russia.

E-mail: svinkina@volsu.ru

УДК 81'42

М. А. Яловенко

**«WHO ARE YOU?»:
РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИИ ДЕПЕРСОНАЛИЗАЦИИ
В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ ПОВЕСТВОВАНИИ**

49

Поступила в редакцию 07.02.2022 г.

Рецензия от 13.02.2022 г.

Представлена попытка экстраполяции данных психологии и нейробиологии на изучение автобиографии как типа текста. Подчеркивается важность междисциплинарного подхода в когнитивно-лингвистических исследованиях. В частности, раскрываются понятия «самость», «нарративная идентичность» и «деперсонализация» с позиций нейробиологии, психологии, а также дается определение понятию «стратегия деперсонализации» в автобиографическом тексте. Особое внимание уделяется феномену памяти – когнитивному процессу, лежащему в основе любого мнемонического повествования. Кратко описаны две основные черты автобиографической памяти, а именно субъективность и интерпретативность. Автобиография, таким образом, предстает не как отражение правды в значении документальности, но как реконструкция «бесконечной последовательности состояний идентичности». На примере текста Уилла Селфа «Walking to Hollywood: memories of before the fall» рассматривается авторская «стратегия деперсонализации» – как имитация постепенной утраты субъектом автобиографического повествования его нарративной идентичности.

This article seeks to explore the possibility of applying psychological and neurobiological data with regard to the notions of “self”, “narrative identity”, and “depersonalization” to the case of autobiography as a type of text. The analysis highlights the importance of memory being a cognitive process that underlies any self-narration. Using Will Self’s work “Walking to Hollywood: memories of before the fall” as case study, we investigate an authorial technique of mimicking the gradual failure of the narrative identity by the subject of the autobiographical narrative, so “the strategy of depersonalization”. The article, therefore, is structured in three parts with a conclusion. The first two introductory sections are about the crucial importance of interdisciplinary approach in cognitive linguistic studies, and memory’s interpretative significance in constructing self-narration. Ultimately, in section 3, we offer an analysis of some extracts from the text in question which show how “the strategy of depersonalization” is being implemented by the author.

Ключевые слова: память, самость, нарративная идентичность, нарративная правда, документальная правда, стратегия деперсонализации

Keywords: memory, self, narrative identity, narrative truth, historical truth, strategy of depersonalization

...The erosion was steady enough.

*Will Self. Walking to Hollywood:
Memories of before the fall*

Введение

50

В одной из статей первого выпуска журнала «Вопросы когнитивной лингвистики» Н.Н. Болдырев, говоря об отличительных чертах когнитивной лингвистики как самостоятельного научного направления, подчеркивает ее междисциплинарность: «...становление когнитивной лингвистики связано с учетом и обобщением многих данных, полученных в разных сферах научной деятельности: в области психологии, логики, лингвистики, теории информации, антропологии, медицины и т.д. <...> Междисциплинарность когнитивно-лингвистических исследований обусловлена стоящими перед ними целью и задачами и является *основным условием их реализации*» [1, с. 35] (здесь и далее курсив мой. — М. Я.).

Сходную мысль высказывает и Е.С. Кубрякова: «Развивая когнитивный взгляд на вещи, мы не только признаем *преимущества* междисциплинарного подхода к такому сложному явлению, как язык... но и то, что разнообразные когнитивные способности человека образуют в его сознании некую единую инфраструктуру, куда составляющей входит и язык. <...> В представление о языке органично включаются сведения о том, что такое *память*, что такое восприятие, на каких принципах организована когнитивная или концептуальная система в нашем *сознании*» [2, с. 45]. Необыкновенно сложная природа вневременного психического и физиологического конструкта, который мы называем «я» или *самость*, с одной стороны, и пополняющийся с течением времени новыми интерпретациями феномен *идентичности* — с другой (см., например, [13; 14]), продолжают приковывать внимание исследователей разных областей знания.

Известный невролог и нейропсихолог О. Сакс после долгого наблюдения за пациентом, потерявшим память и «неистово пытавшимся создать / сконструировать новую идентичность, чтобы заместить ею место старых, которые он забыл», отметил: «Можно сказать, что каждый из нас создает повествование и “проживает” его, и повествование это и есть мы, наши идентичности» [15, р. 110] (здесь и далее перевод мой. — М. Я.). Исследователь в области социальной психологии Л. К. Хайден отмечает, что психологи и философы в большинстве своем сходятся в том, что именно благодаря «конструированию, усовершенствованию, переработке и тщательному исследованию повествований о наших собственных жизнях мы приходим к развитию и обретению *идентичностей* и ощущения самих себя — собственных *самостей*» [12, р. 37].

П. Дж. Икин, исследующий автобиографическое повествование не только с жанровых, литературоведческих позиций, но и в последние годы с позиций нейробиологии, утверждает, что «автобиография — это не просто то, что мы читаем в книге; скорее, это — дискурс идентичности» [9, р. 13]. Исследователь отмечает, что достижения последнего времени в области исследований мозговой деятельности могут вывести дискуссии о локализации «я» — *самости* в автобиографическом дискурсе на новый уровень [9]. Вдохновившись идеями нейробиолога А. Дамасио о том, что самость есть чувство, ощущение переживания того, что происходит с телом, реагирующим на встречи с другими объектами окружающей среды [7], П. Дж. Икин выходит за рамки представлений о «Я» / самости как о «некой инвариантной монолитной сущности», определяя его как «рефлексивное осознание процессов, происходящих во многих регистрах» [9, р. 22]. «Нарративная идентичность» же при этом является «чрезвычайно важным модулом самопознания» [9, р. 22].

Ключевой вопрос, над которым размышляет исследователь, сводится к следующему: «Является ли повествование лишь функцией языка или оно еще глубже укоренилось в наших телах?» [9, р. 28].

Прерывание этого повествования, утрата чувства собственного «Я» есть патологическое состояние, приводящее к разрушению нашей *нарративной идентичности*.

А. Дамасио характеризует такое состояние как «разум, лишенный ощущения собственного “я”» [7, р. 8]. Схожим образом П. Дж. Икин образно называет это состояние “identity theft” — «кража личности/идентичности» [9, р. 4].

Под явлением деперсонализации (от лат. *dē-* ‘лишение, отсутствие’ + лат. *persōna* ‘личность’) в медицине понимается психопатологический синдром, «переживание себя как странного или нереального, ощущение отстраненности от своих мыслей, чувств, ощущений, тела или действий, или как будто человек является сторонним наблюдателем. Деперсонализация может принимать форму эмоционального и/или физического онемения, ощущения наблюдения за собой со стороны или “присутствия в спектакле”, или перцептивных изменений (например, искаженного ощущения времени)» [17].

Таким образом, авторскую стратегию деперсонализации в автобиографическом тексте мы понимаем как стратегию подрыва / компрометации / фабрикации автобиографической целостности нарратива, выражающуюся в имитации потери памяти повествователем-протагонистом — выдвигении на первый план процесса забывания, в игровом моделировании ситуаций абсурда, а также создании диссонантных ситуаций, связанных главным образом с обманом читательских ожиданий.

Цель данной статьи состоит в рассмотрении стратегии деперсонализации как определенного модуля / модальности автобиографического текста или его части в отношении повествующей инстанции, направленной в том числе на дестабилизацию отношений внутри триады *автор — повествователь — протагонист*.

Рассмотрим далее феномен памяти как ключевой для автобиографического текста.

Изобретая автобиографический нарратив: память как ревизионистский феномен

В. В. Нуркова, занимающаяся исследованием феномена автобиографической памяти с позиций психологической науки, высказывает, на наш взгляд, ключевую идею о роли памяти в способности адекватно осознавать происходящее [7] и, как следствие, в «сохранении» нашей нарративной идентичности: «важно “помнить себя” для того, чтобы “быть собой”» [3, с. 14].

Е. С. Кубрякова призывает рассматривать феномен памяти не только с позиций психолингвистики, но и с позиций лингвистической науки: «...без разъяснения этого феномена [памяти] не могут получить адекватного описания не только понятие языковой способности, онтогенеза речи и т.п., но и многие аспекты соотношения языка и мышления, а главное, нормальное протекание процессов говорения и слушания, с одной стороны, и целый ряд принципов организации языковой структуры – с другой» [2, с. 359].

Остановимся подробнее на феномене автобиографической памяти. В. В. Нуркова предлагает программное определение этого вида памяти: «...субъективное отражение пройденного человеком отрезка жизненного пути, состоящее в фиксации, сохранении, интерпретации и актуализации автобиографически значимых событий и состояний, определяющих самоидентичность личности как уникального, тождественного самому себе психологического субъекта» [3, с. 19]. Из данного определения мы выводим две ключевые черты автобиографической памяти, как то: субъективность и интерпретативность. Далее исследователь добавляет еще одно свойство автобиографической памяти, обратное продуктивности – ее «реконструктивность» [3, с. 23], проводя параллель между этим свойством и понятием «палимпсеста» [3, с. 24].

Схожую мысль о реконструктивном характере памяти выражает и П. Дж. Икин, подводя нас к еще одной проблеме, связанной с автобиографическим повествованием, – проблеме соотношения в нем правды и вымысла: «...память оказывается ревизионистской способностью, создателем вымыслов, но вымыслов не в значении неправды или лжи, а скорее в значении того, что сформировано, смоделировано, изобретено» [9, р. 94]. Таким образом, автобиографии он определяет «не как фикции как таковые, но как фикции особого вида – основанные на памяти (*memory-based*)» [9, р. 94]. Для творящего автобиографию субъекта, таким образом, в конечном счете, значение имеет не только и не столько «верность фактологичности в ее непосредственном смысле, которую могли бы подтвердить или опровергнуть историки и биографы, сколько отчет его памяти о том, что однажды чувствовалось и переживалось, верность запечатленному в памяти сознанию и его бесконечной последовательности состояний идентичности» [9, р. 6–7].

Психоаналитик Д. Спенс предлагает разграничивать «повествовательную правду» и «правду документальную»: «“документальная правда” имеет временные рамки, и цель ее – максимально приблизиться к тому, что “произошло на самом деле”... она требует уверенности в том, что все части “пазла” принадлежат определенному времени и месту, и что эта принадлежность подтверждается некоторым систематическим

образом» [16, р. 36]. Спенс также отмечает следующее: «...документальная правда не принимает в расчет многослойную структуру припоминания, возникновение каждого из слоев которого может быть инициировано одним и тем же эпизодом; не учитывает она и то, что прошлое сплавляется с настоящим, чтобы в итоге породить что-то, что, в сущности, не зависит от времени» [16, р. 36]. Повествовательная правда, по его мнению, имеет значение сама по себе, а установление контакта с прошлым в таком случае не играет большого значения [16].

Обратимся теперь к эмпирическому материалу — тексту английского писателя Уилла Селфа «Walking to Hollywood: Memories of before the fall».

Реализация стратегии деперсонализации в современном автобиографическом тексте

53

Прагматическим фокусом заключительной части автобиографической трилогии «Walking to Hollywood: Memories of before the fall» Уилла Селфа становится потеря нарративной идентичности, а именно развитие одной из форм деменции — болезни Альцгеймера.

Заглавие «Spurn Head» представляет собой сильную текстовую позицию, предлагая читателям игру по дешифровке, усиливая их когнитивную активность: с одной стороны, оно апеллирует к экстралингвистической компетенции читателей (Spurn Head или Spurn Point — это узкая песчаная коса на побережье Северного моря в восточном районе Йоркшира); с другой — активизирует игру их воображения: употребление лексической единицы *spurn* (*отвергание*), в семантике которой заложен элемент отрицания, в связи с лексической единицей *head*, которая может быть воспринята в значении *mind*, вызывает ощущение отклонения от «нормы».

О том, что основным мотивом этой части мнемонического повествования станет конкретная психическая патология, читателю сначала сообщает повествователь-протагонист по имени Уилл:

This would be a unique walk of erasure — a forty-mile extended metaphor for my own embattled persona, as its foundations were washed away by what I suspected was early onset Alzheimer's¹ [18].

Затем об этом же говорит автор по имени Уилл Селф в паратекстовой зоне — послесловии к трилогии:

The mental pathologies that underlie the three memoirs — obsessive-compulsive disorder for 'Very Little', psychosis for 'Walking to Hollywood' and Alzheimer's for 'Spurn Head' — are themselves displacements of a single phenomenon.

По ходу повествования читатель не раз сталкивается с эксплицитно-игровыми указаниями на это когнитивное нарушение у протагониста:

You're coming on down to the memory clinic with uz and the Struldbrug now — that's what yer doing,' the dementia advisor said in answer to a question I couldn't recall having posed.

¹ Здесь и далее текст У. Селфа приводится по источнику [18].

Сама сцена препровождения главного героя и фикционального персонажа — бессмертного существа по имени Струльдбруг — в медико-реабилитационный центр для страдающих расстройствами памяти в сочетании с имитацией йоркширского диалекта производит комический эффект.

Многочратное обращение автора к лексическим единицам, входящим в лексико-семантическое поле «воспоминание» (*remember, memory, mnemonics, recall*), может быть рассмотрено как «аттенциональное фокусирование» [4, с. 101] — выдвижение на первый план ключевого для повествования концепта ПАМЯТЬ:

54

...it was all these yappy feelings that herded sheepy me towards another walking tour, whilst the very erosion of my memory drew me, seemingly ineluctably, towards the Holderness coast of East Yorkshire, the 35-mile stretch of crumbling glacial till between the chalk cliffs of Flamborough Head and the shingle spit of Spurn Head.

Лексические единицы *herd* и *draw*, содержащие в своих значениях компонент насильственности действия в сочетании с эпитетом *sheepy me* способствуют созданию образа своего рода беспомощности человека — беспомощности перед своими чувствами, мыслями и т.д.

Концептуальная метафора «воспоминание(я) — путешествие» реализуется посредством использования многочисленных единиц, входящих в лексико-семантическое поле «движение» (*walk, walking tour, trip, journey*), что придает повествованию динамичность:

Nevertheless, as the surface tension of June bulged seamlessly into July, I made the decision to undertake another walking tour; one that would, I hoped, either heal, or at least legitimize, what was happening to me. Of course, all of my little walking tours were methods of legitimizing.

Подобно тому как постепенно ухудшается состояние человека, страдающего деменцией («На средней стадии обнаруживаются “более частые повторения и переработка идей” вместе со “снижением объема передаваемой информации относительно объема речи”, на более поздних стадиях язык этих людей становится “загроможденным повторениями, переработками и вторжениями” и более пустым по содержанию» [10, р. 151], цит. по [11]), путешествие протагониста обретает все более и более фантастические черты:

(1) A cartoon Cleopatra was hauled towards me reclining on a pyramidal juggernaut drawn by naked and burnished Nubians.

(2) Taking the Struldbrug by either arm, they began to lead him away. Across their shoulders both attendants had the words DEMENTIA ADVISORY picked out in white letters.

Подобное взаимодействие героев разных фикциональных миров в тексте З.М. Чемодурова называется «авторской игрой с персонажами “трансмировой идентичности”» [5, с. 61], что создает эффект обращенности в прошлое.

Метафорой утраты нарративной идентичности повествователя-проtagonиста становится постепенное сужение пляжа, ведущего к краю полуострова – конечной точке задуманного маршрута:

(1) This was all: the hours filed by me, the beach narrowed, its innumerable grains flowing through the glassy pinch-point of my contemplation.

(2) The beach narrowed once more until it became a defile between the solidified brown tsunami to my right and the green waves to the left.

(3) The beach narrowed once more, the cliffs soared, the sharp triangles of undercut hard standing appeared, silhouetted against the non-Euclidean sky.

Градация помогает создать эффект переключки со стадиями болезни Альцгеймера, с прогрессирующей картиной когнитивных и функциональных нарушений.

Вместе с тем тема пути актуализирует экзистенциально-философский дискурс, выводя в прагматический фокус библейскую идею о том, что мы приходим в этот мир нагими и нагими же завершаем путь:

I took off the empty rucksac, unlaced the stabbing boots and cast them aside, to be followed by T-shirt, trousers, smalls unlaundered for the entire trip, all of which I left behind me on top of the gorse bushes, like the pathetic unpacking of a plane-crash victim, compelled by Death. <...> I needn't have felt frustrated, because as I walked towards the Strulldbrug I grasped what it was that he sought, first peering into the ripples, then rearing back: the end of the peninsula.

Отличительной чертой представленного повествования также являются черно-белые фотографические изображения, инкорпорированные в текст, но не имеющие ни подписей, ни обозначений, которые указывали бы, к какой части повествования они имеют отношение. Л. К. Хайден подчеркивает важность привлечения человеком, страдающим нарушениями памяти, разнообразных *семиотических ресурсов* в повествование о себе: «...такие артефакты, как письменные тексты и изображения, также могут быть использованы. Это могут быть фотографии или другие памятные вещи, которые могут помочь начать рассказ, напомнив об определенных событиях, или *поддержать повествование дополнительной информацией*» [11, p. 236].

З. М. Чемодурова также подчеркивает важность *визуальных семиотических ресурсов*, но с позиции тех, кто воспринимает повествование, в данном случае – читателей: «...визуальное выдвигание играет важную роль в превращении элементов визуального семиотического модуля в то, что можно назвать визуальной опорой, вовлекая читателей в новые игры в вымысел и, следовательно, усиливая их когнитивный и эмоциональный отклик» [6, p. 13].

Заключение

Привлечение данных из таких сфер научной деятельности, как психология и нейролингвистика, открывает новые горизонты исследования самости и идентичности, являющихся ключевыми понятиями наррати-

ва о себе — автобиографии. Вместе с тем игровой модус современных автобиографических текстов заставляет исследователей пересмотреть ставшую уже традиционной дихотомию «фактологичность — фикциональность», признавая за автором право изображать вымысел абсолютно достоверных событий и фактов [8].

В статье рассмотрена *стратегия деперсонализации*, состоящая в первую очередь в обыгрывании ключевого для автобиографического повествования концепта ПАМЯТЬ посредством многократного обращения автора к языковым единицам соответствующей семантики. Данная стратегия рассмотрена как имитация потери нарративной идентичности — состояния, характеризующегося постепенным угасанием способности повествователя адекватно вести автобиографическое повествование. Стратегия реализовывалась за счет создания диссонантных ситуаций, усиливающих ощущения «нереальности» / «невозможности» происходящего и вводящих к обману читательских ожиданий.

Одной из дальнейших задач исследования современных автобиографических текстов является установление статуса данной стратегии в текстах подобного типа: возможно ли относить ее к числу конституирующих или, напротив, следует рассматривать как проявляющуюся эпизодически?

Список литературы

1. Болдырев Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. №1. С. 18–36.
2. Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.
3. Нуркова В. В. Свершенное продолжается: психология автобиографической памяти личности. М., 2000.
4. Чемодурова З. М. Механизмы прагматического фокусирования в современных англоязычных версиях «канонического» сюжета о Синей Бороде // Научный диалог. 2019. №11. С. 100–113.
5. Чемодурова З. М. Игра с персонажами трансмировой идентичности // Научный диалог. 2014. №9-1. С. 57–61.
6. Chemodurova Z. M. Visual foregrounding in contemporary fiction // Issues of Cognitive Linguistics. 2021. №2. P. 5–15.
7. Damasio A. R. The Feeling of What Happens: Body and Emotion in the Making of Consciousness. N. Y., 1999.
8. Doubrovsky S. Fils. P., 1977.
9. Eakin P. J. Writing Life Writing: Narrative, History, Autobiography. Routledge, 2020.
10. Ehrlich J. S. Studies of discourse production in adults with Alzheimer's disease // Discourse analysis and applications: Studies in adult and clinical populations / ed. by R. L. Bloom, L. K. Obler, S. De Santi, J. S. Ehrlich. Hillsdale, NJ, 1994. P. 149–160.
11. Hydén L.-Ch. Towards an Embodied Theory of Narrative and Storytelling // The Travelling Concepts of Narrative // ed. by M. Hyvärinen, M. Hatavara, L.-Ch. Hydén. Philadelphia ; Amsterdam, 2013. P. 227–244.

12. *Hydén L.-Ch.* Broken and Vicarious Voices in Narratives // Health, Culture and Illness: Broken Narratives / ed. by L.-Ch. Hydén, J. Brockmeier. N. Y., 2008. P. 36–53.

13. *Karasi I., Sang K., Sitko R.* Gender, authentic leadership, and identity: an analysis of women leaders' autobiographies // Gender in Management: An International Journal. 2016. №31 (5/6). P. 339–358.

14. *McNeill L.* Life Bytes: Six-Word Memoir and the Exigencies of Auto/tweetographies // Identity Technologies: Constructing the Self Online / ed. by A. Poletti, J. Rak. Madison, 2014. P. 144–164.

15. *Sacks O.* The Man Who Mistook His Wife for a Hat. N. Y., 1987.

16. *Spence D. P.* Narrative Truth and Historical Truth: Meaning and Interpretation in Psychoanalysis. N. Y., 1984.

17. *Eleventh* revision of the International Classification of Diseases. Mortality and Morbidity Statistics / World Health Organization. 11th rev. MB27.0. Depersonalisation. URL: <https://icd.who.int/browse11/l-m/en> (дата обращения: 15.02.2022).

18. *Self W.* Walking to Hollywood: memories of before the fall. Bloomsbury, 2011.

Об авторе

Мария Александровна Яловенко — асп., Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Россия.

E-mail: ialovenkomariia@gmail.com

The author

Maria A. Yalovenko, PhD Student, Herzen State Pedagogical University of Russia, Russia.

E-mail: ialovenkomariia@gmail.com

В. Х. Гильманов**НЕОЖИДАННЫЙ НЕКТО В НОБЕЛЕВСКОЙ ИСТОРИИ**

Поступила в редакцию 04.03.2022 г.

Рецензия от 07.05.2022 г.

58

Основной интенцией статьи является доказательство того, что уникальная стилистика творческой индивидуальности Петера Хандке отражает его особенное жизнеспасающее НЕКТО, сопротивляющееся в своей Негативной диалектике диктатуре другого губительного НЕКТО, задающей «ложное движение». В примечательной симметрии к постструктуралистским теориям о «тоталитаризме языка» Хандке переживает в своей собственной вербализуемой экзистенции губительную силу НЕКТО этого тоталитаризма, стремясь освободиться от нее в своеобразном поэтологическом сопротивлении диктатуре тех дискурсивных практик западного мира, которые ведут к «смерти субъекта» (Фуко). После опубликования в 1996 г. в «Süddeutsche Zeitung» очерков Хандке о Югославии, в которых он выступил в поддержку сербов, он стал persona non grata не только в Косово и Сараево, но и в среде интеллектуальной элиты Запада. Поэтому присуждение ему Нобелевской премии оказалось для него полной неожиданностью и вызвало яростный протест со стороны ведущих медиагигантов мира. Один из выводов статьи, основанный на герменевтическом исследовании произведений Хандке, отражает убеждение, что уникальность творческой феноменологии Хандке заключается в его попытке вырваться из губящей гравитации языка-киллера НЕКТО в усилие по его деконструкции в поисках исходной праструктуры для обретения того Иного, в котором еще есть Кто-то Другой с его Иным «Я-Языком». Поэтологическая эволюция, или даже революция, Хандке вполне соответствует в своей сути не только постструктуралистским попыткам «спасения языка», например в трансгрессии Фуко, но и библейскому предупреждению о том, что «и смерть и жизнь – во власти языка» (Прит. 18: 21). Инновационный потенциал предлагаемой работы заключен в попытке герменевтического проникновения в феноменологический эйдос Хандке на основе символично-диалектического метода с убеждением, что феномен Хандке есть живая антитеза постструктуралистской теории о «смерти автора» и что бытие все еще «прорывается» в художественный нарратив современной культуры. Актуальность же работы обусловлена не только научно-литературоведческой и лингвокультурологической уникальностью Хандке, но и тем, что его творчество есть живое доказательство связи между познавательным потенциалом искусства и политикой.

The main intention of the article is to prove that the unique style of Handke's creative individuality reflects his special life-saving SOMEONE, who resists in his negative dialectic the dictatorship of another pernicious SOMEONE

who sets the false movement. In a remarkable symmetry to post-structuralist theories about the "totalitarianism of language", Handke experiences in his own verbalized existence the pernicious power of some of this totalitarianism, seeking to free himself from it in a kind of poetic resistance to the dictatorship of those discursive practices of the Western world that lead to the "death of the subject" (Foucault). After Handke's essays on Yugoslavia had been published in the *Sueddeutsche Zeitung* in 1996, where he supported the Serbs, he became *persona non grata* not only in Kosovo and Sarajevo, but also among the intellectual elite of the West. Therefore, the Nobel Prize came as a complete surprise for the author and sparked a furious protest from the world's leading media giants. One of the conclusions of the article, based on a hermeneutic study of Handke's works, reflects the author's conviction that the great uniqueness of Handke's creative phenomenology lies in his attempt to break out of the destructive gravity of some killer language in an effort to deconstruct it in search of the original proto-structure for the acquisition of the Other, in which there is still Someone Else with his Other "Me-Language". Handke's poetic evolution, or even revolution, is in keeping with not only post-structuralist attempts to "save the language", such as in Foucault's transgression, but also with the biblical warning that "Life and death are in the power of the tongue" (Proverbs 18: 21). The innovative potential of this work lies in the attempt of hermeneutic penetration into the phenomenological *eidos* of Handke on the basis of the symbolic and at the same time dialectical method supposing that the Phenomenon of Handke is the living antithesis of the post-structuralist theory of the "death of the author" and that being is still "breaking through" into the narrative of modern culture. The work is relevant due to the scientific, literary and linguistic and cultural uniqueness of Handke, as well as the fact that it is a living proof of the connection between the cognitive potential of art and politics.

Ключевые слова: Петер Хандке, Нобелевская премия, язык, власть, феноменологический эйдос, Некто, ложное движение, Иное, структурализм, структурализм смерти, структурализм жизни

Keywords: Peter Handke, the Nobel Prize, language, power, SOMEONE, *false movement*, Other, structuralism, structuralism of Death, structuralism of Life

Теория относительности Хандке

В 1966 г. в Принстоне (США) состоялось выездное заседание знаменитой «Группы 47», объединявшей в период с 1947 по 1967 г. целый ряд выдающихся немецкоязычных авторов западного мира, многие из которых были удостоены именитых премий, включая Нобелевскую премию по литературе. В ходе заседания случилось то, что можно сравнить с известной выходкой Эйнштейна 14 марта 1951 г., когда он в период своей работы в Принстонском университете во время торжеств по случаю его 72-летнего юбилея, устав от многочисленных папарацци, в ответ на просьбу фотографа Артура Зассе из «United Press International» о прощальном фото скорчил забавную гримасу — и... всемирно известный ученый, лауреат Нобелевской премии по физике 1921 г., показал фотографу язык, ставший поводом для самой скандальной фотографии

Эйнштейна для потомков. В 1966 г. в Принстоне 25-летний Петер Хандке, будущий лауреат Нобелевской премии по литературе 2019 г., в ходе заседания «Группы 47» в присутствии многих знаменитостей во главе с Гюнтером Грассом показал им зубы, обвинив в их лице всю новейшую литературу в художественной импотенции, выражавшейся в «голой описательности» и отсутствии новых форм. В свете диалектического метода А. Ф. Лосева это обвинение имеет отношение к тому, что философ именует двумя обманами, которые, по Хандке, стали уделом западного литературного процесса. А. Ф. Лосев утверждает:

60

Нельзя безнаказанно барахтаться в стихии непосредственных ощущений: они обманут. Нельзя безнаказанно и сводить свою философию на «воздержание» от фактов: абстрактные эйдосы тоже обманут [13, с. 365–366].

Вся эволюция художественного метода Хандке есть, по сути, подтверждение того, как он пытается избежать этих двух обманов, разоблачая, с одной стороны, феноменологический эйдос Запада, превратившийся в рациональное удушение действительности, а с другой — отказываясь от наивно-реалистической описательности, основанной на «стихии непосредственных ощущений». Понятие феноменологического эйдоса из терминосферы Платона, актуализированное в диалектическом методе А. Ф. Лосева (см., напр., [13, с. 363]), отражает главную суть эйдетической памяти, связанной с известной теорией Платона о знании как припоминании. Это, по слову А. Ф. Лосева,

динамически смысловая стихия интеллигенции знания, творчески воспроизводящая и отражающая структуру бытия... Феноменологически объединенные эйдосы вобрали в себя жизненную текучесть вещей и стали сами как бы текучей сущностью. Натуралистически брошенные в своей изоляции вещи вобрали в себя эйдетическую оформленность и стали сами как бы сущностной действительностью... Текучая сущность самосознания оформилась так, что перестала быть и неподвижным эйдосом, и подвижным смыслом, но стала сразу тем и другим, превратившись в лестницу иерархийно-динамического самовосхождения, от алогической множественности к идеальному пределу. Сущностная и структурная действительность впитала в себя динамическую судьбу смысла; и оказалось, что та существенно зависит от этой последней [13, с. 378–380].

Хандке рано почувствовал, что в тайнодействии динамической судьбы смысла можно легко оказаться не на лестнице динамического самовосхождения, ведущей вверх, а на лестнице губительного саморазрушения, ведущей вниз. В пьесе Хандке «Верхом по Боденскому озеру» (1971) безымянный Некто, ведомый анонимным голосом другого Некто, спускается именно вниз по лестнице.

После возвращения из США Хандке, попавший из-за учиненного скандала на страницы «Шпигеля», продолжил свою поэтологическую революцию, создав тот художественный мир, в котором его можно сравнить с Эйнштейном в литературе, поскольку в системе координат этого мира четко обнаружилась особая теория относительности Хандке.

Ее суть сводима к тому, что прямо или косвенно отразилось в теоретических изысканиях философии лингвистической относительности XX в., а затем получило дальнейшее развитие в теориях когнитивной антропологии и постмодернистской деконструкции. Но еще раньше, например в Притчах Ветхого Завета, эта суть была сформулирована так: «И смерть и жизнь — во власти языка» (Прит. 18: 21).

Ранний Хандке, принимавший в 1960-е гг. активное участие в бунтарском движении «Beatle-look», диагностирует в своем творчестве власть языка смерти в культурном коде западного мифа с его «одномерным человеком» (Г. Маркузе), смирившимся в техномагической околдованности с той ролью, которую западногерманская рок-группа «Rammstein» в своем хите «Далай-лама» именует как Menschenfracht, то есть людской груз на борту воздушного лайнера, попавшего в эпицентр мистической бури. В своем «Стихотворении со скрытой угрозой» («Drohgedicht») Хандке сравнивает авиапассажиров в ночном автобусе из аэропорта с Würmer in einem Magen — «червями внутри одной утробы». Мы специально даем буквальный перевод этого сравнения, который несколько отличается от поэтического перевода П. Френкеля в представленном ниже фрагменте. Оккультное величие нового мифа с его скрытыми угрозами не оставляет шанса таинственному протагонисту этого произведения Хандке, которого буквально стошнило на балу, где он слишком Лишний для того, чтобы остаться в живых:

Бывший спортсмен-любитель
бредет сквозь летнюю ночь
в облеваных бальных штгблетах
На одном из пригородных
пересечений
он различает в сумраке крест
торчащий над скалистым уступом
и облакачивается на него...
Глубоко подо льдом бормочет ручей
а выползшая из брусничника гадюка
забирается Лишнему в выходные брюки
Его прощальный взгляд застывает
на светящемся в ночной мгле автобусе
с авиапассажирами
копошащимися словно гельминты [27, с. 541].

В сложной аллюзии на главный символ христианства Хандке чувствует, что смерть-гадюка притаилась не только рядом с каменным крестом, к которому прислонился лирический протагонист его «Стихотворения со скрытой угрозой», но и то, что скрытая угроза проникла в самую сердцевину феноменологического эйдоса его поэтического сознания. В этом характерном для раннего Хандке произведении его теория относительности доказана с беспощадной ясностью, вплоть до экзистенциальной границы собственного лирического «Я», связанного в пространственной поэтике с родными для Хандке местами: тот, кто не примет мифа, вызывающего у «бывшего спортсмена-любителя» рвоту, становится «скрытой

угрозой» для мифа, но и для самого себя. В этой ситуации, когда «гадюка забирается Лишнему в выходные брюки», встает не только нарративная, но и экзистенциальная проблема — проблема авторского «я» как альтернативы авторскому «ему» («Некоторые альтернативы в косвенной речи»). В безальтернативности мифа, где есть только язык в одну сторону «червей», то есть язык прямой речи смерти, Хандке надеется в «косвенной речи» предложить «некие альтернативы»:

поступки — это своего рода альтернатива словам
так же как я альтернатива ему
или как мы альтернатива унижению
или как ты альтернатива пустой квартире [27, с. 539].

62

Перевод П. Френкеля достаточно точно передает синтактику и семантику сложнейшего произведения Хандке, допуская, однако, одну оплошность в приведенном выше катрене, а именно: у Хандке все существительные, которые по правилам немецкой грамматики должны стоять с прописной буквы, написаны со строчной, кроме повторяющегося *die Alternative* (альтернатива), при котором стоит определенный артикль *die*, что придает катрену дополнительный смысл принципиального сопротивления обезличению: это сопротивление *словам* «языка-порчи» (Хандке); *ему*, за которым — безличное оно; *пустой квартире*, в которой нет вечной женственности «ты», более четко означенной в позднем романе Хандке о Дон Жуане как *Frauenzeit* (время женщин) [31, S. 54].

Тайна НЕКТО в противостоянии двух структурализмов

В пьесе Петера Хандке «Верхом по Боденскому озеру» (1971) НЕКТО идет вниз по лестнице, пока другой НЕКТО считает ступени и ошибается в счете. И первый НЕКТО, оступившись, падает, попадая в «ложное движение», задаваемое вторым НЕКТО. Тема, обозначенная в этой пьесе, была развита в сценарии, написанном Хандке для кинокартины «Ложное движение» (1975) известного кинорежиссера Вима Вендерса, с которым Хандке сотрудничал при создании целого ряда фильмов, включая киношедевр «Небо над Берлином» (1987).

Точка схода двух НЕКТО в пьесе — ошибка-аннигиляция в слове-счете, коннотативно связанная с идеей смерти как разрушения символической Вселенной и тотальной аннигиляцией совокупности означающих [12, с. 295]. Ошибка-смерть предстает как знаковый феномен, как заговор действия смерти против реальности, когда каждое речевое событие есть символическое *со-бытие* с Антисистемой, символический обмен со смертью. Ж. Бодрийяр пишет:

Она [смерть] проникает в наивысшую реальность, выглядит для нас как сам *принцип реальности*, господствующий над нашей жизнью... Словом, *смерть совпадает с законом ценности*. И особенно — со структурной ценностью, когда все задается как кодированное различие в универсальной сети отношений. Таково истинное лицо сверхвременной смерти, возникающей от объективно-безупречного, сверхбыстрого соединения всех элементов системы [7, с. 322].

В стратегической интенции нашей работы этот тезис Ж. Бодрийера обуславливает введение нами понятийной инновации «структурализм смерти». Это – символическая смерть, которая, по словам того же Бодрийера с его опорой на «Мифологии» Р. Барта, будучи отсроченной в физическом времени, еще «позволяет субъекту лишь играть в свою смерть, изображая ее как вещь, а тем самым заклиная» [6, с. 78]. Это заклинание смерти Ж. Бодрийер видит и в языке поэзии, считая, что «поэзия – это восстание языка против своих собственных законов» [7, с. 331], поскольку «поэзия... стремится не к производству означаемых, а к исчерпывающему истреблению, циклическому разрешению языкового материала» [7, с. 339].

Поэтический текст – это образец наконец-то реализованного бесследного, безостаточного растворения частицы означаемого (имени Бога), а через нее и самой инстанции языка... Поэзия и есть это смертоносное название имени Бога, а для нас, безбожников, у которых зато Богом стал сам язык... поэзия является местом нашей амбивалентности по отношению к языку, нашего влечения к смерти по отношению к языку, нашей способности к истреблению кода [7, с. 347].

Хандке, который в период балканского кризиса 1990-х гг. сознательно перешел из католицизма в православие, безусловно, ищет die Alternative этому влечению к смерти, проникшему и в язык поэзии. Это проникновение остро переживается Хандке в пространстве его экзистенциальной диалектики как сила НЕКТО в ее «способности к истреблению кода» того, что, по нашему мнению, в антитезе к «структурализму смерти» может быть названо «структурализмом жизни». Разрушительная сила НЕКТО переживается аукториальным повествователем в ранних произведениях Хандке в экзистенциальной диалектике страха, свидетельствующей о том, что в его художественном мире действует то, что Т. С. Элиот попытался определить понятием «объективный коррелят» (см.: [11, с. 92]). Его суть соответствует в основном герменевтической концепции П. Рикёра [20] или «семиологической авантюре» Юлии Кристевой, отраженной прежде всего в таких ее работах, как «Семиотика» (1969) и «Революция поэтического языка» (1974). В своей попытке найти новые основания человеческой субъектности, похороненной в постструктурализме и постмодернизме, Ю. Кристева трактует язык как гетерогенную структуру, формирующую и манифестирующую в своей динамической процессуальности все разнообразие человеческих субъективностей в сложном взаимодействии между долингвистическим состоянием бессознательно-инстинктивных влечений в их развитии до «вступления в область знаков» (цит. по: [5, с. 246]) и их символическим означиванием. Именно на границе этого взаимодействия распознается процесс, которым захвачен субъект и который со всей очевидностью показывает его гетерогенность и связанную с этим необходимость различения, какой силой и в какую игру втянут субъект. Согласно Ю. Кристевой, эти силы «прорываются» и оставляют свои «следы» прежде всего в художественном творчестве. И. М. Бобков пишет в связи этим следующее:

Концепция поэтического языка, разработанная Кристевой на основе анализа текстов С. Малларме, А. Арто, Дж. Джойса, постулирует наличие таких «прорывов» по отношению к значению и означиванию и, одновременно, манифестируют гетерогенность субъекта, его неспособность к устойчивой и однозначной идентификации [5, с. 247].

В дискурсе предлагаемой работы важно выделить именно эту идею Ю. Кристевой о «прорывах», что в плане нашей рабочей гипотезы имеет отношение к попытке доказательства укорененности феноменологического эйдоса Хандке в «структурализме жизни», а не смерти. С аллюзией на приведенное выше суждение Ж. Бодрийера о том, что «поэзия — это восстание языка против своих собственных законов» [7, с. 331], художественный метод Хандке оценивается нами как восстание против этого восстания в попытке вернуть поэтический язык к исходным законам языкового семиозиса для сбережения языка как «дома бытия» [24, с. 354].

64

По нашему убеждению, отмеченные выше теории и Т.С. Элиота, и П. Рикёра, и Ю. Кристевой симметричны основным принципам символично-мифологической диалектики А.Ф. Лосева (см.: [13–15]) или идейной парадигме А.В. Михайлова, нашедшей отражение во многих его работах [17]. Именно идеи указанных выше авторов являются важными факторами в методологической стратегии данной работы. Однако эти идеи включаются нами в более обширный герменевтический горизонт, обретая эсхатологическое напряжение метаисторического противостояния двух противоположных структурализмов — «структурализма жизни» и «структурализма смерти» задающих игру, в которую втянут субъект. В ранних текстах Хандке, включая его известные прозаические произведения, такие как «Страх вратаря перед одиннадцатиметровым» (1970), «Короткое письмо к долговому прощанию» (1972) или «Нет желания — нет счастья» (1972), ясно проступает феноменология «структурализма смерти», и его доминирование переживается Хандке в обостренной «пограничной ситуации» прорыва в его экзистенцию НЕ-КТО, которое, претендуя на авторскую телесность, подвергает его «Я» «грамматическому» насилию и поэтому нуждается в саморазоблачении этого «Я». В интервью по поводу одной из своих коротких пьес под названием «Саморазоблачение» (1966) Хандке говорит: «“Я” в “Саморазоблачении” — это не “я” повествования, а только “я” грамматики» (цит. по: [9, с. 6]). В этой пьесе, построенной как пародия на католическую исповедь, как и в других произведениях раннего Хандке, есть, однако, то Иное, что, по нашему мнению, соответствует его сути в теории Иного у А.В. Михайлова, нашедшей отражение в его книге «Обратный перевод», или у Гастона Башляра в его «Поэтике пространства» [3]. Так, например, знаменитый метод обратного перевода, разработанный А.В. Михайловым, вполне применим к попытке Хандке совершить перевод языка воли к смерти на язык воли к жизни. Согласно А.В. Михайлову,

главный метод истории культуры как науки — это обратный перевод постольку, поскольку вся история заключается в том, что разные культурные явления беспрестанно переводятся на иные, первоначально чуждые

им культурные языки, часто с предельным переосмыслением их содержания. И так, надо учиться переводить назад и ставить вещи на свои первоначальные места [17, с. 16].

Сходна с этим попытка Хандке перевести вещи в то поэтическое слово, которое ставит «вещи на свои первоначальные места». Во-первых, в поэтике Иного этих произведений разыгрывается не только и не столько психодрама персонажей, ставших НЕКТО для себя под прессингом НЕКТО, рвущегося в их экзистенцию, сколько Космодрама «структурализма жизни», подвергнутого вторжению Антикосмоса, задающего ложное движение. При этом силовое давление Антикосмоса реализуется прежде всего в его самоидеации в языке «структурализма смерти», как это показано в пьесе «Каспар» (1968) по мотивам истории о найденьше Каспаре Хаузере. Исходная фраза экзистенциальной диалектики «структурализма жизни», произносимая Каспаром в начале, — «Ich möcht ein solcher werden, wie einmal ein anderer gewesen ist» («Я хотел бы стать таким, каким некогда был кто-то другой», цит. по: [33, S. 262]) — безжалостно рвется на части невидимыми суфлерами, которые присваивают ее исходную энергию памяти и, перемонтировав в новые сочетания-штампы, принуждают Каспара к тому, чтобы он стал речевым инструментом самоидеации Антикосмоса.

Во-вторых, однако, в поэтике Иного у Хандке ясно прослеживается авторская воля к преодолению НЕКТО, аннигилирующего Космос, и обретению того НЕКТО, в котором сохраняются хотя бы «следы» «структурализма жизни» и способность деконструкции «структурализма смерти». В связи с этим нарративную стратегию Хандке можно сравнить с философским деконструктивизмом Ж. Деррида в его поисках исходной праструктуры всех структур.

В этом плане еще одним продуктивным герменевтическим ключом к Хандке может стать дихотомия «структура — фактура», которая, согласно основателю «новой критики» Дж. Рэнсону, определяет онтологию поэтического произведения. «Фактура» есть свойство поэтического произведения, благодаря которому происходит «подрыв» его рационального значения, обусловленного «структурой», и приращение дополнительного смысла (см.: [21, с. 186]). Этот «подрыв» аналогичен «прорыву» «семиологических» сил в теории Ю. Кристевой или феноменологии бессознательного в теории П. Рикёра, которые, без сомнения, находились под влиянием структурного психоанализа Ж. Лакана. Недаром термины «структура» и «фактура», введенные Дж. Рэнсоном, позже были переосмыслены в свете психоаналитических категорий Id и Ego.

Не вызывает сомнения, что Хандке, как и многие германоязычные авторы 1960–1970-х гг., находился под большим влиянием «Негативной диалектики» Т. Адорно, вошедшего в историю искусства прежде всего в связи со своим эсхатологическим приговором поэзии: «Писать стихи после Освенцима — это варварство» [30, S. 30]. В главе «После Освенцима» своей «Негативной диалектики» Т. Адорно уточняет это суждение, исходя из того, что «Освенцим утвердил философу чистой тождественности, которая есть смерть» [1, с. 323]. Поэтому под натиском этой диктатуры смерти «многолетнее страдание» имеет право на выражение:

точно так же замученный болезнью человек имеет право брюзжать и ворчать: поэтому неверно, неправильно, что после Освенцима поэзия уже невозможна. Правильно, наверное, будет задаться менее «культурным» вопросом о том, а можно ли после Освенцима жить дальше [1, с. 323].

Для Хандке этот «менее культурный вопрос» принципиален в плане онтологического статуса поэзии. Он предчувствует в своем НЕКТО тот субъект всех предикаций и значений, который прорывается в поэтический язык как значение «архитекстуальности» смерти. По известному определению Ж. Женетта, архитекстуальность — это «та связь, посредством которой текст включается в различные типы дискурса» [8, с. 470]. Наше предпочтение термина Ж. Женетта, несмотря на склонность большинства исследователей к термину «архетекст» (см.: [4, с. 13]), обусловлено отношением к тонкой границе между «текстуальной трансцендентностью» в теории «архитекста» Женетта и пониманием «архетекста» как «старшего» претекста в современном литературоведении. Уточняя эту границу, можно говорить о горизонтальной мифологической типологии «архетекста» и вертикальной символической типологии «архитекста», в мистической глубине которого пребывают «архитекторы» двух отмеченных выше структурализмов. Ранний Хандке будто предчувствует в НЕКТО «архитектора» магической «архитекстуальности», опасной для жизни, который, как «гадюка», забрался в его «выходные штаны» [27, с. 541]. Он — этот субъект всех значений — грозит ему в его «Стихотворении со скрытой угрозой», предупреждая, что в «фактуру» стиха прорвалась сила структуры смерти, задавая его значение. А. Ф. Лосев все время подчеркивает семантическое тождество таких понятий, как *значение* и *сила*, когда в своих «Очерках античного символизма и мифологии», приводя переводы диалогов Платона, после лексемы «значение» указывает ее греческий оригинал *δύναμις*, что означает прежде всего силу (духовную). Так — в переводе «Протагора», в котором, по слову А. Ф. Лосева, «уже есть намек на какое-то измерительное искусство — туманное предчувствие будущей диалектики», а дальше — в прямой цитате из «Протагора»:

...то, что оказалось бы тогда для нас спасением жизни: мерительное ли искусство или *значение* (гр. *δύναμις*) *видимости*? Последнее-то не вводило ли бы нас в заблуждение... мерительное же искусство упразднило бы этот призрак... и спасало бы жизнь... [13, с. 334].

Цитата из книги А. Ф. Лосева с выделенным им самим курсивом «*значением видимости*», то есть опасной силы видимого, и важности «измерительного искусства» для спасения жизни более чем уместна в отношении Хандке: как в своей поэзии, так и в прозе он ищет тот размер, который, согласно «новой критике» Дж. Рэнсома, мог бы подорвать значение-силу смерти, прорвавшейся в поэзию, и привести к созданию дополнительного звучания-смысла жизни. Поэзии после Освенцима Хандке пытается противопоставить «некоторые альтернативы в косвенной речи» [27, с. 539]. Хотя бы косвенно этот жанровый поиск, осуществляемый Хандке в его альтернативной поэзии-прозе, отмечен, например, в статье В. А. Пестерева о романе «Дон Жуан» Хандке. Обращая внимание на двойственную взаимосвязь анализа и синтеза в романе, В. А. Пестерев пишет:

Их взаимобратимость в поэтическом и эссеистическом выявляет границы двуприродности «Дон Жуана», который при неизменной пластичности и свободе жанровой формы романа-эссе намечает перспективы новой его разновидности — поэтического романа-эссе [18, с. 196].

Хандке vs ложное движение

Феномен творческой индивидуальности Хандке — это серьезный повод для аксиологической перезагрузки современного принципа реальности, хотя бы в свете того, о чем говорит А. В. Михайлов в отношении слова, а точнее, в отношении утраты истины слова, следствием чего неизменно будет онтологическая слепота:

Слово ускользает, будучи, в сущности, над человеком и над сознанием: они в его распоряжении, оно их направляет, пока человек думает и предполагает. В слова вложено куда больше, чем знает человек, чем знает культура о себе [17, с. 49].

В этой связи Хандке актуален, но все еще не исследован с той степенью глубины, каковая имеет отношение к онтологии слова. В последние годы в отечественной науке отмечаются признаки роста внимания к творчеству Хандке, о чем свидетельствуют работы З. А. Мардановой [16], В. В. Котелевской [10], В. А. Пронина [19] и других, но в целом Хандке еще не открыт, особенно в контексте проблемы связи культурных кодов разных народов и их языков.

Предваряя основной вывод нашей работы, рискну утверждать, что уникальная стилистика творческой индивидуальности Хандке, ставшего НИКТО для современной публики, отражает его НЕКТО для этой публики, сопротивляющееся в своей негативной диалектике диктатуре НЕКТО, задающей ложное движение. «Никто не читает меня, но все задают вопросы только о политике»¹. Это слова Хандке в одном из интервью после присуждения ему в 2019 г. Нобелевской премии за произведения, в которых «с лингвистической одаренностью исследуются периферия и своеобразие человеческого существования».

Уже это неопределенно-личное местоимение НЕКТО, связанное, однако, с проблемой силы, задающей ложное движение, вводит нас не только в тайну художественного нарратива Хандке, но и в проблематику связи этой тайны с конфликтом между Хандке и доминирующими дискурсивными практиками на Западе. «Я слушаю. Я чувствую. Я помню. Вот почему я здесь, рядом с Югославией, рядом с Сербией, рядом со Слободаном Милошевичем». Эти слова Хандке произнес в 2006 г. на похоронах президента Сербии, умершего в тюрьме в Гааге. Его die Alternative, Альтернативное «Я» уже давно восстало против «заговора гнилых (faule) журналистов», изображавших сербов как агрессоров в этнических конфликтах на Балканах. В 1996 г. в «Süddeutsche Zeitung» публикуются заметки Хандке о его впечатлениях от поездки по Югославии. Реакция политкорректных персон на эти очерки Хандке, объявленного persona non grata в Косово и Сараево, — яростна: Салман Рушди назначает его «идиотом года», философ и публицист Ален Финкелькраут именует «идеоло-

¹ Все цитаты в этом и следующем абзацах приводятся по источнику [2].

гическим монстром», Сьюзен Зонтаг, известная писательница и критик, анафемствует Хандке от имени Нью-Йорка. И тут Нобелевская премия, против чего протестуют все ведущие медиагиганты Запада – New York Times, BBC, CNN, The Guardian и др. Члены Шведской академии Эрик Рунессон и Матс Мальм реагируют на реакцию уклончиво: да, позиция Хандке по Югославии неуместна и провокационна, но в его произведениях нет оправдания военных преступлений или геноцида. «Великий поэт Хандке заслужил Нобелевскую премию 10 раз!» – это резюме Эльфриды Елинек, лауреата Нобелевской премии 2004 г. Скандал вокруг Хандке доказывает тот факт, что в современной литературе сохраняется связь между ее познавательным и аксиологическим потенциалом сопротивления «тоталитаризму языка» (Фуко) и социально-политической динамикой ложного движения, заданного этим «языком-порчей». Определенное внимание этой связи уделено в работах Е. В. Соколовой, которая помимо обзора материалов немецкоязычной прессы о Хандке продуктивно актуализирует его феноменологический эйдос в свете работ немецкого писателя и литературоведа В. Г. Зебальда [22; 23].

Сам Хандке был сильно удивлен, узнав о премии, поскольку до конца оставался и остается парадоксальным аннигилятором западных дискурсивных практик и ценностей, включая три социокультурных идола Запада. Это пресса как мощное средство психогенного прессинга и манипуляции; кино, прежде всего «мой американский дядюшка» с аллюзией на киношедевр Алена Рене, в котором демонстрируется социо-психопатологическая дрессировка по превращению богоподобия человека в крысоподобие; бит-музыка.

Но, может быть, одной из главных причин для Нобелевской премии послужило то, что можно охарактеризовать как неожиданный «квант надежды» в нарративной динамике прозы Хандке, проявившийся в его произведениях начиная с 1970-х гг. В них есть то, что можно назвать ауториальным восстанием против вторжения языка «структурализма смерти», прежде всего через спасение первопамяти исходного языка «структурализма жизни». В нем сохраняется память о Ком-то Другом и желание стать им в ситуации, когда в динамике ложного движения раздробленные слова быстро забывают память вещей. Но это забывание памяти вещей сопровождается у Хандке фантомными болями, о чем свидетельствует даже название последней разговорной пьесы Хандке 1967 г. – «Крики о помощи». Уникальность Хандке – в его попытке вырваться из губящей гравитации языка-киллера в усилии по его деконструкции в поисках исходной праструктуры для обретения того Иного, в котором еще есть Кто-то Другой с его Иным «Я-Языком». Хандке из последних сил пытается пробиться в своих нарративах к последним родникам охваченного аннигиляцией Космоса.

И в этом ему, по его собственному признанию, сильно помог Чехов. Мы считаем, что Хандке «саморазоблачился» и освободился от своего «Я-Языка» тоталитаризма смерти в своих произведениях начиная с 1970-х гг., преодолевая поле игры смерти. Эта игра – в его всемирно известном романе «Страх вратаря перед одиннадцатиметровым», в котором его НЕКТО по имени Йозеф Блох совершает – почти ритуальное в своей магии смерти – убийство полузнакомой девушки. Спустя два

года появляется роман Хандке «Короткое письмо к долгому прощанию» (1972), в котором его герой начинает испытывать желание просто жить по-хорошему и по-хорошему относиться к другим людям, потому что «впервые узнал, что такое настоящая жизнерадостность» [28, с. 175]. «Проблеск надежды» в творчестве Хандке начиная с этого романа отмечает и Д. Затонский [9, с. 10]. В романе «Час подлинных ощущений» (1975) переоткрытие мира и открытие в нем времени надежды продолжается. Протагонист Грегор Койшинг, открывший для себя ад на земле и охваченный желанием умереть, находит повод для воскресения, заметив в песке около скамейки три предмета — лист каштана, осколок зеркала и заколку для волос. Таково преодоление ада «в течение нескольких вздохов», когда приоткрывается продолжающаяся тайна мира: «Indem ihm die Welt geheimnisvoll wurde, öffnete sie sich und konnte zurückerobert werden» — «Став таинственным, мир открылся — значит, он может быть снова отвоеван» (цит. по: [33, S. 258]).

По нашему убеждению, Хандке, без всяких сомнений, заслужил Нобелевскую премию, прежде всего по той причине, которая имеет прямое отношение к проблеме «отвоевания» времени жизни у мира, захваченного динамикой смерти. Она захватила мир в тайнодействии тех языковых значений, субъект которых в сложной системе символов художественного мира Хандке получает религиозно-библейскую окраску: это — «моя змея», как называет ее Хандке в последнем романе «Второй меч», вышедшем в 2020 г. Она

вынырнула на границе плато и улеглась, свернувшись в клубок, погреться на заходящем уже майском солнце, вместе с другими, позади старой церкви в траве, и не тронулась с места, только подняла на секунду пятнистую голову [29, с. 180].

«Структурализму смерти» этой «свернувшийся в клубок» змеи Хандке пытается противопоставить отвоеванное у нее «время во всей его полноте, время как бога» [29, с. 174], пусть даже это всего секунда, на которую змея «только подняла... пятнистую голову» [29, с. 180].

В заключение подчеркнем еще раз основной вывод представленной нами герменевтической попытки проникновения в уникальность феноменологического эйдоса Хандке на основе символично-диалектического метода: феномен Хандке есть живая антитеза постструктуралистской теории о «смерти автора». Аукториальный повествователь в текстах Хандке реализует те предикаты бытия, которые помогают бытию не стать «бытием-к-смерти», окончательно попав под власть структурализма «речи, облаченной смертью» (Сирах. 23: 14). Мартин Хайдеггер, один из создателей современной герменевтики и теории «языка как дома бытия» [24, с. 354], не раз подчеркивал, что именно в языке поэзии бытие пытается напомнить о себе в мире (см.: [25, с. 41]), пораженном амнезией космического масштаба, ведущей к «забеганию в смерть» [26, с. 262]. В современном немецкоязычном искусстве Хандке — один из тех, кто в своем Ином противится этой смерти, выводя это сопротивление за рамки художественного творчества на уровень социально-политической проблематики. Его творчество есть живое доказательство связи между познавательным потенциалом искусства и политикой. Для современно-

го политического истеблишмента на Западе Хандке поистине стал неожиданным НЕКТО в Нобелевской истории в связи с его отношением к тем нарративным практикам западной культуры, которые определяют ее ложное движение.

Список литературы

1. Адорно Т. В. Негативная диалектика. М., 2003.
2. Атанесян Г. Петер Хандке — гений или монстр? Нобелевский лауреат и тень Милошевича. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-50815748> (дата обращения: 11.01.2022).
3. Башиляр Г. Избранное: Поэтика пространства. М., 2004.
4. Белобратов А. В. Кафка и мимесис: к проблеме архетекстуальности в романе «Процесс» // Русская германистика: ежегодник Российского союза германистов. Т. 5 : Типология текстов Нового времени. М., 2009. С. 109 – 120.
5. Бобков И. М. Кристева Юлия // Новейший философский словарь. Постмодернизм. Минск, 2007. С. 245 – 248.
6. Бодрийяр Ж. Система вещей. М., 1995.
7. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000.
8. Женетт Ж. Фигуры : в 2 т. Т. 2. М., 1998.
9. Затонский Д. Художественный мир Петера Хандке // Хандке П. Повести. М., 1980. С. 5 – 19.
10. Котелевская В. В. К модернистской поэтике и поэтологии прогулки: Р. М. Рильке, Р. Вальзер, Т. Бернхард, П. Хандке // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 3. С. 96 – 108.
11. Красавченко Т. Н. Объективный коррелят // Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины. Энциклопедический справочник. М., 1996. С. 92 – 94.
12. Лакан Ж. Семинары. Книга 1. Работы Фрейда по технике психоанализа (1953 – 1954). М., 1998.
13. Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М., 1993.
14. Лосев А. Ф. Античный космос и современная наука // Лосев А. Ф. Бытие – имя – космос. М., 1993. С. 61 – 612.
15. Лосев А. Ф. Философия имени // Лосев А. Ф. Бытие – имя – космос. М., 1993. С. 613 – 801.
16. Марданова З. А. «Медлительность» versus «ложное движение»: Творчество Петера Хандке 70-х годов. Владикавказ, 2005.
17. Михайлов А. В. Обратный перевод. М., 2000.
18. Пестерев В. А. Двуприродность романа Петера Хандке «Дон Жуан»: границы «эссеистического» и «поэтического» // Русская германистика: ежегодник Российского союза германистов. Т. 6 : Граница в языке, литературе и науке. М., 2009. С. 187 – 196.
19. Пронин В. А. Австрийский нобель // Наука и школа. 2021. №3. С. 44 – 50.
20. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М., 1995.
21. Рэнсом «Новая критика» // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX – XX вв. М., 1987. С. 177 – 193.
22. Соколова Е. В. Лауреат Нобелевской премии по литературе 2019 г. Петер Хандке в зеркале немецкой прессы // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. 2020. №4. С. 198 – 208.

23. Соколова Е.В. Осцилляция образа. СМИ и В.Г. Зебальд о писателе П. Хандке // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2020. №3 (43). С. 119–143.
24. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Проблема человека в западной философии. М., 1988. С. 314–356.
25. Хайдеггер М. Гёльдерлин и сущность поэзии // Логос. Вып. 1. М., 1991. С. 37–47.
26. Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997.
27. Хандке П. Некоторые альтернативы в косвенной речи. Стихотворение со скрытой угрозой // Золотое сечение. Австрийская поэзия XIX–XX вв. М., 1988. С. 538–543.
28. Хандке П. Короткое письмо к долгому прощанию // Хандке П. Повести. М., 1980. С. 99–227.
29. Хандке П. Второй меч. М., 2021.
30. Adorno Th.W. Kulturkritik und Gesellschaft // Adorno Th.W. Gesammelte Schriften. Frankfurt ; Darmstadt, 1997. Bd. 10/1 : Kulturkritik und Gesellschaft I. S. 11–30.
31. Handke P. Don Juan. Frankfurt a/M., 2004.
32. Konstantinovic Z. Archetext – Intertext – Kontext: Paradigma einer supranationalen Literaturforschung // Germanistik und Komparatistik : DFG-Symposion 1993. Stuttgart ; Weimar, 1995. S. 556–570.
33. Peter Handke // Kindlers Neues Literatur Lexikon / hrsg. von W. Jens. München, 1998. Bd. 7. S. 247–263.

Об авторе

Владимир Хамитович Гильманов — д-р филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: gilmanov.wladimir@rambler.ru

ORCID: 0000-0001-5893-8622

The author

Prof. Vladimir Kh. Gilmanov, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: gilmanov.wladimir@rambler.ru

ORCID: 0000-0001-5893-8622

И. Д. Копцев, Л. А. Мальцев

**ОППОЗИЦИЯ РОДИНА – ЧУЖБИНА
В «АМЕРИКАНСКИХ» ПОВЕСТЯХ Г. СЕНКЕВИЧА «ЗА ХЛЕБОМ»
И В.Г. КОРОЛЕНКО «БЕЗ ЯЗЫКА»**

Поступила в редакцию 12.04.2022 г.

Рецензия от 22.04.2022 г.

72

Рассматривается тема крестьянской эмиграции в Америку в повестях Генрика Сенкевича «За хлебом» и Владимира Короленко «Без языка». Сопоставляются сюжетная организация повестей и система персонажей с точки зрения пространственных оппозиций близкое – далекое и родина – чужбина. Демонстрируется, что крестьянская традиционно-патриархальная картина мира входит в противоречие с образом Америки как урбанистической цивилизации Нового времени. Выявляются специфические моменты раскрытия американской тематики у Сенкевича и Короленко. При этом подчеркивается, что видение Америки обоими писателями является амбивалентным: с точки зрения и польского, и русского писателя, Америка дает шанс на индивидуальную самореализацию, однако позиции обоих авторов свидетельствуют об их патриотизме. Это подтверждается, в частности, ностальгическими мотивами в рассматриваемых повестях.

The article deals with the peasant emigration to America in the novels of Henryk Sienkiewicz “For Daily Bread” and Vladimir Korolenko “Without Language”. The plot structure of the stories and the system of characters are contrasted for spatial oppositions “close – far” and “homeland – foreign land”. It is demonstrated that the peasant traditional patriarchal picture of the world is in conflict with the image of America as an urban civilization of modern times. The authors reveal the specifics of Sienkiewicz’s and Korolenko’s disclosure of American themes. It is emphasized that the vision of America by both writers is ambivalent. From the point of view of Polish and Russian writers, America gives a chance for individual fulfillment, but the positions of both authors indicate their patriotism. This is confirmed, in particular, by nostalgic motifs in the novels “For Daily Bread” and “Without Language”.

Ключевые слова: Г. Сенкевич, В.Г. Короленко, Америка, эмиграция, национальный характер, крестьянский вопрос

Keywords: H. Sienkiewicz, V. Korolenko, America, emigration, national character, peasant question

Повести польского писателя Генрика Сенкевича «За хлебом» (1879–1880) и русского писателя Владимира Галактионовича Короленко «Без языка» (1895) имеют общую тематическую основу, связанную с таким

массовым явлением, как переезд польских и украинских крестьян во второй половине XIX в. в Америку. Показывая трагедию простых людей, писатели демонстрируют культурно-цивилизационное разнообразие мира и объясняют крушение крестьянских надежд на счастливое будущее столкновением двух картин мира — традиционно-патриархальной, опирающейся на идею связи человека с родной землей, и буржуазно-модернизационной, в основе которой лежит концепция «американской мечты» как индивидуалистического проекта самореализации. В обеих повестях противопоставление родины и чужбины выступает кардинальным разграничением органического деревенского уклада и механицизма «мирового города», за которыми скрываются принципиально не совместимые друг с другом системы морально-этических ценностей.

Между анализируемыми повестями существует типологическое сходство, определенное реалистическим методом обоих писателей, показывающих без прикрас американский образ жизни. Оба писателя увидели Америку своими глазами: Сенкевич — в 1876–1897 гг., как корреспондент «Газеты Польской», изучавший жизнь и быт поляков-эмигрантов и посвятивший этой теме цикл репортажей «Письма из путешествия по Америке». Короленко предпринял поездку в Америку в 1893 г., также с журналистской целью, будучи откомандирован на всемирную выставку в Чикаго в качестве корреспондента журнала «Русское богатство». Не следует исключать непосредственного знакомства Короленко с «американской» прозой Сенкевича, учитывая то, что польская литература была очень хорошо знакома русскому писателю, о чем свидетельствует обилие полонизмов в его прозе [1, с. 13–15], а также выполненные им переводы классических произведений польской словесности, в том числе новеллы Сенкевича «Янко-музыкант».

По утверждению З. Найдера, «американская» проза Сенкевича, в том числе повесть «За хлебом», занимает «особое место в развитии идеологии и писательского мастерства автора»: «Разница по уровню и идейной позиции между произведениями Сенкевича, написанными до поездки в Америку и по возвращении оттуда, полностью очевидна» [8, с. 54]. Уточняя, что «это была эпоха своеобразного обособления писателя от проблем своей страны», исследователь полагает, что «Сенкевич не забывает... о ней и на окружающую действительность смотрит прежде всего как поляк-патриот» [8, с. 54–55].

В жизни и творчестве Короленко «американский» период был гораздо менее продолжительным, однако, по справедливому суждению В. Н. Крылова, «впечатления о поездке на выставку в Чикаго в 1893 г. стали основой и для последующего творчества, вплоть до конца жизни» [5, с. 28], ярким подтверждением чему служит публицистический цикл «Писем к Луначарскому» (1920). Несомненная аналогия повести «Без языка» с «американской» прозой Сенкевича проявляется в том, что, по наблюдению Н. А. Кубанева, у Короленко «американская тема... получает новый ракурс: в нее входит тема ностальгии и утраты иллюзий у человека, оказавшегося на американской земле. А отсюда органично вырастает тема патриотизма» [6].

В повестях Сенкевича и Короленко изображается столкновение двух миров: крестьянская наивно-идиллическая картина мира входит в не-

разрешимые противоречия с требованиями американского прагматизма. Завязка повести Сенкевича «За хлебом» — решение Вавжона Топорка вместе со своей дочерью Марысей ехать в Америку — является следствием, с одной стороны, безвыходного экономического положения этой небольшой крестьянской семьи с Познаньщины, а с другой — несамостоятельности и наивности Вавжона, поверившего лжи рекламного агента: «Немец рассказывал чудеса и небылицы об Америке. Дармовой земли обещал столько, сколько и в Липинцах не было — и с бором, и с лугами, вот у крестьянина глаза и загорелись» [9, с. 8–9].

Главный герой повести Короленко «Без языка» — Матвей Лозинский, один из крестьян волынской деревни Лозище, отправившихся на поиски лучшей доли. В отличие от Вавжона, которого подтолкнула к роковому решению нужда, а также несамостоятельность мышления, решение Матвея эмигрировать выглядит результатом его внутренней игры воображения, отражающей крестьянский коллективный миф о земном рае:

В той самой деревне... которая виднелась им из-за дали океана, в туманных мечтах, как земля обетованная, как вторая родина, которая должна быть такая же дорогая, как и старая родина.

Такая же, как и старая, только гораздо лучше... [4, с. 48].

В повестях Сенкевича и Короленко для наивно-мифической картины мира характерно то, что оппозиция близкое — далекое не находит соответствия в оппозиции родина — чужбина, — наоборот, «далекое» отождествляется с «родным». В крестьянской фантазии Америка изначально представляется «второй родиной», «землей обетованной», а мир в целом — «ойкуменой», родным, безопасным пространством, в котором человек находится под опекой высших сил. Однако американская действительность разрушает эти наивно-мифические представления о «второй родине», и место жизнеутверждающего мифа занимает антимиф об Америке как антимире. Утратив иллюзии, Вавжон Топорек истолковывает свою ошибку в религиозных категориях греха и отступничества от Бога: «Совесьть взывала к нему: “Вавжон, зачем ты оставил Липинцы?”. Почему? Потому, что Бог его оставил» [9, с. 36]. В трагической тональности — как символический акт «смерти» — осмысливает решение эмигрировать Матвей: «Прежний Матвей уже умер, и умер Дыма, и умерла наша прежняя вера, и сердце у вас станет другое, и иная душа, и чужая молитва... И если бы встала твоя мать из заброшенной могилы... то здесь в детях твоих она не признала бы своих внуков... Потому что они не будут похожи ни на отца, ни на тебя, ни на дедов и прадедов... А будут американцы...» [4, с. 50]. Образ Америки-чужбины в фантазии Матвея отождествляется с образом морской стихии, а образ моря-Америки и связанный с ними образ утопленника-американца сближается с мотивом безъязычия, обозначенным в названии повести Короленко: «В ушах шумит, перед глазами зеленая глубина, таинственная и страшная. Это гибель. И вдруг к нему склоняется человеческое лицо с светлыми застывшими глазами. Он оживает, надеется, он ждет помощи. Но глаза тусклы, лицо бледно. Это лицо мертвеца, который утонул раньше...» [4, с. 132–133].

Культурное отчуждение от американской жизни в повестях Сенкевича и Короленко проявляется в незнании крестьянами местного языка, их невербальном поведении, а также во внешнем виде, кажущемся американцам «странным» [9, s. 28]. Униженное положение крестьянина, кланяющегося барину и целующего его руки, воспринимается как противоестественное местными жителями, привыкшими к равенству как исходному закону жизни:

Вавжон распластался у ног его милости, потом начал целовать полы его сюртука и, держа его, думал, что схватил за хвост птицу счастья.

Это же барин, свой... Он не позволит умереть с голода, спасет, не даст сгинуть.

Мальчик, который был с седым господином, вытаращил глаза. Собралась толпа зевак и стала смотреть, как человек перед человеком на коленях стоит и целует его ноги. Для Америки вещь небывалая! [9, s. 56].

Социально дифференцирующий мотив низких поклонов и целования руки является в повести Короленко толчком к непредвиденному развитию событий в соответствии с логикой детективного повествования. Полицейский Гопкинс, не расшифровав должным образом специфическую форму крестьянского «приветствия» и приняв ее за проявление агрессии (якобы припадающий к руке Матвей Лозинский намеревался укусить полицейского за руку), ударил его, после чего обиженный Матвей нанес ответный сокрушительный удар, едва ли не стоивший полицейскому жизни. Оказавшись перед судом в провинциальном американском городе Дэблтоуне, Матвей спасается благодаря вмешательству его соотечественника Нилова, объясняющего судье Дикинсону поступок Матвея обычаями, принятыми на родине «преступника»: «К сожалению, сэр, на моей родине люди действительно кланяются иногда слишком низко» [4, с. 122].

В повестях Сенкевича и Короленко поворотной точкой сюжета становится встреча соотечественников — барина и крестьянина. В обоих случаях барин выполняет функцию «помощника» крестьян, «потерявшихся» в американской жизни. В повести «За хлебом» встреча с паном Злотопольским, направившим Вавжона и Марысю в польскую колонию Боровина в штате Арканзас, дает герою и героине шанс на спасение, который в итоге оборачивается катастрофической неудачей по причине недостаточной экономической сплоченности польских крестьян в условиях американского «дикого Запада». По чудесному стечению обстоятельств, спасителем Матвея Лозинского становится его бывший помещик Нилов, который сам пытается начать в Америке новую жизнь. Примечательным социологическим нюансом русской и польской повестей о жизни эмигрантов в Америке является то, что у Сенкевича между господином и крестьянином в Америке сохраняется иерархическая дистанция (крестьянин «падает в ноги», и пан принимает это как должное), в то время как в глазах Нилова, русского интеллигента из дворян, Америка хороша тем, что она реализует неосуществимую на родине мечту о равноправии между мужиком и барином: «Не знаю, поймете ли вы меня, — говорит Нилов Матвею, — но... за то одно, что мы здесь встретились с

вами... как равные... как братья, а не как враги... За это одно я буду вечно благодарен этой стране...» [4, с. 141]. В повестях Сенкевича и Короленко именно выходцы из дворянского сословия замечают преимущества Америки. Так, в повести «За хлебом» пан Злотопольский констатирует: «Страна хорошая, надо только жить в ней уметь...» [9, с. 58]. Однако развязки произведений раскрывают различие авторских социологических «вердиктов»: согласно Сенкевичу, Америка более благоприятна для представителей шляхетской интеллигенции, но противопоказана польским крестьянам («...вам, крестьянам, надо землю пахать, а не по свету слоняться...» [9, с. 58]), в то время как по Короленко русскому дворянину-интеллигенту, «лишнему человеку», правдоискателю нет места и в Америке, а крестьянин, пройдя период мытарств, при благополучном для него стечении обстоятельств получает все-таки шанс адаптироваться и «пустить корни». Показательно, что в повести Короленко американские мытарства Матвея и Анны находят счастливое завершение в обретении ими семейного благополучия, тогда как у Сенкевича история разлуки Марыси и Яся, так и не сумевшего приехать в Америку к своей возлюбленной, оборачивается трагедией, свидетельствуя о роковой ошибке, допущенной отцом Марыси Вавжоном Топорекком.

Вывод А. А. Арустамовой и Б. В. Кондакова об амбивалентной специфике раскрытия образа Америки в русской литературе, в том числе в творчестве Короленко, распространяем и на «американскую» прозу классика польской литературы: «Русское сознание в одних ситуациях притягивалось к Америке, в других — отталкивалось от нее. Для одних Америка оказывалась образцом для подражания, идеалом, чем-то вроде Рая... Для других Америка была “проклятым местом” (аналогом Ада)» [2, с. 111–112]. Так, по утверждению Б. Ф. Стахеева, в Америке Сенкевичу «импонировала оживленная промышленная деятельность, демократические формы жизни... мужественные люди, которые осваивали американский Запад». Но, с другой стороны, посетив кварталы Нью-Йорка, в которых обитают нищие разных народов и стран, «сказал писатель и о том, что Америка не исчерпывается романтикой в духе романов Купера и Брет-Гарта» [7, с. 10]. Сенкевич и Короленко художественно ярко показали особенности американской цивилизации, ее «блеск и нищету». Однако в центре внимания их «американской» прозы находится судьба соотечественников-эмигрантов. Как психологический контекст американской темы в произведениях Сенкевича и Короленко представлены мотивы ностальгии, как бы в подтверждение слов Достоевского из «Зимних заметок о летних впечатлениях» о «химическом соединении человеческого духа с родной землей»: «...оторваться от нее нельзя, и хоть и оторвешься, так все-таки назад воротиться» [3, с. 153].

Список литературы

1. *Ананьева Н. Е.* О польском языке в произведениях русской литературы XIX века (на примере творчества В. Г. Короленко) // Славянский вестник. М., 2004. Вып. 2. С. 13–26.
2. *Арустамова А. А., Кондаков Б. В.* Константа «Америка» в русской литературе XIX века // Вестник Пермского университета. 2010. №5 (11). С. 111–120.

3. Достоевский Ф. М. Искания и размышления. М., 1983.
4. Короленко В. Г. Собр. соч. : в 6 т. М., 1971. Т. 4.
5. Крылов В. Н. Диалог «своего» и «чужого» в американских впечатлениях В. Г. Короленко // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2015. Т. 157, №2. С. 28–43.
6. Кубанев Н. А. Образ Америки в русской литературе: Из истории русско-американских литературных и культурных связей XIX – первой половины XX в. : дис. ... д-ра культурологии. М., 2001. URL: <https://www.dissercat.com/content/obraz-ameriki-v-russkoi-literature-iz-istorii-russko-amerikanskikh-literaturnykh-i-kulturnykh> (дата обращения: 04.04.2022).
7. Стасеев Б. Ф. Генрик Сенкевич // Сенкевич Г. Собр. соч. : в 9 т. М., 1983. Т. 1. С. 5–32.
8. Najder Z. O “Listach z podróży do Ameryki” Henryka Sienkiewicza // Pamiętnik Literacki. 1955. №46/1. S. 54–122.
9. Sienkiewicz H. Za chlebem. Warszawa, 1927.

Об авторах

Иван Демьянович Копцев – д-р филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: IKoptsev@kantiana.ru

Леонид Алексеевич Мальцев – д-р филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: lamaltsev23@mail.ru

The authors

Prof. Ivan D. Koptsev, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: IKoptsev@kantiana.ru

Prof. Leonid A. Maltsev, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: lamaltsev23@mail.ru

УДК 159.9.07

И. С. Карась, А. А. Лукина, А. С. Волкова

**ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН
СТАРЧЕСКОГО ВОЗРАСТА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ**

78

Поступила в редакцию 26.04.2022 г.

Рецензия от 03.06.2022 г.

Обсуждается проблема сохранения психологического здоровья у мужчин и женщин старческого возраста в условиях пандемии COVID-19. Выборку составили 100 респондентов в возрасте от 74 до 98 лет, проживающих в семье и в доме престарелых. Выявлены негативные характеристики психологического здоровья у мужчин и женщин старческого возраста: низкий уровень жизненной удовлетворенности, низкие психическая активация и эмоциональный тонус, высокий уровень стресса. Более высокий уровень тревожности и более выраженные депрессивные тенденции обнаружены у респондентов, проживающих в доме престарелых. Оценка значимости различий осуществлена по U-критерию Манна – Уитни. Эмпирические результаты исследования позволили сделать вывод об актуальности разработки профилактических и коррекционных психологических мероприятий с целью поддержания психологического здоровья стариков. Определены мишени для психологической работы: депрессивные проявления, ситуативная тревожность, общее нервно-психическое напряжение, уровень удовлетворенности жизнью, общий эмоциональный фон. Разработанная программа будет востребована в работе по снижению негативных проявлений в психическом состоянии людей пожилого возраста в условиях активных современных социальных трансформаций, так как психические реакции на опасные ситуации во многом схожи и универсальны.

The article discusses the issue of maintaining psychological health in men and women of senile age in the context of the COVID-19 pandemic. The sample consisted of 100 respondents aged 74 to 98, living in a family and in a nursing home. Negative characteristics of psychological health in men and women of senile age were revealed: low level of life satisfaction, low mental activation and emotional tone, high level of stress. A higher level of anxiety and more pronounced depressive tendencies were found in respondents living in a nursing home. The significance of differences was assessed using the Mann – Whitney U-test. The empirical results of the study led to the conclusion about the relevance of the development of preventive and corrective psychological measures in order to maintain the psychological health of the elderly. Psychological work must be targeted at depressive

manifestations, situational anxiety, general neuropsychic tension, level of life satisfaction, general emotional background. The developed program will be in demand for reducing negative manifestations in the mental state of the elderly in the conditions of active modern social transformations, since mental reactions to dangerous situations are largely similar and universal.

Ключевые слова: психологическое здоровье, старческий возраст, уровень жизненной удовлетворенности, стресс, социальные трансформации

Keywords: psychological health, senile age, level of life satisfaction, stress, social transformations

Введение

Воздействие пандемии COVID-19, карантинных и других ограничительных мероприятий внесло значимые доказанные изменения в повседневную жизнь людей [1; 8; 10; 11]. Необходимость исследования динамики психологического здоровья мужчин и женщин старческого возраста в условиях социальных трансформаций для потенциального прогнозирования потребности в психологической, медицинской, социальной помощи, а также выделения мишеней воздействия в предотвращении нарастания психической травматизации имеют несомненную актуальность.

Отметим неоднозначность и противоречивость результатов диагностики психологического состояния мужчин и женщин старческого возраста в период пандемии COVID-19. Так, некоторые авторы отрицают сложность переживаний в период пандемии COVID-19 у пожилых людей [1; 12]. Другие отечественные и зарубежные специалисты сообщают о нарастании негативных стрессовых симптомов, возрастании тревожности, страхов по поводу своего здоровья и жизни, об общем напряжении эмоционального фона среди всего населения и отдельно среди людей возрастной категории 60+ в период пандемии [3; 8; 9; 14 – 16]. Данная возрастная группа должна рассматриваться как мишень профилактической и коррекционной психологической работы, так как именно эта категория лиц наиболее уязвима к самому заболеванию. Пожилые мужчины и женщины в период пандемии COVID-19 демонстрируют сочетание нескольких неблагоприятных факторов риска: высокую вероятность осложненного течения коронавирусной инфекции, социальную изоляцию, повышенную суицидоопасность и низкую осведомленность об использовании предлагаемой через интернет или посредством мобильной связи помощи [7]. В то же время исследований о системном и многофакторном представлении о психологическом здоровье мужчин и женщин старше 75, информации о профилактических и коррекционных психологических мероприятиях для них недостаточно. Это подчеркивает важность теоретических и практических исследований, посвященных поддержанию психоэмоционального состояния людей старческого возраста в периоды пандемии коронавирусной инфекции и постпандемии на территории РФ.

Методология

В рамках исследования психологическое здоровье понимается как психологический аспект психического здоровья, то есть совокупность личностных характеристик, являющихся предпосылками стрессоустойчивости, социальной адаптации и успешной самореализации [2]. В медицине и психологии разработаны разные подходы к проблеме психического здоровья. Психологический подход при анализе данного понятия базируется на здоровом, позитивном функционировании личности. Структура психологического здоровья включает следующие основные компоненты: социальная адаптация, принятие себя, достаточная стрессоустойчивость, рефлексия, умение распознавать свои эмоции, умение находить ресурсы для преодоления сложной ситуации [2; 4; 6].

80

Период старческого возраста характеризуется изменениями в структуре психологического здоровья. Исследователи отмечают общее ослабление всей деятельности организма, снижение скорости функционирования когнитивной сферы. Для эмоциональной сферы многих людей старческого возраста характерны эксцентричность, слезливость, беспричинная грусть, усиление неконтролируемых аффективных реакций, а также усиление интровертированности, снижение способности противостоять дистрессу, уменьшение чуткости по отношению к другим людям [4–6; 13]. Стрессовая нагрузка на человека старше 75 возрастает в условиях социальных катаклизмов, возникает риск подверженности дополнительным стресс-факторам, таким как ограничение мобильности, хроническая боль, потеря близких, утрата независимости.

Организация исследования

Исследование проводилось в групповом очном формате на базе Дома ветеранов. Группы включали по 3–4 респондента с целью соблюдения санитарных требований в период пандемии. Участие в исследовании было добровольным. Выборку составили 100 респондентов в возрасте от 74 до 98 лет, из них 50 человек — подгруппа А (проживающие в Доме ветеранов), 50 человек — подгруппа Б (проживающие самостоятельно или с семьей). Средний возраст всех респондентов — 79,7 лет, респондентов подгруппы А — 81,3 года, подгруппы Б — 78,1 лет.

В исследовании использовались следующие методики: мини-эссе (рассказ) «Как режим самоизоляции повлиял на мое психологическое самочувствие»; шкала самооценки уровня тревожности Ч.Д. Спилбергера, Ю.Л. Ханина; шкала депрессии Бека; шкала психологического стресса PSM-25 Лемура — Тесье — Филлиона; тест «Индекс жизненной удовлетворенности» (автор Н.В. Панина); тест «Оценка психической активации, эмоционального тонуса» (авторы Н.А. Курганский и Т.А. Немчин).

Результаты

Среди респондентов, проживающих в Доме ветеранов отмечается умеренная реактивная тревожность и высокая личностная тревожность (устойчивая индивидуальная характеристика). Среди респондентов,

проживающих самостоятельно или с семьей большинство продемонстрировало умеренный уровень личностной тревожности и низкий уровень актуальной тревожности. Треть респондентов, проживающих в Доме ветеранов, продемонстрировали средний уровень сформированности общего интегрального показателя нервно-психического напряжения, а большинство проживающих в семье и самостоятельно – низкий уровень сформированности данного показателя. Диагностика проводилась в разгар пандемии, и, возможно, не только индивидуальные особенности респондентов, но и знакомая домашняя атмосфера способствовала снятию напряжения и формированию цели – пережить трудный период жизни. Напротив, условия строгого карантина в доме престарелых, приспособление к новым требованиям режима дня для тревожных стариков усилили эмоциональное напряжение, подстегнули беспокойство.

По выраженности депрессивной симптоматики отметим, что как среди подгруппы А (52%), так и среди подгруппы Б (44%) преобладает субдепрессия. Состояние субдепрессии не проявляется особыми нарушениями социального плана и не приводит к смещению жизненных приоритетов, однако данная симптоматика нуждается в наблюдении и психологической коррекции. Следует обратить особое внимание на эмоциональное состояние респондентов с выраженной депрессией, как в подгруппе А, так и в подгруппе Б. Однако отметим, что никто из них не набрал больше 29 баллов, что свидетельствует об отсутствии необходимости на данный момент в обращении за врачебной помощью. Наши респонденты – пенсионеры, утратившие обычную работоспособность, по возрасту находятся в естественном состоянии, близком к завершению своего жизненного пути. Смерть не является предметом открытого обсуждения в культуре современного общества, образ невозмутимого, умудренного жизненным опытом старика, готового с благодарностью принять естественный уход из земной жизни, больше характерен для представителей восточной или христианской традиций, для человека, глубоко верующего в Бога. Подавляющее большинство респондентов не скрывали своего страха смерти от коронавируса и, кроме того, не могли внятно объяснить, как формируется способность мужественно и здраво принять факт ограниченности земной жизни смертью. Отметим, что самыми часто встречаемыми словами в эссе и рассказах респондентов были «бояться», «переживать», «пандемия», «страх», «страх смерти». Диагностическая беседа и рассказы респондентов свидетельствуют, что тема смерти вызывает у испытуемых обиду, неадекватные агрессивные реакции, неконтролируемый страх. Полагаем, что игнорирование процесса осмысливания естественной конечности жизни может способствовать развитию субдепрессивных состояний у стариков.

В большинстве случаев у испытуемых двух групп преобладает низкий уровень удовлетворенности жизнью. Как среди мужчин и женщин, проживающих в Доме ветеранов, так и среди респондентов, проживающих самостоятельно, продемонстрированы низкие результаты по субшкалам «интерес к жизни», «последовательность в достижении целей», «согласованность между поставленными и достигнутыми целями». Преимущественно на среднем уровне находится положительная оценка

себя и своих поступков и общий фон настроения среди респондентов подгрупп А и Б, а также психическая активация (актуальное состояние психического функционирования). Эмоциональный тонус (способность адекватно справляться с нагрузками) среди респондентов подгруппы А выражен на среднем уровне, а среди испытуемых, проживающих самостоятельно, на высоком. Напряжение (актуальное ощущение общего напряжения) у всех респондентов проявлено на среднем уровне. Полученные результаты свидетельствуют о трудностях, возникающих у респондентов в решении жизненных возрастных задач. Естественное старение организма накладывает ряд ограничений на жизнедеятельность старика, что непрерывно требует от ближайшего окружения дополнительных забот. Новые стрессовые реалии пандемии, активно распространяемая информация о смертельной опасности коронавируса для лиц старше 60 требуют от стареющего человека дополнительных сил для переоценки своих психологических возможностей, мужества принять объективную реальность, заставляют формировать стремление обрести новые смыслы и цели в жизни посредством рефлексии, которая у многих респондентов ослабляется.

Анализ результатов исследования позволил разработать программу групповой психологической работы, направленную на профилактику и коррекцию негативных тенденций психологического здоровья среди населения старческого возраста в пандемический и постпандемический период. Программа ориентирована на группу от 3 до 6 человек старческого возраста, но при необходимости может быть проведена и в индивидуальном формате в условиях ограничения пандемии COVID-19. Программа содержит методы арт-терапии: пластилинография, техника «канзаши», приемы музыкальной, танцевальной, телесно-ориентированной терапии. Полностью реализовать разработанную программу не удалось из-за ограничений, связанных с пандемией. Однако в ходе диагностических и поддерживающих бесед с респондентами выяснилось, что старикам присущи противоречивые и фрагментарные представления о глубокой взаимосвязи жизни и смерти, что подтверждает необходимость внедрения психологических программ, содействующих развитию личности с опорой на философско-религиозные представления о смыслах жизни и смерти. Актуальным видится сотрудничество с психологически здоровыми священнослужителями разных конфессий для реализации корректных социально-психологических программ поддержки зрелого и пожилого человека.

Заключение

Таким образом, психологическое здоровье у мужчин и женщин старческого возраста в период пандемии характеризуется негативно: у респондентов старческого возраста выявлены низкий уровень жизненной удовлетворенности, низкая психическая активация и эмоциональный тонус, высокий уровень тревожности и выраженные депрессивные тенденции, а также высокий уровень стресса. Обнаружены значимые различия ($p \leq 0,05$) между респондентами старческого возраста, проживающими в доме престарелых, и респондентами, проживающими са-

мостоятельно или с семьей, в уровне жизненной удовлетворенности, психической активации, тревожности, депрессивных проявлениях, выраженности стресса (более высокие показатели у испытуемых из дома престарелых), при этом эмоциональный тонус выражен у респондентов, проживающих самостоятельно. Не обнаружено статистически значимых различий между респондентами, проживающими в Доме ветеранов, и респондентами, проживающими самостоятельно и в семье, по таким показателям, как «индекс жизненной удовлетворенности», «психическая активность». Полученные данные согласуются с незначительным количеством данных из уже проведенных подобных исследований. Полагаем, пандемия обострила и без того неудовлетворительные показатели психологического здоровья у подавляющего большинства стариков.

Выявленная специфика психологического здоровья стариков обосновывает обязательное внедрение специально разработанных групповых программ психологической работы, направленных на профилактику и коррекцию негативных тенденций в психологическом здоровье мужчин и женщин старше 75 лет в стрессовые периоды жизни. Следует подчеркнуть необходимость обеспечения доступности услуг по охране психологического здоровья и профилактике возникновения негативной симптоматики, психосоциальной поддержке данной возрастной группы населения во время переживания социальных кризисов. В качестве основных методов психологической работы с данной возрастной группой оптимальны методы арт-терапии, методы мышечной релаксации, аутогенные тренировки, беседы.

Перспективной видится разработка междисциплинарных программ, направленных на адекватное распространение разнообразия философско-религиозных знаний и представлений о конечной точке земной жизни, формирование дискурса в научном сообществе о проблеме поддержания здорового образа жизни у пожилых мужчин и женщин без отрыва от обсуждения реалий жизни в старческом периоде.

Список литературы

1. Говоркова А. М., Крюкова Т. Л., Екимчик О. А. Стресс в ситуации новой угрозы здоровью (пандемии COVID-19) и совладание с ним // Личностные и регуляторные ресурсы достижения образовательных и профессиональных целей в эпоху цифровизации : матер. междунар. науч.-практ. онлайн-конференции. М., 2020. С. 843 – 852.
2. Дубровина И. В., Данилова Е. Е., Прихожан А. М. Психология / под ред. И. В. Дубровиной. М., 2003.
3. Емельянова Л. В., Шакиров Ш. Н., Толмачев Д. А. Оценка психического состояния пожилых людей в период пандемии COVID-19 // Modern science. 2020. №12-2. С. 94 – 97.
4. Зозуля Т. В. К проблеме профилактики психических расстройств пожилого возраста // Психология старости и старения : хрестоматия / сост. О. В. Краснова, А. Г. Лидерс. М., 2003. С. 308 – 313.
5. Максимова С. Г. Социально-психологические проблемы личности позднего возраста. Барнаул, 2001.

6. Марцинковская Т.Д. Особенности психического развития в позднем возрасте // Психология старости и старения : хрестоматия / сост. О.В. Краснова, А.Г. Лидерс. М., 2003. С. 127–130.

7. Мосолов С.Н. Проблемы психического здоровья в условиях пандемии COVID-19 // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2020. №120 (5). С. 7–15.

8. Пизова Н.В., Пизов А.В. Депрессия и посттравматическое стрессовое расстройство при новой коронавирусной инфекции // Лечебное дело. 2020. №1. С. 82–88.

9. Закутина Е. Пожилые люди в условиях пандемии: страх не помеха оптимизму. 29.05.2020 // Проект коронаФОМ. URL: <https://covid19.fom.ru/post/rozhylye-lyudi-v-usloviyah-pandemii-strah-ne-pomeha-optimizmu> (дата обращения: 18.01.2022).

10. Скотникова И.Г., Егорова П.И., Огаркова Ю.Л., Жиганов Л.С. Психологические особенности переживания неопределенности при эпидемии COVID-19 // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5, №2 (18). С. 245–268.

11. Сорокин М.Ю., Касьянов Е.Д., Рукавишников Г.В. и др. Психологические реакции населения как фактор адаптации к пандемии COVID-19 // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева. 2020. №2. С. 87–94.

12. Холоднова Ю.Б. Особенности переживания тревоги в период пандемии COVID-19 представителями разных возрастных групп // Международный журнал медицины и психологии. 2020. Т. 3, №2. С. 114–119.

13. Ястребов В.С., Михайлова Н.М., Сейку Ю.В. Старость и психическое здоровье: пособие для пациентов и членов их семей. М., 2008.

14. Rossi R., Soggi V., Talevi D. et al. COVID-19 pandemic and lockdown measures impact on mental health among the general population in Italy. An N=18147 web-based survey. 2020. MedRxiv preprint. doi: <https://doi.org/10.1101/2020.04.09.20057802>.

15. Schwartz B.J. New Poll: COVID-19 Impacting Mental Well-Being: Americans Feeling Anxious, Especially for Loved Ones // APA News releases. 2020. March 25. P. 76–79.

16. Wang C., Pan R., Wan X. et al. Immediate Psychological Responses and Associated Factors during the Initial Stage of the 2019 Coronavirus Disease (COVID-19) Epidemic among the General Population in China // Int. J. Env. Res. Public. Health. 2020. №17 (5), Art. №1729. doi: <https://doi.org/10.3390/ijerph17051729>.

Об авторах

Инна Сергеевна Карась — канд. психол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: innakarass@mail.ru

Анна Андреевна Лукина — канд. психол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: annikey@mail.ru

Анна Сергеевна Волкова — психолог, войсковая часть 41603, Россия.

E-mail: anna.sergeevna_00@mail.ru

The authors

Dr Inna S. Karas, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: innakaras@mail.ru

Dr Anna A. Lukina, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: annikey@mail.ru

Anna S. Volkova, Psychologist, Military Unit 41603, Russia.

E-mail: anna.sergeevna_00@mail.ru

М. В. Кожемякин, А. В. Мерц

ПРОБЛЕМА КОГНИТИВНОГО ДЕФИЦИТА БОЛЬНЫХ РАКОМ МОЛОЧНОЙ ЖЕЛЕЗЫ

Поступила в редакцию 22.04.2022 г.

Рецензия от 28.04.2022 г.

86

Представлен обзор работ, фокус внимания которых сосредоточен на психологическом сопровождении людей с онкологическим диагнозом, а именно с раком молочной железы. Спектр психологических исследований и терапевтических практик сужен до исследования особенностей когнитивных функций, характеризующихся дефицитом. Также в работе на основе имеющихся на сегодняшний день результатов исследований выдвигается и теоретически обосновывается гипотеза о наличии когнитивного дефицита еще до постановки онкологического диагноза.

The article discusses the works on the psychological support for people with an oncological diagnosis, namely, with breast cancer. The range of psychological research and therapeutic practices is narrowed to the study of the features of cognitive functions characterized by deficiency. Also in the work, based on the research results available to date, the hypothesis of the presence of cognitive deficits is put forward and theoretically substantiated even before the oncological diagnosis.

Ключевые слова: когнитивные функции, рак молочной железы, онкология, психологическое сопровождение, дефицит когнитивных функций, когнитивные нарушения

Keywords: cognitive functions, breast cancer, oncology, psychological support, cognitive deficits, cognitive impairment

Введение

По официальным данным, уровень одногодичной летальности людей с онкологическим диагнозом в России в настоящее время составляет (на оба пола) не менее 30–40 %, как и во многих других странах. Эти цифры необходимо рассматривать не только в качестве статистических данных, но с точки зрения жизни каждого человека. Поэтому основной задачей в данной проблематике остается повышение уровня выживаемости людей с онкологическими диагнозами [7].

Глобальная статистика свидетельствует о том, что наиболее распространенным является рак молочной железы (далее – РМЖ), который, кроме того, занимает первое место в списке причин смертности в связи с онкологическим заболеванием среди женщин [27].

Безусловно, в последние годы накопился опыт по ранней диагностике и лечению рака молочной железы. Можно сказать, что у онкологов и

специалистов смежных профессий в России [2; 13; 14] и за рубежом [16; 17; 22; 30] уже не осталось сомнений в необходимости психологического сопровождения таких больных. Однако проблема выживаемости пациентов стоит по-прежнему достаточно остро [8]. Вышесказанное определило необходимость аналитического обзора отечественных и зарубежных научных публикаций, освещающих проблематику исследований психологических аспектов рака молочной железы.

Материалы и методы

Был проведен аналитический обзор 546 публикаций в научной электронной библиотеке eLibrary.Ru, посвященных различным аспектам психологии больных раком молочной железы в той или иной степени выраженности. Категориями для анализа были избраны следующие ключевые слова поиска: «психология», «социальная психология», «практическая психология», «возрастная психология», «общие вопросы психологии», «другие виды прикладной психологии», «медицинская психология». Среди этого объема выявлено 214 научных статей, посвященных изучению конкретных психологических или психических явлений. В остальных имеются незначительные упоминания различных психических явлений, характерных для женщин с раком молочной железы.

87

Результаты

Полученные данные позволяют выделить несколько тенденций, связанных с содержанием и объектами исследования, в тематике российских научных публикаций в сфере онкопсихологии.

Распределение статей по теме РМЖ в российских научных журналах

Ранг	Тематика	Доля статей, %
1	Индивидуальные психологические особенности женщин с диагнозом РМЖ	13
2	Вопросы психологической реабилитации и психотерапевтической работы с онкопациентами	6,04
3	Качество жизни	5,5
4	Психические расстройства у больных РМЖ	4,95
5	Эмоционально-аффективная сфера личности женщин с РМЖ	4,6
6	Копинг-стратегии, виктимное поведение, психологическая адаптация	2,56
7	Нейропсихологические особенности после определенного вида медицинского лечения онкозаболевания	1,65
8	Мотивационно-потребностная сфера личности, экзистенциальный подход	0,92
9	Когнитивный дефицит до любого вида медицинского лечения онкозаболевания	0
10	Другие темы исследований особенностей людей с раком молочной железы с упоминанием неких психологических характеристик	60,8

Из таблицы видно, что в тематике исследований психологических аспектов РМЖ преобладает изучение индивидуальных психологических особенностей женщин с поставленным диагнозом. Следующие позиции занимают вопросы психологической реабилитации и психотерапевтической работы с онкопациентами, изучение качества жизни, психических расстройств женщин с РМЖ, исследование эмоционально-аффективной сферы личности. Самый низкий ранг имеют темы coping-стратегий, виктимного поведения, психологической адаптации, нейропсихологических особенностей пациенток после определенного вида медицинского лечения заболевания, а также использование экзистенциального подхода к качеству жизни онкобольного.

Таким образом, аналитический обзор указывает на две ведущие тенденции в исследованиях проблематики РМЖ. С одной стороны, большинство научных работ отечественных психологов направлено на изучение роли психологического консультирования для оказания поддержки в принятии заболевшим онкологического диагноза [2; 3; 10–15]. Актуальность данного вектора исследований объясняется тем, что в данной ситуации у женщин с таким видом рака могут наблюдаться, наряду с очевидными признаками депрессии, деперсонализации и т.д., симптомы посттравматического стрессового расстройства. В России и за рубежом имеются данные о наличии рисков депрессивных расстройств, тревоги и стресса в связи с раком молочной железы [11; 16; 23]. В других научных источниках говорится о том, что женщин с раком молочной железы сопровождает стресс в течение всего лечения [11; 19].

В то же время зарубежные ученые, к примеру А. Форзен [22], полагают, что психосоциальный, психологический стресс сам по себе может являться риском возникновения рака молочной железы, хотя ряд других исследователей [28] считает данный тезис спорным.

Иными словами, проблематика исследований, которая отражена в научных публикациях, в значительной степени направлена на разработку подходов к психологической реабилитации женщин с раком молочной железы в контексте индивидуальных психологических особенностей [10; 15], устранение депрессии и тревоги как распространенных сопутствующих изменений их психологического состояния [14], а также на определение связи депрессивных состояний с рецидивами рака и, возможно, с меньшей выживаемостью таких онкобольных [31].

Ответ на вопрос о том, являются ли стресс, тревога, депрессия, агрессивность следствием или же одной из психологических первопричин возникновения онкологического заболевания, на сегодня продолжает активно обсуждаться [12].

Сопоставительный анализ тематики российских и зарубежных статей показал, что в отечественных научных работах чаще изучаются психологические и психоэмоциональные особенности онкобольных. В зарубежной литературе, помимо этого, описано значительное количество исследований когнитивной сферы людей с онкологическим диагнозом [21], и это объясняется не только тем, что когнитивные нарушения выступают сопутствующими симптомами депрессии [20; 26]. Причиной, по которой зарубежные авторы обратили внимание на когнитивные нарушения людей с онкодиагнозом, стал стремительный рост субъективных

жалоб таких пациентов на нарушения памяти, внимания и др. Медицинское лечение рака включает в себя такие методы, как хирургия, лучевая терапия, адъювантная химиотерапия, гормональная терапия, таргетная терапия и иммунотерапия, которые влекут за собой как острые, так и долгосрочные последствия для когнитивного функционирования субъекта. А это, в свою очередь, негативно влияет на качество жизни и способность функционировать в различных аспектах жизни [25].

Так, результаты зарубежных нейропсихологических исследований сообщают о когнитивных нарушениях после применения адъювантной химиотерапии для эффективного лечения рака молочной железы, которые остаются на протяжении нескольких лет и оказывают неблагоприятное влияние на качество жизни и психоэмоциональное состояние выживших женщин. При этом нарушение когнитивных функций наблюдается вне зависимости от жалоб этих женщин [24; 29; 32].

Немногочисленные зарубежные исследования когнитивного дефицита до начала проведения каких-либо видов медицинских манипуляций показали, что некоторые женщины с раком молочной железы уже имели когнитивный дефицит до лечения [18; 21].

Отечественные научные труды, которые освещают изучение когнитивных нарушений, появляющихся вследствие лечения разных видов рака, в том числе рака молочной железы [4; 5; 9], также немногочисленны. А работ по изучению когнитивного дефицита до начала лечения онкозаболевания в России мы вовсе не обнаружили.

Обсуждение

По всей видимости, подобные тенденции объясняются тем, что на сегодняшний день получено достаточно эмпирических данных, а собрать воедино их невозможно, так как каждый исследователь использует те психометрические методы и методики диагностики, которые считает нужными. Представляется, что для расширения проблематики исследований когнитивных нарушений, связанных с РМЖ, необходимо прийти к единой системе методов исследования, чтобы можно было сравнивать полученные результаты и выявлять более достоверные закономерности. Точнее говоря, актуален вопрос о разработке единого протокола исследований, который бы позволил сводить полученные данные в единый реестр с целью выявления общих закономерностей функционирования когнитивных процессов у онкобольных.

Идея подобного протокола может соотноситься с Рекомендациями Интернациональной группы по когнитивным функциям и раку, куда входят следующие методики нейропсихологического оценивания онкобольного: тест заучивания списка слов Хопкинса (Hopkins Verbal Learning Test-Revised, HVLТ-R), тест последовательных соединений (Trial Making Test) [31] в переводе и адаптации М. В. Зотова и др.

Мы предполагаем, что если существует факт наличия нарушения когнитивных функций до лечения онкологии, то необходимо провести детальное научное исследование на репрезентативной выборке, чтобы изучить дефицит познавательной сферы и его степень у онкобольных до лечения и динамику на всех последующих этапах медицинского ле-

чения. К примеру, в отделение хирургии Калининградской областной клинической больницы для проведения операции поступают в стационар в среднем в день (рабочую смену онкологов) 3–4 пациентки с раком молочной железы. Данная ситуация свидетельствует об актуальности проблемы и одновременно дает нам возможность для поиска путей повышения выживаемости онкопациентов на большой выборке, являющегося приоритетной задачей в ближайшие годы для ведущих специалистов [7].

Учитывая вышесказанное, при постановке диагноза РМЖ, еще до начала химиотерапии и любого медицинского вмешательства, крайне важно изучить не только индивидуально-психологические особенности онкопациента, его психоэмоциональное состояние и расстройства, но и дефицит когнитивных функций.

Подобные исследования помогут найти ответ на ряд ключевых вопросов:

– является ли когнитивный дефицит нарушением психической деятельности, приобретенным в результате воздействий различных видов лечения рака, или же он присутствовал еще до постановки онкодиагноза и, следовательно, может выступать одним из факторов риска возникновения данного заболевания;

– в случае выявления когнитивного дефицита до начала лечения РМЖ может ли он усугубиться с течением различных видов системного лечения, а значит, негативно влиять на психологическое состояние таких пациентов ввиду снижения познавательной способности;

– не является ли когнитивный дефицит одним из факторов риска смертности онкопациентов в первый год системного лечения онкопатологии.

Ответ на вопрос о наличии дефицита когнитивных функций на этапе диагностики РМЖ может служить веским основанием для направления пациента на психотерапевтическую программу в течение всего периода лечения с целью улучшить когнитивное функционирование или, как минимум, поддержать максимально возможную его сохранность для повышения выживаемости онкопациента. Выявление связи между состоянием когнитивных функций онкобольных и их выживаемостью также могло бы научно обосновать необходимость когнитивной психотерапии с возможным присоединением фармакологической поддержки когнитивных функций [1].

Выводы

Таким образом, исследование проблемы когнитивного дефицита больных РМЖ указывает на необходимость изучения и восстановления высших психических функций наряду с медицинским лечением самого рака. Опыт положительного влияния психотерапии на выживаемость онкопациентов [17] и медикаментозной психокоррекции при прохождении лечения онкозаболевания [1; 6] свидетельствует в пользу целесообразности терапии когнитивных функций у пациентов в период лечения РМЖ. Однако классическая психотерапия далеко не всегда прием-

лема, поскольку, во-первых, является длительной, а во-вторых, эффективное прохождение через процесс психотерапии само по себе требует личностных ресурсов, весьма ограниченных у онкобольных.

Мы предполагаем, что восполнение когнитивного дефицита улучшит осознанность онкопациентов и в дальнейшем повысит готовность к глубокой психотерапии, что даст огромный шанс снизить риски рецидивов. Также станут возможными обретение смысла жизни и дальнейшая реализация потребностей пациента.

Расширение проблемного поля и более детальное исследование когнитивного дефицита как одного из определяющих факторов, влияющих на выживаемость онкопациентов, может стать новым витком для нейропсихологических исследований других видов рака.

Список литературы

1. Бухтояров О. В. Иммунологические и психологические характеристики больных злокачественными опухолями, их взаимосвязи и динамика в процессе психокоррекции : дис. ... д-ра мед. наук. СПб., 2012.
2. Васильева А. В., Караваева А. А., Мизинова Е. Б., Лукошкина Е. П. Мишени психотерапии при коморбидном посттравматическом стрессовом расстройстве у онкологических больных // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2020. Т. 10, №4. С. 402–416.
3. Васильева А. В., Караваева Т. А., Мизинова Е. Б., Лукошкина Е. П. Психологические особенности у больных раком молочной железы в зависимости от наличия коморбидного посттравматического стрессового расстройства // Консультативная психология и психотерапия. 2021. Т. 29, №2. С. 145–163. doi: 10.17759/cpr.2021290207.
4. Думачев Д. В., Процаев К. И., Щербань Э. А. и др. Гериатрический статус пациентов с раком молочной железы в условиях коморбидности // Успехи геронтологии. 2017. Т. 30, №5. С. 685–691.
5. Зотов П. Б., Солнцева Ю. В. Когнитивные нарушения при раке молочной железы у женщин, получающих полихимиотерапию // Медицинская наука и образование Урала. 2016. Т. 17, №1 (85). С. 87–89.
6. Комкова Е. П., Магарилл Ю. А. Психофармакотерапия – неотъемлемый блок в лечении онкологических заболеваний // Тюменский медицинский журнал. 2008. №3-4. С. 75–76.
7. Мерабишвили В. М. Состояние онкологической помощи в России. Аналитические показатели: одногодичная летальность (популяционное исследование на уровне федерального округа) // Вопросы онкологии. 2022. Т. 68, №1. С. 38–47. doi: 10.37469/0507-3758-2022-68-1-38-47.
8. Егорова Е. А. Отчет о проведении научно-практической конференции «Современные возможности диагностики и лечения рака молочной железы» // Радиология – практика. 2022. №1 (91). С. 115–116.
9. Попова Т. Н., Кузванова Е. А. Когнитивные функции у больных местно-распространенным раком молочной железы в процессе лечения и в отдаленном периоде // Опухоли женской репродуктивной системы. 2013. №1-2. С. 13–16.
10. Симеева И. Н., Ецина И. Г. Свойства темперамента женщин, страдающих онкологическими заболеваниями // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2008. Вып. 11: Сер. Педагогические и психологические науки. С. 47–50.

11. Судаков Д. В., Назлиев Д. К., Белов Е. В. и др. Оценка некоторых аспектов психоэмоционального статуса у женщин, больных раком молочной железы, в период неблагоприятной эпидемиологической обстановки // Вопросы образования и психологии : монография. Чебоксары, 2020. С. 162–171. doi: 10.31483/r-97288.
12. Ткаченко Г. А. Психологическая коррекция психоэмоциональных нарушений у онкологических больных // Академический журнал Западной Сибири. 2013. Т. 9, №1 (44). С. 43.
13. Ткаченко Г. А., Воротников И. К., Буйденко Ю. В. Роль психотерапии в лечении больных раком молочной железы // Вестник РОНЦ им. Н. Н. Блохина РАМН. 2010. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-psihoterapii-v-lechenii-bolnyh-rakom-molochnoy-zhelezy> (дата обращения: 18.01.2022).
14. Чубар А. В., Стоянова Е. И. Возможности коррекции состояния тревожности у пациенток с диагнозом рак молочной железы в послеоперационный период // Психологическое здоровье человека: жизненный ресурс и жизненный потенциал : матер. V междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. И. О. Логиновой. Красноярск, 2018. С. 603–607.
15. Шаназаров Н. А., Коккошко А. И., Жусупова Б. Т. Психологический статус онкологических больных // Академический журнал Западной Сибири. 2011. №2. С. 52.
16. Alagizy H. A., Soltan M. R., Soliman S. S. et al. Anxiety, depression and perceived stress among breast cancer patients: single institute experience // Middle East Curr Psychiatry. 2020. №27. P. 29. <https://doi.org/10.1186/s43045-020-00036-x>.
17. Andersen B. L., Yang H. C., Farrar W. B. et al. Psychologic intervention improves survival for breast cancer patients: a randomized clinical trial // Cancer. 2008. №113 (12). P. 3450–3458. doi: 10.1002/cncr.23969.
18. Cimprich B., Reuter-Lorenz P., Nelson J. et al. Prechemotherapy alterations in brain function in women with breast cancer // J. of Clinical and Experimental Neuropsychology. 2010. №32 (3). P. 324–331. doi: 10.1080/13803390903032537.
19. Chiriac V. F., Baban A., Dumitrascu D. L. Psychological stress and breast cancer incidence: a systematic review // Clujul Med. 2018. №91 (1). P. 18–26. doi: 10.15386/cjmed-924.
20. Culpepper L., Lam R. W., McIntyre R. S. Cognitive Impairment in Patients With Depression: Awareness, Assessment, and Management // J. Clin. Psychiatry. 2017. №78 (9). P. 1383–1394. doi: 10.4088/JCP.tk16043ah5c.
21. Dijkshoorn A. B. C., van Stralen H. E., Sloots M. et al. Prevalence of cognitive impairment and change in patients with breast cancer: A systematic review of longitudinal studies // Psychooncology. 2021. №30 (5). P. 635–648. doi: 10.1002/pon.5623.
22. Forsén A. Psychosocial stress as a risk for breast cancer // Psychother. Psychosom. 1991. №55 (2-4). P. 176–185. doi: 10.1159/000288427.
23. Jafari A., Goudarzi A. H., Bagheri Nesami M. Depression in Women with Breast Cancer: A Systematic Review of Cross-Sectional Studies in Iran // Asian Pac. J. Cancer Prev. 2018. №19 (1). P. 1–7. doi: 10.22034/APJCP.2018.19.1.1.
24. Menning S., de Ruiter M. B., Veltman D. J. et al. Changes in brain activation in breast cancer patients depend on cognitive domain and treatment type // PloS one. 2017. №12 (3). Art. №e0171724. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0171724>.
25. Országhová Z., Mego M., Chovanec M. Long-Term Cognitive Dysfunction in Cancer Survivors // Front. Mol. Biosci. 2021. №8. P. 770413. doi: 10.3389/fmolb.2021.770413.

26. Price R.B., Duman R. Neuroplasticity in cognitive and psychological mechanisms of depression: an integrative model // *Mol. Psychiatry*. 2020. №25 (3). P. 530–543. doi: 10.1038/s41380-019-0615-x.

27. Sung H., Ferlay J., Siegel R.L. et al. Global cancer statistics 2020: GLOBOCAN estimates of incidence and mortality worldwide for 36 cancers in 185 countries // *CA Cancer J. Clin.* 2021. №71 (3). P. 209–249.

28. Surtees P.G., Wainwright N.W., Luben R.N. et al. No evidence that social stress is associated with breast cancer incidence // *Breast Cancer Res. Treat.* 2010. №120 (1). P. 169–174. doi: 10.1007/s10549-009-0454-6.

29. Schagen S.B., van Dam F.S., Muller M.J. et al. Cognitive deficits after postoperative adjuvant chemotherapy for breast carcinoma // *Cancer*. 1999. №85 (3). P. 640–650. doi: 10.1002/(sici)1097-0142(19990201)85:3<640::aid-cnrcr14>3.0.co;2-g.

30. Wang X., Wang N., Zhong L. et al. Prognostic value of depression and anxiety on breast cancer recurrence and mortality: a systematic review and meta-analysis of 282,203 patients // *Mol. Psychiatry*. 2020. №25. P. 3186–3197. <https://doi.org/10.1038/s41380-020-00865-6>.

31. Wefel J.S., Vardy J., Ahles T., Schagen S.B. International Cognition and Cancer Task Force recommendations to harmonise studies of cognitive function in patients with cancer // *Lancet Oncol.* 2011. №12 (7). P. 703–708. doi: 10.1016/S1470-2045(10)70294-1.

32. Whittaker A.L., George R.P., O'Malley L. Prevalence of cognitive impairment following chemotherapy treatment for breast cancer: a systematic review and meta-analysis // *SciRep*. 2022. №12 (1). P. 2135. doi: 10.1038/s41598-022-05682-1.

Об авторах

Максим Валерьевич Кожемякин, канд. психол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: MKozhemyakin@kantiana.ru

Антонина Владимировна Мерц, магистрант, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: antoninamerts.psychologist@mail.ru

The authors

Dr Maxim V. Kozhemyakin, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: MKozhemyakin@kantiana.ru

Antonina V. Merts, Master's Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: antoninamerts.psychologist@mail.ru

С. А. Перепелица

**ДИСТАНЦИОННОЕ ОБУЧЕНИЕ
В МЕДИЦИНСКОМ ИНСТИТУТЕ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ,
ВЫЗВАННОЙ ВИРУСОМ COVID-19**

Поступила в редакцию 11.04.2022 г.

Рецензия от 11.05.2022 г.

94

Исследована эффективность дистанционного обучения в медицинском институте БФУ им. И. Канта в период пандемии новой коронавирусной инфекции, вызванной вирусом COVID-19. Проведено дистанционное обучение 73 студентов 6 курса специалитета по специальности «Лечебное дело». Вместо трех ступеней обучения, которые традиционно используются в преподавании дисциплины «Лечение боли», оставлены две: «Теоретические знания» и симуляционный онлайн-тренинг «Интервью». С целью оценки удовлетворенности студентов предложенной моделью обучения в конце цикла проведено анонимное анкетирование. Исследование показало, что дистанционный формат является альтернативным многофункциональным педагогическим инструментом, который можно успешно использовать для обучения студентов медицинского института. Эффективно адаптированы под новые условия обучения и использованы во время учебных занятий такие методики, как интеллект-карта, «реферат-интервью». Результаты анкетирования показали, что большинство студентов удовлетворены альтернативным форматом обучения. Но нужно учитывать, что для успешного проведения занятий необходимо наличие технических возможностей как у преподавателя, так и у студента, то есть все участники процесса должны иметь персональный компьютер с инновационным программным обеспечением и доступ к устойчивому высокоскоростному интернету.

The article examines the problematic issues of teaching medical students during the COVID 19 pandemic. In total, 73 students of the 6th year of the medical institute took part in an online training. Instead of three levels of teaching, typical for the "Pain management" course, two were left, i.e., "Theoretical knowledge" and simulation online training "The Interview". In the end of the course the students were to take an anonymous questionnaire to meet their achievement needs. The research has proved that the online teaching can be viewed as an alternative multifunctional pedagogical instrument to educate students of the Institute of Medicine. Mind maps and "Annotation-interview" were effectively designed for new educational demands and were approved of by the students. But it should be taken into consideration that the effectiveness of the training is technically dependent and implies that all the lecturers and the students have to be supplied with personal computers with the latest software and the stable high-speed Internet.

Ключевые слова: медицинское образование, пандемия, дистанционное обучение, интеллект-карта, реферат, симуляционный тренинг

Keywords: medical education, pandemic, distance learning, mind map, abstract, simulation training

Введение

Прямые последствия пандемии COVID-19 вызвали беспрецедентные проблемы для систем образования и здравоохранения во всем мире [5; 6; 10; 19; 23; 25]. Аудиторные лекции и практические занятия стали небезопасными как для студентов, так и для преподавателей. Во многих странах мира полностью были прекращены занятия в клиниках, что исключило возможность преподавания и изучения таких основополагающих дисциплин, как внутренние и хирургические болезни [10]. У преподавателей и студентов нет возможности посещать клиники, проводить осмотры пациентов, обсуждать клинические случаи, развивать клиническое мышление, то есть практическая подготовка студентов в традиционной форме полностью прекратилась. Студенты обеспокоены качеством своей профессиональной подготовки, перспективами дальнейшего обучения [10; 28]. Возникла необходимость перестройки образовательного процесса с учетом имеющихся технических возможностей, что привело к серьезным изменениям в медицинском образовании и обучении.

Начался активный поиск альтернативных методов обучения, в связи с чем традиционные методы обучения стали заменяться компьютерным, дистанционным или онлайн-обучением. Проведение занятий и консультаций в режиме видеоконференции стало основным средством обучения студентов-медиков [14; 22; 28]. Среди наиболее востребованных следует назвать такие ресурсы, как Zoom [14; 15] и Webex [8], на которых чаще сего проводились лекции и учебные занятия для студентов-медиков или ординаторов [11; 18; 28].

Согласно Федеральному государственному образовательному стандарту высшего образования по специальности «Лечебное дело», при реализации программы специалитета организация вправе применять электронное обучение и дистанционные образовательные технологии с использованием сетевой формы. Но для успешной реализации этих видов обучения необходима тщательная подготовка как преподавателей, так и студентов [2; 3], а также оснащение их рабочих мест современной компьютерной техникой, инновационным программным обеспечением, высокоскоростным и устойчивым интернетом. Образовательное учреждение в учебных аудиториях имеет все необходимое, чего нельзя сказать о преподавателях и студентах в домашних условиях. Рассмотрим, как изменился процесс обучения при незапланированном переходе на дистанционное обучение.

Материалы и методы

В медицинском институте БФУ им. И. Канта дисциплина «Лечение боли» преподается на 6 курсе специалитета (11 семестр). В обучении на протяжении осеннего семестра 2021 г. приняли участие 73 студента. Весь

цикл был проведен в режиме видеоконференции на платформе Webex. Для каждого преподавателя был открыт кабинет, студентам выслана ссылка на доступ к занятиям. Классический формат обучения дисциплине представлен тремя ступенями: 1) изучение и обсуждение теоретических аспектов развития болевых синдромов, 2) самостоятельная работа с клинической задачей и над рефератом и 3) симуляционный тренинг. Первая ступень «Теоретические знания» является основной, поскольку на ней рассматриваются ключевые вопросы ноцицепции, особенности обследования пациентов, методы диагностики и назначения лечения. На следующей ступени обучения студенты учатся решать клиническую задачу, применяя полученные теоретические знания, выделяют необходимые симптомы, синдромы, суммируют их в клинической картине заболевания и назначают правильное лечение. Реферативные сообщения, как правило, представляются в виде устных докладов. После каждого сообщения происходит дискуссия, обмен мнениями по освещенной теме. На завершающем этапе проводится симуляционный тренинг, на котором используются различные варианты симуляции: методика обследования пациента на роботе-симуляторе, «симулированный пациент» и др. Итоговый контроль предполагает подготовку интеллект-карт по пройденным темам, оформление клинической задачи и реферата. Конечная цель обучения — формирование определенных компетенций, указанных в рабочей программе дисциплины.

Внезапный переход на дистанционное обучение внес кардинальные изменения в методику ведения практических занятий по дисциплине «Лечение боли». Была произведена замена классического формата обучения на дистанционный. Вместо трех ступеней обучения оставлены две в связи с невозможностью проводить симуляционный тренинг в симуляционном центре. Ставшие основными две ступени были переформатированы и дополнены. Первая ступень «Теоретические знания» включила расширенный перечень интеллект-карт, устный опрос проводился в режиме видеосвязи, использовался письменный опрос, решение коротких клинических задач осуществлялось с использованием чата платформы Webex, сохранена дискуссия в группе. При создании интеллект-карт применялась методика «перевернутого обучения»: студенты самостоятельно изучали необходимый материал, создавали карты с помощью компьютерных программ MS Word, Adobe Acrobat Reader, MS PowerPoint, XMind, MS Visio и др. Представление клинической задачи осуществлялось в дистанционном режиме: докладчику выделялось 5–7 минут на сообщение, затем проходили обсуждение и дискуссия в группе.

Предложен новый формат работы над рефератом в два этапа: погружения и результирующей. На этапе погружения каждый студент изучает литературу по заданной тематике, пишет реферат, затем готовит презентацию доклада, выделяя наиболее значимые результаты, и далее аудиолекцию продолжительностью не более 5–7 минут, которая размещается в общем чате группы. Каждый из участников группы прослушивает все рефераты и задает по одному вопросу каждому из докладчиков, затем каждый докладчик собирает все вопросы по своему докладу и готовится к результирующему этапу, который проходит в виде симуляци-

онного тренинга «Интервью» в онлайн-режиме. На занятии каждый из студентов выкладывает перечень вопросов по своему реферату в чате платформы Webex, зачитывает их и отвечает на каждый. Ответ должен быть коротким и исчерпывающим. В заключение автор оформляет ответы на вопросы в письменном виде и сдает работу преподавателю, который ее оценивает. Критериями эффективного обучения считаются обоснованная актуальность темы, научный подход, наглядность и информативность представленного материала, исчерпывающие ответы на вопросы.

Итоговый контроль предполагал представление интеллект-карт по пройденным темам, клинической задачи и реферата с ответами на вопросы. Тестирование впервые проводилось на основе приложения Kahoot. Были предложены тесты по следующим темам: анатомия, физиология боли; опиоидные рецепторы; трансдермальные терапевтические системы; циклооксигеназы; адъювантная терапия боли. В каждом тесте было по 20 вопросов. На ответ отводилось 20 секунд, рейтинг выстраивался не только по наличию правильного ответа, но и по времени, потраченному на него.

В конце цикла проведено анонимное анкетирование для оценки удовлетворенности студентов предложенной моделью обучения. Анкета состояла из 5 вопросов, имевших 3–4 варианта ответов.

Результаты

Проверка интеллект-карт по теме «Лекарственные препараты» показала, что практически все студенты допустили ошибки, в связи с чем карты приходилось переделывать. Аналогичной была ситуация с презентацией клинических случаев. На занятиях проходило активное обсуждение представленных работ, что позволило вносить в них необходимые изменения и дополнения. Обучающиеся отмечали, насколько полон представленный материал, дополняли отсутствующие разделы, задавали друг другу вопросы, отстаивали свою научную точку зрения при назначении обследования и лечения. Это способствовало не только более глубокому изучению материала, но и коммуникации в группе. Обязательным условием являлось проведение консультаций преподавателем.

Наиболее эффективной оказалась реферативная работа. Каждый студент получил индивидуальную тему реферата, изучил литературу, сделал презентацию. На занятии каждый представил свой доклад и исчерпывающе ответил на все поступившие вопросы.

Электронное приложение для тестирования Kahoot было не только методом контроля проверки знаний, но и площадкой для выявления лидеров по каждому из тестов. Все обучающиеся успешно прошли тестовый контроль с высокими баллами: 89 % студентов получили оценку «отлично», 11 % – «хорошо».

Результатом обучения стало умение использовать современные лабораторные, инструментальные исследования для диагностики заболеваний, сопровождающихся болевым синдромом; формирование навыка ведения записей, назначения квалифицированного лечения, основанного на догматах доказательной медицины; формирование навыков

оценки собственных результатов, то есть выработка критического отношения к своей работе, поиск причин неудач и путей их устранения, постоянная работа над собой с целью повышения уровня знаний и умений. Таблица показывает высокую результативность обучения. У большинства студентов необходимые навыки сформированы или находятся в стадии формирования.

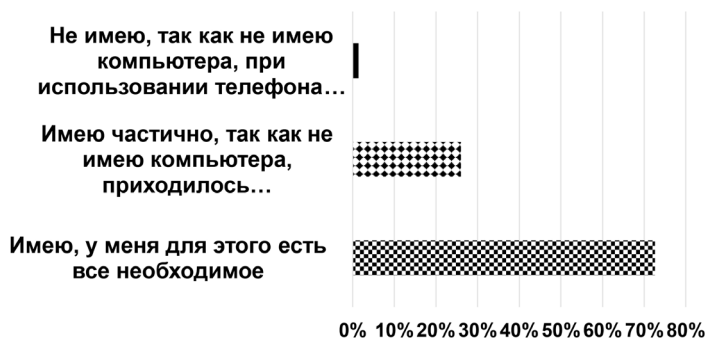
Оценка формирования навыков по дисциплине «Лечение боли»

Навык	Сформирован Число / % от общего числа обучающихся	Сформирован не полностью, число / % от общего числа обучающихся
<i>Навыки планирования самостоятельной учебной деятельности</i>		
Самостоятельная подготовка к занятиям	60 / 82,2	13 / 17,8
Использование дополнительной литературы	60 / 82,2	13 / 17,8
Использование интернет-ресурсов	68 / 93,2	5 / 6,8
Использование сайтов профильных специальностей	68 / 93,2	5 / 6,8
<i>Навыки ведения записей</i>		
Назначение общего плана лечения при болевом синдроме	68 / 93,2	5 / 6,8
Умение выписать необходимый препарат	60 / 82,2	13 / 17,8
Знание правил введения и дозы препаратов	60 / 82,2	13 / 17,8
<i>Технические навыки</i>		
Использование визуальной аналоговой шкалы	73 / 100	—
Использование шкал для оценки нейропатической боли	73 / 100	—
Знание схемы болевого синдрома	73 / 100	—
<i>Навык оценки собственных результатов</i>		
Умение находить свои ошибки	60 / 82,2	13 / 17,8
Понимание, что сделано неправильное назначение препаратов	60 / 82,2	13 / 17,8
Понимание степени своей вины при неправильных действиях	73 / 100	—
Поиск способов устранения	60 / 82,2	13 / 17,8
Повышение уровня знаний	60 / 82,2	13 / 17,8
Формирование клинического мышления	60 / 82,2	13 / 17,8

Проведение анонимного опроса показало (рис. 1), что полноценно обучаться в дистанционном режиме могли 72,6% студентов. Они имели все необходимое: персональный компьютер, интернет хорошего качества. Частичные условия для занятий были у 26% студентов: отсутствовал компьютер, на занятиях приходилось использовать телефон, при

этом интернет был хорошего качества. Не имели возможности для занятий 1,4 % обучающихся (нет компьютера, при использовании телефона отсутствовал устойчивый сигнал связи).

99

Рис. 1. Технические условия студентов для дистанционного обучения

В анкете большинство студентов указали, что у них есть интернет хорошего качества. Но на занятии возникали проблемы со связью. Отвечающий на вопросы или представляющий презентацию студент должен был отключить видеосвязь и отвечать в аудиорежиме, так как совмещение двух функций приводило к задержке сигнала и полному прерыванию связи. В режиме видеоконференции полноценно дать ответы на вопросы или прочитать доклад смогли только 30 % студентов.

В целом предложенное альтернативное дистанционное обучение было эффективно по мнению 82,2 % студентов, из них 42,5 % дали конкретный положительный ответ и 39,7 % решили, что для них обучение было скорее эффективным. Но для 17,8 % обучающихся данное обучение в таком формате оказалось проблематичным и неэффективным (рис. 2).

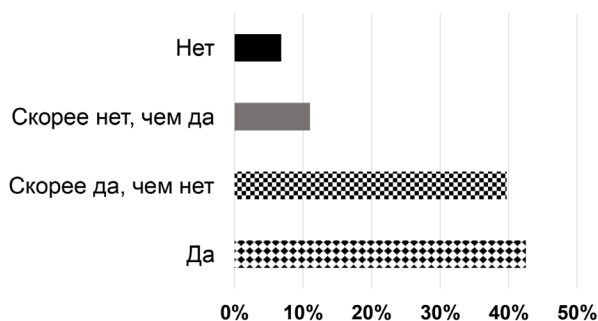

Рис. 2. Ответы студентов об эффективности дистанционного обучения

Несмотря на то что большинство студентов считали предложенный вариант обучения результативным, 53,5 % респондентов хотели бы дополнить прошедший цикл традиционными практическими занятиями. Остальные обучающиеся считали, что им не нужны дополнительные занятия, так как они полностью усвоили программу дисциплины (рис. 3).

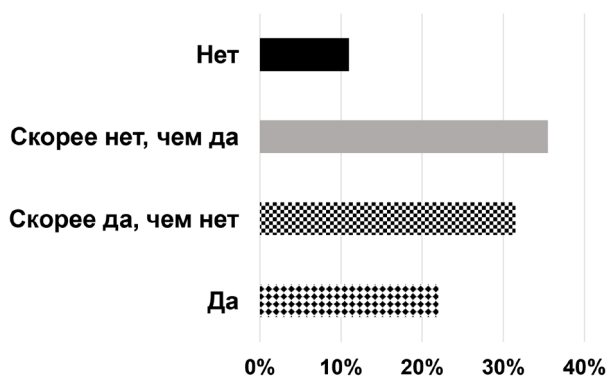

Рис. 3. Ответы студентов о необходимости дополнения дистанционных практических занятий традиционными

Для эффективного обучения в совершенно новых условиях важно создание на занятии благоприятной психологической атмосферы, которая должна способствовать лучшему усвоению материала (рис. 4).

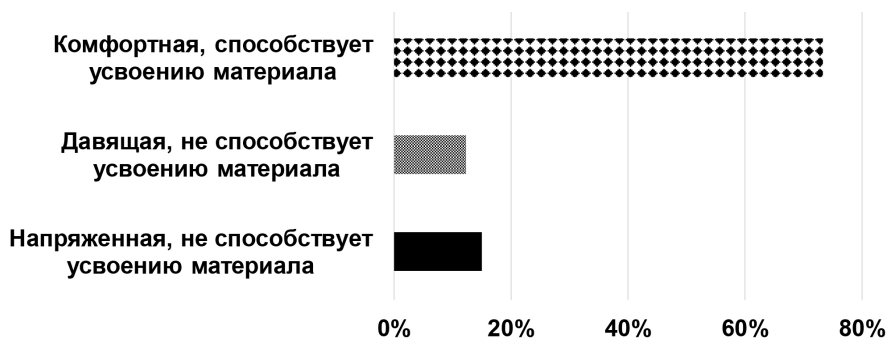

Рис. 4. Оценка студентами психологической атмосферы во время дистанционного обучения

Большинство обучающихся считают, что на занятиях была комфортная психологическая атмосфера, способствовавшая усвоению материала. Однако 27,3% респондентов назвали обстановку на занятиях давящей, напряженной, что мешало усвоению материала. В качестве основных негативных факторов студенты обозначили новые условия обучения (75%), длительное пребывание за монитором (75%), качество интернета (27,4%), что порой затрудняло контакт с преподавателем и группой.

Мнение студентов об эффективности прошедшего обучения и достижении поставленных целей представлено на рисунке 5: 61,6% студентов считают, что полностью получили необходимые знания, и удовлетворены данным форматом; 35,6% частично получили необходимые знания и удовлетворены форматом; 2,8% респондентов отметили, что было очень трудно осваивать материал.

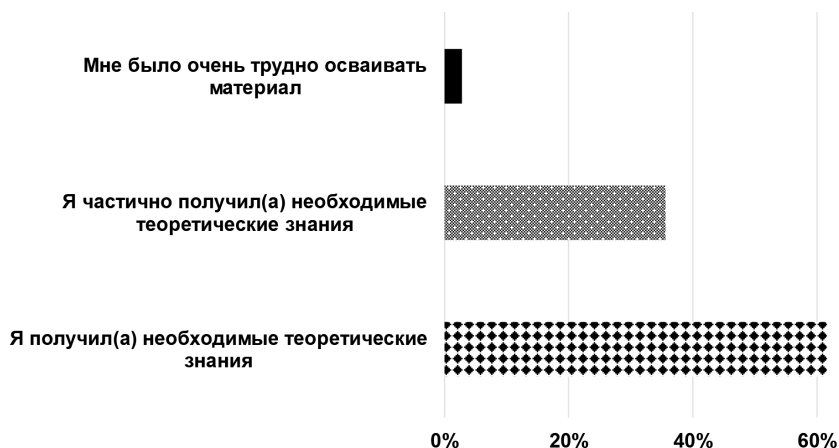

Рис. 5. Личные впечатления студентов о прошедших занятиях

Заключение

Дистанционное обучение закреплено законодательно и вошло в педагогическую практику в медицинском образовании. Во время пандемии начали быстро развиваться технологии дистанционного медицинского образования и обучения. Важнейшими из них являются телекоммуникационные технологии, обучающие вебинары, моделирование и обучающие видеоролики по клиническим дисциплинам [7; 10]. Реализуются мультимодальные подходы, ориентированные на различные аспекты обучения [24]. Методика «перевернутого обучения», использованная нами, дает возможность студентам самостоятельно выбрать необходимые для изучения образовательные ресурсы, при обсуждении изучаемой темы обмениваться друг с другом мнением в социальных сетях [18; 20; 26]. Самостоятельная подготовка к занятиям, использование профильных сайтов, поиск и изучение научной литературы, посвященной проблемам боли, способствовали получению новых современных знаний по профилю дисциплины.

Новый формат обучения у части студентов сопровождается психологической перестройкой, они испытывают психологический дискомфорт, что может временно снижать эффективность обучения. При проведении занятий преподаватель должен учитывать особенности поведения обучающихся. Несмотря на внезапность перехода к дистанционному обучению, большинство обучающихся получили удовлетворение от данного вида занятий и необходимые знания. Вместе с тем почти половина студентов хотела бы все-таки дополнить эти занятия традиционным форматом.

Дистанционное обучение можно сделать более эффективным, обращаясь к инструментам соревнования [20; 27], STEAM-подходу [1]. В частности, арт-компонент как элемент STEAM был использован студентами при составлении интеллект-карт [9]. В этом случае рисование помогает сконцентрировать внимание, повысить наблюдательность, выявить взаимосвязи между функцией и формой и может стать способом познания нового материала [21]. В то же время концентрация над рисунком или

схемой глубже погружает обучающегося в изучаемую тему, изменяет его мировоззрение. Визуальное, пространственное и графическое искусство может раскрывать науку, способствовать более глубокому восприятию научных знаний [12], особенно в кардинально изменившихся условиях обучения.

Также можно использовать такие интерактивные инструменты, как чаты, видео, опросы, голосование в интернете [27]. Приложение Kahoot не только стало хорошей альтернативой традиционному тестированию, но и добавило элемент соревновательности в группах. Получение более высокого балла за скорость ответа значительно повышает рейтинг студента при равных правильных ответах, что способствует росту мотивации к обучению. Моделирование виртуальной реальности, самостоятельное моделирование с помощью смартфона могут быть эффективными инструментами при изучении хирургических дисциплин [9; 10].

Виртуальные консультации, дистанционное представление клинического случая и его обсуждение, методику «Реферат-интервью» можно рассматривать как часть телемедицины, которая используется для безопасного и эффективного обучения студентов в условиях пандемии [16; 17; 23; 25]. Проведение занятий дало студентам возможность получить уникальный опыт изучения нового материала в новом формате, что может быть полезно в их будущей работе [4; 13].

Список литературы

1. Перепелица С.А. Перспективы применения STEAM-обучения в медицинском образовании // Стратегические ориентиры развития высшей школы : сб. науч. тр. участников II Национальной науч.-практ. конф. М., 2020. С. 187–192.
2. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – специалитет по специальности 31.05.01 «Лечебное дело» : приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 12 августа 2020 г. №988. URL: <http://www.fgosvo.ru/news/21/4788> (дата обращения: 17.01.2022).
3. Об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 31.05.01 «Лечебное дело» (уровень специалитета) : приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 9 февраля 2016 г. №95. URL: <http://fgosvo.ru/news/2/1807> (дата обращения: 17.01.2022).
4. Ashcroft J., Byrne M. H. V., Brennan P. A., Davies R. J. Preparing medical students for a pandemic: a systematic review of student disaster training programmes // Postgrad. Med. J. 2020. №97. P. 368–379. doi: 10.1136/postgradmedj-2020-137906.
5. Bhaskar S., Bradley S., Sakhamuri S. et al. Designing futuristic telemedicine using artificial intelligence and robotics in the COVID-19 era // Front Public Health. 2020. №8. Art. №556789. doi: 10.3389/fpubh.2020.556789.
6. Billingsley M. More than 80 % of medical students with mental health issues feel under-supported, says student BMJ survey // BMJ. 2015. №351. doi: 10.1136/sbmj.h4521.
7. Chandra S., Laoteppitaks C., Mingioni N., Papanagnou D. Zooming-out COVID-19: virtual clinical experiences in an emergency medicine clerkship // Med. Educ. 2020. №54 (12). P. 1182–1183. doi: 10.1111/medu.14266.

8. Chick R. C., Clifton G. T., Peace K. M. et al. Using technology to maintain the education of residents during the COVID-19 pandemic // *J. Surg. Educ.* 2020. №77 (4). P. 729–732. doi: 10.1016/j.jsurg.2020.03.018.

9. Cunningham M., Kantrowitz A., Harnett S., Hill-Rie A. Cultivating common ground: integrating standards-based visual arts, math and literacy in high poverty urban classrooms // *J. Learn. Arts.* 2014. №10 (1). doi: 10.21977/D910119294.

10. Dedeilia A., Sotiropoulos M. G., Hanrahan J. G. et al. Medical and Surgical Education Challenges and Innovations in the COVID-19 Era: A Systematic Review // *Vivo.* 2020. №34 (3 suppl.). P. 1603–1611. doi: <https://doi.org/10.21873/invivo.11950>.

11. Gallo G., Trompetto M. The effects of COVID-19 on academic activities and surgical education in Italy // *J. Invest. Surg.* 2020. №33 (7). P. 687–689. doi: 10.1080/08941939.2020.1748147.

12. Hoopes S., Pham T., Lindo F. M., Antosh D. D. Home surgical skill training resources for obstetrics and gynecology trainees during a pandemic // *Obstet. Gynecol.* 2020. №136 (1). P. 56–64. doi: 10.1097/AOG.00000000000003931.

13. Iancu A. M., Kemp M. T., Alam H. B. Unmuting medical students' education: utilizing telemedicine during the COVID-19 pandemic and beyond // *J. Med. Internet Res.* 2020. №22 (7). Art. №e19667. doi: 10.2196/19667.

14. Koumpouras F., Helfgott S. Stand together and deliver: Challenges and opportunities for rheumatology education during the COVID-19 pandemic // *Arthritis Rheumatol.* 2020. №72 (7). P. 1064–1066. doi: 10.1002/art.41278.

15. Leis E. E., Taylor L. J., Hermsen J. L. et al. Cardiothoracic Education in the Time of COVID-19: How I Teach // *Ann. Thorac. Surg.* 2020. №110 (2). P. 362–363. doi: 10.1016/j.athoracsur.2020.04.002.

16. Lin Y., Hu Z., Alias H., Wong L. P. Influence of mass and social media on psychobehavioral responses among medical students during the downward trend of COVID-19 in Fujian, China: cross-sectional study // *J. Med. Internet Res.* 2020. №22 (7) Art. №e19982. doi: 10.2196/19982.

17. Mian A., Khan S. Medical education during pandemics: a UK perspective // *BMC Med.* 2020. №18 (1). doi: 10.1186/s12916-020-01577-y.

18. Moszkowicz D., Duboc H., Dubertret C. et al. Daily medical education for confined students during COVID-19 pandemic: a simple videoconference solution // *Clin. Anat.* 2020. №33 (6). P. 927–928. doi: 10.1002/ca.23601.

19. Nguyen H. T., Do B. N., Pham K. M. et al. Fear of COVID-19 Scale-associations of its scores with health literacy and health-related behaviors among medical students // *J. Environ. Res. Public Health.* 2020. №17 (11). Art. №4164. doi: 10.3390/ijerph17114164.

20. Pather N., Blyth P., Chapman J. A. et al. Forced disruption of anatomy education in Australia and New Zealand: an acute response to the COVID-19 pandemic // *Anat. Sci. Educ.* 2020. №13 (3). P. 284–300. doi: 10.1002/ase.1968.

21. Quillin K., Thomas S. Drawing-to-learn: a framework for using drawings to promote model-based reasoning in biology // *CBE Life Sci Educ.* 2015. №14 (1). P. 1–16. doi: 10.1187/cbe.14-08-0128.

22. Rakosky S., Flashner B. M., Doolin J. et al. Five Questions for residency leadership in the time of COVID-19: Reflections of chief medical residents from an internal medicine program // *Acad. Med.* 2020. №5 (8). P. 1152–1154. doi: 10.1097/ACM.00000000000003419.

23. Rotenstein L. S., Ramos M. A., Torre M. et al. Prevalence of depression, depressive symptoms, and suicidal ideation among medical students: a systematic review and meta-analysis // *JAMA.* 2016. №316. P. 2214–2236. doi: 10.1001/jama.2016.17324.

24. *Ruthberg J.S., Quereshy H.A., Ahmadmehrabi S. et al.* A multimodal multi-institutional solution to remote medical student education for otolaryngology during COVID-19 // *Otolaryngol. Head. Neck. Surg.* 2020. №163 (4). P. 707–709. doi: 10.1177/0194599820933599.

25. *Sharma D., Bhaskar S.* Addressing the COVID-19 Burden on Medical Education and Training: The Role of Telemedicine and Tele-Education During and Beyond the Pandemic // *Front Public Health.* 2020. №8. Art. №589669. doi: 10.3389/fpubh.2020.589669.

26. *Singal A., Bansal A., Chaudhary P.* Cadaverless anatomy: darkness in the times of pandemic COVID-19 // *Morphologie.* 2020. №104 (346). P. 147–150. doi: 10.1016/j.morpho.2020.05.003.

27. *Singh K., Srivastav S., Bhardwaj A. et al.* Medical education during the COVID-19 pandemic: a single institution experience // *Indian Pediatr.* 2020. №57 (7). P. 678–679. doi 10.1007/s13312-020-1899-2.

28. *Woolliscroft J.O.* Innovation in response to the COVID-19 pandemic crisis // *Acad. Med.* 2020. №95 (8). doi: 10.1097/ACM.0000000000003402.

Об авторе

Светлана Александровна Перепелица — д-р мед. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: SPerepelitsa@kantiana.ru

The author

Prof. Svetlana A. Perepelitsa, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: SPerepelitsa@kantiana.ru

Ю. С. Шевченко, В. В. Грачев, О. А. Гильбурд

СОЦИОБИОЛОГИЧЕСКИ ОРИЕНТИРОВАННАЯ ПСИХОТЕРАПИЯ РАССТРОЙСТВ ПИЩЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ

Поступила в редакцию 31.03.2022 г.

Рецензия от 20.04.2022 г.

105

С помощью современных положений социальной биологии и этологии концептуально обосновывается и подробно описывается оригинальная методика психотерапевтической работы с больными нервной анорексией и булимией. Представленная информационно-аналитическая технология использует концепцию эволюционно стабильных стратегий поведения и является вариантом эмоционально-стрессовой терапии, адекватной для пациентов с аутодеструктивным и потенциально губительным поведением.

On the modern provisions of social biology and ethology, the original method of psychotherapeutic work with patients with anorexia nervosa and bulimia is conceptually substantiated and described in detail. The presented information and analytical technology rely on the concept of evolutionarily stable behavior strategies and is a variant of emotional stress therapy adequate for patients with autodestructive and potentially disastrous behavior.

Ключевые слова: расстройства пищевого поведения, социобиология, этология, психотерапия

Keywords: eating disorders, sociobiology, ethology, psychotherapy

Введение

Булимическое и аноректическое поведение в широком смысле можно отнести к аутодеструктивному и потенциально губительному поведению (равно как и разного рода аддикции или увлечение экстремальными видами спорта) и рассматривать его как пролонгированный и неосознаваемый суицид [11]. С другой стороны, в соответствии с основным постулатом этологии, механизм подобного поведения изначально мог возникнуть в рамках защитных и /или приспособительных реакций для индивида, рода или вида [20]. При этом, поскольку для эволюции определяющим является конечный успех именно вида как носителя определенного генофонда, а судьба отдельной особи ее «не интересует» [15], врожденное поведение индивида, направленное на сохранение вида, способно противоречить и инстинкту сохранения рода, и инстинкту самосохранения.

Как известно, «человеку разумному», обладающему самосознанием, свойственна эгоцентрическая иллюзия приписывать качество произ-

вольности и логичности любому своему поступку, даже абсолютно инстинктивному. Это обеспечивает ощущение целостности собственного Я, согласованности между эмоциями, мыслями и поведением, то есть сохранение внутреннего гештальта, стремление к которому является врожденным [20]. В противном случае не «присвоенные» самосознанием чувства, ассоциации и побуждения начинают восприниматься как навязчивости или автоматизмы.

В то же время интересы вида и индивида могут как совпадать, так и конкурировать. Соответственно, в тех случаях, когда инстинктивная программа поведения детерминируется подсознательными интересами вида и ради них даже подразумевает возможную гибель ее отдельного носителя, разумный и обладающий самосознанием «пилот», управляющий своим организмом — «машиной выживания эгоистичных генов» (по Р. Докинзу) [6], не догадываясь об активном сосуществовании филогенетического «автопилота», приписывает принятое решение исключительно себе. При этом он рационализирует реализуемое поведение в соответствии с собственными индивидуальными потребностями, установками, целями и убеждениями. Например, реализуя инстинкт сохранения вида в экологической ситуации угрозы вырождения от ожирения, связанного с перееданием, человек (под влиянием эпигенетически актуализированных генов, отвечающих за противоположно направленное поведение) начинает демонстрировать аноректические бихевиоральные модели — в частности, существующие в онтогенетическом арсенале подростковой инициации [5; 7; 16]. И при этом объяснять их смысл самому себе и окружающим общепонятными эмоционально-идеаторными сентенциями, например стремлением к красоте, которое, кстати, также заложено в нашей инстинктивной программе [14; 17; 20]. Конкретно — стремлением к собственному физическому совершенству. Путь же к совершенству, как известно, может быть бесконечным, а его захватывающее позитивное эмоциональное сопровождение, подкрепляемое, помимо прочего, высшими потребностями, способно конкурировать и с депрессией и со страхом смерти, не придавая значения тому, что сам выбор цели поведения может оказаться ошибочным, а его истинные мотивы — оставаться неосознаваемыми [4; 12].

Между тем человек, каждый раз определяясь на оси «примативности» (первоначальности), соединяющей полюса «инстинктивность» и «разумность» [10], способен не только предпочесть долгосрочную программу удовлетворения потребности краткосрочной (не съесть курицу, несущую золотые яйца). Он в принципе, при условии достаточной зрелости лобной коры и ее энергетического обеспечения, способен воспротивиться любому инстинктивно-подкорковому механизму индивидуального, репродуктивного или социального поведения, а также разумно изменить индивидуальную предпочтительность в иерархии обобщенных инстинктов — «самосохранения», «сохранения рода», «сохранения вида», «сохранения мира, или экологического инстинкта» [7; 10] — и произвольно выбрать наиболее рациональную стратегию и приемлемую схему поведения для адаптации к сложившимся обстоятельствам.

Методология и методы

Представляется, что в данных обстоятельствах основной задачей психотерапевта становится когнитивный анализ поведения пациента с позиций этологии и эволюционной биологии, чтобы установить в его действиях порочность либо нерезультативность применяемого им способа адаптации или психологической защиты, а затем — помочь в выборе адекватной поведенческой стратегии и перспективных моделей ее реализации. Показанные теоретические предпосылки, на наш взгляд, выступают вполне достаточным обоснованием принципиальной возможности единого методологического подхода к реадaptационной работе с разными вариантами аутоагрессивного поведения [1; 3].

Предлагаемая методика представляет собой когнитивно-аналитическую технологию в рамках эволюционной психиатрии и социальной психопатологии [11; 13], базируется на концепции эволюционно стабильных стратегий поведения [9; 19]. На практике предполагается «озвучивание» и «растолковывание» пациенту смысла основных понятий этологии и социобиологии [2], в частности таких, как четыре типа эволюционно стабильных стратегий поведения (далее — ЭСС) — агонистическое поведение, кооперативное поведение, альтруистическое поведение, эгоистическое поведение, и их социобиологического смысла.

Так, разъясняется, что агонистический тип ЭСС в интерперсональных коммуникациях чаще всего непродуктивен, поскольку затраты на его реализацию велики, а наиболее вероятный итог агонистической акции — взаимная деструкция конфликтующих сторон. Исключением являются некоторые ситуации оборонительного императива (защита территории, своих близких, собственной жизни, достоинства и т.п.), когда агонистическое поведение может оказаться облигатным. Иллюстрацией этого могут служить известные пословицы: «Сам погибай, а товарища выручай», «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях» [3].

Социобиологический смысл кооперативного поведения, как правило, состоит в адекватном реальным экологическим условиям взаимном сохранении жизненных преимуществ. Парадокс заключается в том, что кооперативное поведение в некоторых социальных группах может иметь вид аутоагрессии и носить демонстративно-ритуальный характер (скрепление договора кровью, совместное нанесение самоповреждений, групповой суицид). В данном контексте потенциально губительным (следовательно, аутоагрессивным) ритуалом кооперативного поведения является совместное употребление спиртного в ознаменование успешной взаимной акции, а также употребление в компании наркотических веществ (суррогат традиционного ритуала раскуривания «трубки мира», предвещающего переход от предыдущей стратегии к настоящей) [3]. Такие формы кооперативной ЭСС, как активное участие в стихийных молодежных субкультурных объединениях, модифицирующих агрессивное (футбольные фанаты, скинхеды, сатанисты и т.п.), депрессивное (панки, эмо, готы и проч.), гедонистическое (хиппи, растаманы) или рискованное (стритрейтеры, зацеперы, руферы, бест-джамперы) поведение, также характеризуются высоким танатотропным риском [7; 16].

В целом же смысл кооперативной ЭСС выражает афоризм Цицерона: «Худой мир лучше хорошей войны». Переход от нее к следующей эволюционной стратегии можно проиллюстрировать известным изречением Аристотеля: «Платон мне друг, но истина дороже».

Альтруистическая ЭСС отражает выбор, связанный с какой-либо жертвой вследствие односторонней утраты индивидом или группой части жизненных преимуществ либо даже самой жизни ради выживания или повышения адаптивности всего сообщества. И наглядные парасуицидальные поступки, и неосознаваемое потенциально губительное поведение («хронический суицид»), к которому вместе с алкоголизмом можно отнести также булимию и нервную анорексию, правомерно рассматривать в разных социобиологических смыслах. К примеру, как аутоагрессию, которая не может быть направлена на ее действительных виновников (родителей или других значимых взрослых) в силу социальных или культурных барьеров, но способна играть роль своего рода пролонгированного «немого укора», необъявленной «протестной голодовки», медленного демонстративного «самоожжения на ступенях дворца жестокого властелина», в том числе с помощью повторяющихся алкогольных или булимических эксцессов. Альтруистический смысл рассмотренной самоагрессии — спровоцировать у своих близких раскаяние и тем самым сделать их лучше в отношении других, оставшихся жить.

То же самое поведение (в контексте парасуицидального) может представлять собой уже общеродовой социальный сигнал, к примеру об экологическом неблагополучии конкретного места проживания для мигрантов из других регионов: «Здесь жить нельзя» [2]. Общевидовой посыл жертвенно-альтруистического поведения можно перевести как: «Нельзя так жить, так питаться, так думать, так делать, это грозит вырождением». В этом контексте булимическое поведение предупреждает представителей вида о биологических перспективах чревоугодия (смерти от ожирения), делая носителей подобного фенотипа непривлекательными партнерами для репродуктивных контактов.

Альтруистический смысл аноректического поведения более сложен и адресован к обобщенному инстинкту «сохранения мира», который на дочеловеческом уровне срабатывает универсально — любой вид, нарушающий своей активностью возможности окружающей природы самовосстанавливаться, элиминируется естественным отбором. На уровне *homo sapiens sapiens* данный инстинкт можно обозначить как «экологический», а его смысл перевести следующим образом: «Разумное поведение не должно нарушать законов природы. Создание искусственных антропоцентрических идеалов и фанатичное следование им также грозит вырождением». Неслучайно и чревоугодие, и гордыня во многих религиях отнесены к смертным грехам. Причем гордыня (отрицать и противостоять законам природы как на уровне экологии, так и на уровне собственного тела — значит восставать против бога, который создал и природу, и человека) стоит на первом месте в их списке.

В противоположность альтруистическому, вектор эгоистического поведения развернут в сторону индивидуального выживания — приоритетного повышения уровня собственной индивидуальной приспособленности индивида, накопления жизненных преимуществ и т.п.

Данное положение является принципиальным и ключевым в предлагаемой методике, поскольку с социобиологической позиции не допускает возможности «эгоистического самоубийства» [1; 3]. Данный термин фигурирует в социологии, психологии и православной философии, трактующих само понятие «эгоизм» в контексте либо полной социальной непричастности («маргинальности»), либо крайнего индивидуализма. Эгоистическая ЭСС иллюстрируется поговоркой: «Своя рубаха ближе к телу», а ее сочетание с кооперативной — «Хлеб-соль вместе, а табачок — врозь».

Надо сказать, что в норме чаще всего наблюдаются смешанные ЭСС, а также имеет место динамичность смены ведущей роли той или иной стратегии в соответствии с изменяющимися условиями жизни [1–3; 9; 11; 19].

Как подверженность риску оказаться носителем безальтернативной стратегии пищевого поведения, так и динамика последней зависят от многих факторов (биологических, психологических, социальных), определяющих терапевтические перспективы. Последние могут быть расширены за счет включения в контекст когнитивной психотерапии анализа поведения пациента с РПП с позиций концепции эволюционно стабильных стратегий поведения вместо бесполезных попыток критики и разубеждения.

Этапы и содержание предлагаемой методики в условиях психиатрического или соматического стационара

1. *Первичный контакт* с установлением раппорта в технике нейролингвистического программирования, которая подкрепляется эмоциональными и интеллектуальными проявлениями сочувствия, понимания и стремления помочь. Параллельно выяснению причины стационарирования осторожно, но настойчиво аргументируется медико-биологическая трактовка пищевого поведения пациента как аутодеструктивного и, в конечном счете, суицидального (смерть от кахексии или ожирения и их последствий).

2. *Ошеломляющий «разворот на 180 градусов»* — ключевой момент предлагаемой технологии. Цель данного этапа — максимально расшатать (вплоть до полного разрушения) имеющуюся у пациента деструктивную стратегию поведения. Информация, которую психотерапевт обрушивает на пациента, должна привести пациента к осознанию того, что исключительность и уникальность его случая — иллюзия, так как демонстрируемое им аутоагрессивное пищевое поведение является одним из известных эволюционно сложившихся в природе способов поведения всех живых существ. Информация о вышеописанных ЭСС сопровождается для лучшего понимания бытовыми примерами в рамках модели мира пациента.

Следующим шагом является определение анорексии или булимии поведения как типичного примера ущербной альтруистической ЭСС — добровольного жертвенного поведения в длительной суицидогенной ситуации, в результате которой ни у него самого, ни у кого из близких и небезразличных ему людей не происходит улучшения качества жизни [1; 3].

3. *Теологическая иллюстрация.* В качестве примеров истинного альтруизма могут быть использованы примеры из религиозных трактатов и жизнеописаний святых мучеников. Самостоятельным логическим выводом пациента из проведенного анализа должно стать понимание изначальной несостоятельности выбора используемой им ЭСС.

4. *«Работа над ошибками».* На данном этапе психотерапевту важно сосредоточить внимание пациента на неадекватности избранной им ЭСС конкретным релизерам, запускающим то или иное поведение.

Заметим, что истинная выгода для других людей демонстративного самоубивания «с помощью» булимии или анорексии, призывающих к отказу от непосредственно радующего чревоугодия или устремленной в будущее эгоцентрической гордыни, может быть получена только в том случае, если они не выступают у них в качестве симптомов компенсации первичной депрессии, порождаемой ухудшающейся экологией, включая «экологию души» [5; 18]. В противном случае отказ от данных «симптомов компенсации» (по Г. Е. Сухаревой) лишь повлечет поиск новых. Альтруизм же пациентки направлен не на порожденные культурной эволюцией негативные макроэкологические влияния, характерные для эры антропоцена и эпохи постмодерна [18], а лишь на проявления биологического ответа на них. И в этом ее стратегическая ошибка.

Если обратиться к «тактическим ошибкам», то среди них при нервной анорексии можно указать на фиктивность изначально избранной цели похудания — достижения «эталонной» фигуры, поскольку она — порождение человеческой фантазии, а не отражение естественных, природных вариантов физического совершенства. Последних же, как минимум, пять: фигура «треугольник», «груша», «яблоко», «прямоугольник», «песочные часы». Реальный шанс приблизиться к современному умозрительному эталону (в разные времена и в разных культурах идеалом считались иные образцы) имеют лишь носительницы пятого фенотипа. Для четырех пятых представительниц прекрасного пола стремление к данному фенотипу — это «борьба с ветряными мельницами», обреченная на провал. Фиктивный способ решения данной проблемы — создание собственного телесного эталона, вообще лишённого всего женственного, вместо совершенствования того, «чем бог наградил» или что «природа создала».

5. *Выбор адекватной стратегии.* Цель данного этапа анализа жертвенно-аутодеструктивной ситуации состоит в том, чтобы подвести пациентку к самостоятельному выбору наиболее адаптивной и конструктивной ЭСС для сложившихся обстоятельств. Причем альтернативной альтруистическому поведению может оказаться любая из трех прочих ЭСС. Например, в случае изначальной мотивации аноректического поведения «несчастной любовью» в ситуации, когда избранник предпочел другую, психотерапевт сравнивает завуалированный суицид пациентки с итогом страданий юного Вертера из романа Гёте. Как известно, подражание герою романа породило волну имитативных самоубийств в среде молодых людей, живших на стыке XVIII и XIX вв. Этому женскому варианту переадресованной на себя агрессии по отношению к «счастливой сопернице» противопоставляется «мужской» этический эталон, распространенный в ту же эпоху в России, а именно — прямой вызов конкурентки на «дуэль».

Обсуждение результатов

В том случае, когда переадресованная на себя агрессия в форме аноректического или булимического «суицида» обусловлена недовольством родителями, препятствующими реализации естественных подростковых реакций эмансипации, группирования со сверстниками, хобби-реакций, реакций, связанных с формирующимся половым влечением (по А. Е. Личко), к психотерапевтической работе следует привлечь всю семью. Должна быть проанализирована социобиология поведения как «детей», так и «отцов» с тем, чтобы обе конфликтующие стороны подошли к однозначному выбору кооперативной ЭСС. При этом должна быть разработана своеобразная согласованная программа дальнейшей совместной жизни, предполагающая встречные уступки «на пути к миру», которые могут быть зафиксированы в «семейном контракте», содержащем конкретные пункты компромиссного соглашения. К примеру, родители соглашаются отсрочить время вечернего возвращения дочери домой на час при условии, что та, в свою очередь, информирует их о своем месте нахождения и осуществляемых перемещениях.

В случаях, когда РПП как хронический суицид обусловлено невозможностью девочки-подростка самоутвердиться в референтной группе сверстников, в которой она оказалась отверженной, жертвой буллинга (ситуация, напоминающая сюжет кинофильма «Чучело»), социобиологический анализ носит индивидуальный характер. Он должен помочь пациентке осознать, что она, систематически демонстрируя субмиссивное (подчиненное) поведение (от которого один шаг до «поведения жертвы»), сама бессознательно стимулировала доминирующее поведение членов группы. Иными словами, подросток для своих унетателей может играть роль релизера — экологического триггера, запускающего их доминирующее поведение нападающих. Здесь уместна ссылка на исследование американских психологов, проведенное на контингенте серийных насильников. Каждому из них показывали видеозапись уличной толпы и предлагали выбрать среди прохожих своих потенциальных жертв. В результате получилось, что все они, не сговариваясь, выбирали одних и тех же лиц, непроизвольно ориентируясь на невербальные характеристики их поведения (походка, позы, мимика, жесты).

Вслед за осознанием того, что для изменения отношения к себе сверстников необходимо прекратить выполнять для них функцию релизера доминирования (с рабами не дружат), подростку предлагается замена альтруистической ЭСС на альтернативную — эгоистическую. Опыт указывает на эффективность проведения краткосрочного телесно ориентированного тренинга в духе позотерапии по Вирджинии Сатир с последовательной отработкой поз плакатора («просителя»), дистрактора, блаймера («обвинителя»), «компьютера» и Будды с последующим демонстративным игнорированием членов прежней группы. Окончательная перспектива общения со сверстниками (лишение которого даже у шимпанзе-подростков вызывает депрессию) — либо принятие прежней группой как равного среди равных, либо успешная адаптация в новом коллективе. Как уже упоминалось, альтернативой прежнему абсолютизированному альтруизму может быть любая другая ЭСС, в частности ко-

оперативная (к примеру, в том случае, если после выписки или перевода из соматического стационара в психиатрический пациентка будет привлечена к волонтерской деятельности среди аналогичных пациентов, особенно тех, у которых РПП приобрело качество зависимости).

Данный вариант социобиологического анализа применим в отношении носителей как булимического, так и аноректического поведения, тогда как нижеописанный логичнее осуществлять в отношении последних, а также, возможно, пациентов с «половой дисфорией» и психопатологическим транссексуализмом.

Речь уже идет не об альтруистическом общевидовом предупреждении окружающих об опасности переедания и голодания, которые могут привести к смерти и вырождению, а об опасности на уровне сохранения мира [10; 17] в том случае, если противоестественное (в биологическом смысле) и противоположное (в смысле религиозном) поведение, подавляющее соответствующий обобщенный (экологический) инстинкт, с пищевого поведения распространится на иные формы человеческой разумно-культуральной активности. Здесь уместно включение в метафорический анализ образа Сатаны, бывшего любимцем Бога, который ради собственной гордыни, пожелав быть равным Творцу, отказался поклониться божьему созданию — Адаму, первому человеку. В то же время этот падший ангел, оставаясь мятежным подданным державы Божией, против собственной воли в конечном счете может содействовать выполнению Божьего замысла.

В данном случае стратегию пациентки можно рассматривать как «двойной альтруизм», поскольку она своим поведением не только предупреждает об опасности гордыни, противящейся божьим законам и законам природы, создавшим человека таким, как он есть (включая индивидуализированную телесность и половую дихотомию), но и делает это от имени Сатаны. При этом демонстрируя сдвиг на эгоистическую ЭСС, распространяющуюся с пищевого поведения, подавляющего инстинкт самосохранения, на мировоззрение, противоречащее экологическому инстинкту.

В данном случае позитивной социобиологической альтернативой может стать выбор смешанной ЭСС, например, альтруистически-агонистической, реализуемой конкретно участием в движении «зеленых», или альтруистически-кооперативной, в форме активного членства в той или иной политической партии.

Заключение

В заключение остановимся на онтогенетических аспектах рассматриваемой проблемы. Подростковый возраст неслучайно характеризуется повышенным танатотропизмом. В период пубертатного кризиса особенно ярко проявляется комплекс факторов потенциальной гибели, порой искаженно-ритуально сочетаясь с актами прямой аутодеструкции и суицидальными действиями, что свидетельствует о накоплении критической массы агрессии (в том числе прямо или косвенно направленной на себя) в любых ее поведенческих стигматах [3]. В архаичных и традиционных культурах этот этап взросления («смерть» в качестве

ребенка и «возрождение» в качестве взрослого) с наглядной демонстрацией соответствующего поведенческого фенотипа происходит в жестких рамках ритуалов в форме обрядовой инициации [1–3; 7; 8; 13; 16; 20]. Традиционные сценарии подростковой инициации разных культур предусматривают испытание физической и моральной выносливости, часто маркирование тела в форме татуировок, ритуалы «смерти» и «возрождения», пребывание в измененном сознании и т.п. [16]. В них можно легко увидеть прообразы характерных «девиаций» подростков обоего пола, выраженность которых может достигать до явно патологического и даже криминального уровня.

Нельзя оставить без внимания тот факт, что физиологическая необходимость обрядовой инициации может порождаться возрастными колебаниями уровня эндорфинов. Потребность в них и удовлетворяется в процессе периодических физических и / или психологических стрессов, под влиянием которых происходит выделение в кровь морфиноподобных нейропептидов.

Современная цивилизация полностью исключила инициацию как этап культурного онтогенеза индивидуума, аналоги которому существовали в форме посвящения в октябрята, пионеры, скауты, комсомольцы и т.п., не предложив какой-либо адекватной замены, не создав более позднего эволюционного аналога. Лишившись соответствующей традиционно-культурной «канализации», врожденная потребность в подростковой инициации реализуется стихийно в форме наркотизации и нехимических зависимостей, в паттернах агрессивного, антиобщественного, самоповреждающего и суицидального поведения (к скрытым формам которого относятся и РПП) и прочих фиктивных суррогатах «радостного взросления».

Таким образом, наш опыт эволюционно-биологического подхода к решению поставленной проблемы со всей очевидностью указывает на необходимость реставрации в онтогенезе в условиях современной культуры многоэтапной препубертатной и пубертатной ритуально-обрядовой инициации – разумеется, в форме ее современных социально приемлемых аналогов. В качестве одной из предпосылок к этому можно рассматривать представленную технологию информационно-аналитического варианта эмоционально-стрессовой (по В. Е. Рожнову) психотерапии.

Список литературы

1. Гильбурд О.А. Эволюционные аспекты практической коррекции суицидального, аутодеструктивного и потенциально губительного поведения // Acta Psychiatrica, Psychologica, Psychotherapeutica et Ethologica Tavrica. 1996. Vol. 3, №5. С. 105–112.
2. Гильбурд О. А. Избранные очерки эволюционной психиатрии. Сургут, 2000.
3. Гильбурд О. А. Реадаптация лиц с аутоагрессивным поведением: этолого-социобиологический подход // Вестник Сургутского государственного университета. Медицина. 2013. №3 (17). С. 22–28.
4. Грачев В. В., Шевченко Ю. С., Малыгин В. Л. и др. Гипоманиакальные состояния у больных нервной анорексией подросткового возраста // Медицинский вестник Северного Кавказа. 2019. Т. 14, №1. С. 75–79.

5. Грачев В. В., Шевченко Ю. С. Генетические и эпигенетические аспекты нервной анорексии (обзор литературы) // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2020. №4. С. 95 – 105.
6. Докинз Р. Эгоистичный ген. М., 2013.
7. Левковская О. Б., Шевченко Ю. С., Панов Г. А. Суицидальное, самоповреждающее и рискованное поведение в контексте подростковой инициации // Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Будущее детей с особенностями психического развития» / ФГБУ «НМИЦ ПН им. В. П. Сербского». М., 2020. С. 180 – 183.
8. Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло»). М., 1994.
9. Макфарленд Д. Поведение животных: психобиология, этология и эволюция. М. 1988.
10. Протопопов А. И., Вязовский А. В. Инстинкты человека: попытка описания и классификации. Якутск, 2011.
11. Самохвалов В. П., Гильбурд О. А., Егоров В. И. Социобиология в психиатрии. М., 2011.
12. Социальная психопатология / под ред. В. П. Самохвалова. М., 2018.
13. Симонов П. В. Информационная теория эмоций // Психология эмоций. Тексты / под ред. В. К. Виллюнаса, Ю. В. Гиппенрейтер. М., 1984. С. 178 – 185.
14. Стюарт И. Истина и красота: Всемирная история симметрии. М., 2012.
15. Харари Ю. Н. Sapiens. Краткая история человечества. М., 2018.
16. Шевченко Ю. С. Инициация: этолого-психиатрические аспекты // Детская и подростковая психиатрия: Клинические лекции для профессионалов / под ред. Ю. С. Шевченко. М., 2017. С. 681 – 703.
17. Шевченко Ю. С. Природно-психические предпосылки искусства как биологические корни арт-терапии и арт-педагогики // Клиническая психотерапия (инстинктивно-поведенческие и нейропсихологические модели) / под ред. Ю. С. Шевченко. М., 2018. С. 322 – 344.
18. Шевченко Ю. С. Эволюция психического дизонтогенеза // Социальная психопатология / под ред. В. П. Самохвалова. М., 2018. С. 217 – 250.
19. Эрман Л., Парсонс П. Генетика поведения и эволюция. М., 1984.
20. Eibl-Eibesfeldt I. Human Ethology. N. Y., 1989.

Об авторах

Олег Аркадьевич Гильбурд – д-р мед. наук, проф., Сургутский государственный университет, Россия.

E-mail: ogilbur@gmail.com

Виталий Викторович Грачев – канд. мед. наук, доц., Российская медицинская академия непрерывного профессионального образования, Россия.

E-mail: gratchev@mail.ru

Юрий Степанович Шевченко – д-р мед. наук, проф., Российская медицинская академия непрерывного профессионального образования, Россия.

E-mail: europsy@mail.ru

The authors

Prof. Oleg A. Gilburd, Surgut State University, Russia.
E-mail: ogilbur@gmail.com

Dr Vitaliy V. Grachev, Associate Professor, Russian Medical Academy of Continuous Professional Education, Russia.
E-mail: grachev@mail.ru

Prof. Yuriy S. Shevchenko, Russian Medical Academy of Continuous Professional Education, Russia.
E-mail: europsy@mail.ru

К. Б. Егоров, В. А. Захарова

**ПРОЦЕДУРНЫЕ ТЕКСТЫ В ФОРМИРОВАНИИ
И ОЦЕНКЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАМОТНОСТИ
В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ**

Поступила в редакцию 01.06.2022 г.

Рецензия от 04.07.2022 г.

116

Рассматриваются возможности использования процедурных текстов для формирования и оценки функциональной грамотности младших школьников на материале независимой оценки результатов начального общего образования в рамках проекта «Кластер качества ПГГПУ». Используются метод компаративного анализа российских и зарубежных научных источников, принцип единства исторического и логического. Методологическими основаниями исследования выступают понятия «зона актуального развития», «зона ближайшего развития», «независимая оценка», «деятельностный подход», «метапредметная координация». В результате классифицированы тексты для формирования и оценки функциональной грамотности: пояснительные и процедурные, сплошные и несплошные. Обозначена структура процедурного текста. По итогам независимой оценки функциональной грамотности описаны основные затруднения, возникающие в работе младших школьников с подобными текстами. Отмечена необходимость соответствующей подготовки учителей начальных классов.

The article analyses the possibilities of using procedural texts for the formation and assessment of the functional literacy of elementary school students on the basis of an independent assessment of the results of primary education within the framework of the PSHPU Quality Cluster project. This study relies on the method of comparative analysis of Russian and foreign scientific sources, the principle of unity of historical and logical. The methodological foundations of the research are the concepts of "zone of actual development", "zone of proximal development", "independent assessment", "activity approach", "meta-subject coordination". Finally, the texts for the development and assessment of functional literacy were classified: explanatory and procedural, continuous and non-continuous, the structure of the procedural text was identified. An independent assessment of functional literacy resulted in the description of the main difficulties that arise when primary school students work with similar texts. The author notes the need for appropriate training of primary school teachers.

Ключевые слова: функциональная грамотность, независимая оценка, начальное общее образование, педагогическое образование, процедурные тексты, метапредметные результаты

Keywords: functional literacy, independent assessment, primary general education, teacher education, procedural texts, meta-subject results

Введение

Вхождение Российской Федерации в число 10 ведущих стран мира по качеству общего образования — одна из целей национального проекта «Образование», где в качестве показателя указан средневзвешенный результат России в группе международных исследований. Вызовом для российской системы образования стали противоречивые результаты международных исследований: высокие оценки учеников 4-х классов в исследованиях PIRLS [9] и TIMSS и низкие баллы 15-летних учащихся в исследовании PISA [5]. Предметом исследования PISA выступает оценка функциональной грамотности [1]. Российские эксперты подчеркивают, что исследование PISA обозначило недостаточный уровень владения учащимися функциональной грамотностью в аспекте понимания и применения текстов для решения практических задач [5].

По инициативе государства начался поиск решения данного вопроса. В новую редакцию Федерального государственного образовательного стандарта начального и основного общего образования (далее — ФГОС НОО, ФГОС ООО), включено понятие функциональной грамотности, которая рассматривается как способность решать учебные задачи и жизненные проблемные ситуации на основе сформированных предметных, метапредметных и универсальных способов деятельности, включающая овладение ключевыми компетенциями, составляющими основу готовности к успешному взаимодействию с изменяющимся миром и дальнейшему успешному образованию (для начальной школы) [16], ориентации в мире профессий (для основной школы) [17].

В педагогической науке активизировались исследования феномена «функциональная грамотность», изучение возможности формирования и оценки функциональной грамотности школьников [1–3; 6; 19]. Особую значимость приобрела подготовка учителя к формированию функциональной грамотности учащихся. Это определило актуальность исследования, проводимого ФГБОУ «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет» (далее — ПГГПУ) в рамках государственного задания на научные исследования по заказу Министерства просвещения Российской Федерации от 18.08.2021 г. №07-00080-21-02, номер реестровой записи 730000Ф.99.1, по теме «Условия развития функциональной грамотности среди обучающихся в рамках реализации образовательных программ начального общего образования».

Настоящая публикация посвящена рассмотрению возможности использования процедурных текстов в формировании и оценке функциональной грамотности и осмыслению опыта независимой оценки функциональной грамотности младших школьников на материале таких текстов.

Методология

При подготовке статьи применялся метод компаративного анализа материалов отечественной и зарубежной науки. Исследование выстроено в единстве логического и исторического подходов (классификация и ретроспективный анализ).

Методологическим основанием исследования выступают понятия «зоны актуального и ближайшего развития», «деятельностный подход», концептуальным основанием — метапредметная координация [13].

В публикации использовано рабочее определение понятия «независимая оценка» — разновидность внешней оценки, которая проводится субъектом (организацией), не являющимся подразделением оцениваемой организации или ее учредителем. Цель такой оценки — получение образовательными организациями конкурентных преимуществ [7].

Результат

118

Деятельность и процедура как смысловые маркеры понятия «функциональная грамотность». Раскроем основные смысловые маркеры понятия «функциональная грамотность». Отечественная педагогика признает: функциональная грамотность — один факторов, содействующих участию человека в различных сферах деятельности: социальной, культурной, экономической. Проявляясь в конкретной ситуации, функциональная грамотность может быть представлена как проблема деятельности человека [8].

Зарубежные исследователи используют понятие «функциональная грамотность» в синонимическом ряду: функциональная грамотность (functional literacy), «чтение, чтобы делать» ('reading to do'), «грамотность для профессиональных нужд» ('job literacy'), «овладение процедурой или навыками» (procedure or skill acquisition) [20].

Классификация текстов, используемых при формировании и оценке функциональной грамотности. Отметим исследования, представляющие влияние текстов на формирование функциональной грамотности. А. О'Доннел и соавторы [20] указывают, что функциональная грамотность отличается от общей грамотности характером действий и текстов, способствующих ее развитию. А именно — для общей грамотности важна работа с повествовательным или пояснительным текстом, из которого приобретаются декларативные знания, выраженные в виде описаний, фактов и т.п., тогда как для овладения функциональной грамотностью требуется работа с процедурными текстами, происходит приобретение императивных (процедурных) знаний, побуждающих к действию.

Ряд исследователей констатируют: для формирования функциональной грамотности в области технологии и инженерии учителя должны научить старшекласников читать два типа текстов, которые различаются по значимости концепции времени для понимания текста и успешного использования информации (хронологической последовательности):

1) пояснительные тексты из области техники и технологий, включающие такие элементы, как определение, описание, сравнение — контраст, причина — следствие, проблема — решение проблемы и описание процесса;

2) процедурные тексты, описывающие процессы (инструкции по применению [18].

В зарубежных источниках описана оценка функциональной грамотности студентов колледжа с использованием процедурного (техническо-

го) текста, который включает описание устройства прибора, функций, частей, способов использования, инструкцию по сборке, способы устранения неисправностей, техническое обслуживание [20].

Подобные тексты по форме представления информации могут быть отнесены к сплошным текстам (содержание которых графически выражено через буквенные символы) и к несплошным текстам (содержание которых отражено частично буквенными символами, частично графически в виде схем, диаграмм, изображений).

Ретроспективный анализ термина «процедура». Слово «процедура» происходит от французского *procédure* 'процедура, процесс', от глагола *procéder* 'поступать, действовать; происходить', далее *procedere* 'выходить; продвигаться', далее из *pro* 'вперёд, для, вместо' + *cedere* 'идти, ступать', восходит к праиндоевропейскому **ked-* 'идти, перемещаться'. Русское слово «процедура» заимствовано через немецкий язык (*Prozedur*) [14].

Словарь бизнес-терминов определяет данное понятие как официально установленный, предусмотренный правилами способ и порядок действий при осуществлении, ведении дел, операций, сделок [12]. В математике «процедура» трактуется как последовательность действий, выполняемая закономерно, согласно точному предписанию или алгоритму; в информатике — как особым образом оформленная программа, решающая задачу, частную по отношению к более широкой задаче, фундаментальная конструкция алгоритмических языков [10].

Итак, смысловыми маркерами, связывающими понятия «процедура» и «функциональная грамотность», выступают «действие» и «последовательность действий (алгоритм)». Учеными ПГГПУ обоснован деятельностный подход как методологическое основание формирования и оценки функциональной грамотности [13]. Формирование функциональной грамотности связано с действием планирования — регулятивным универсальным учебным действием (метапредметным результатом).

Практические, жизненные ситуации как материал текстов, используемых в процессе формирования и оценки функциональной грамотности. Отечественная педагогика рассматривает функциональную грамотность как умение решать практические задачи с использованием полученных знаний [4]. В качестве рабочего определения используется определение функциональной грамотности как способности и готовности человека использовать постоянно приобретаемые знания, навыки и умения для решения реальных жизненных задач в различных сферах человеческой деятельности в соответствии с общественными ценностями, ожиданиями и интересами [13]. Следовательно, материалом для формирования и оценки функциональной грамотности могут выступать практические, жизненные ситуации и процедурные (императивные) тексты, выстроенные на их основе.

ПГГПУ разработаны критериально-ориентированные диагностические материалы для оценки метапредметных результатов младших школьников в аспекте функциональной грамотности. Диагностические материалы содержат сплошные и несплошные тексты, связанные с жизненными ситуациями (посещение кафе и приготовление пищи;

посещение театра и постановка школьного спектакля), в том числе процедурные тексты: рецепты приготовления блюда, алгоритм постановки спектакля школьного театра и т.п.

Независимая оценка в рамках проекта «Кластер качества ПГППУ» показала, что задания, выстроенные в аспекте функциональной грамотности, отражающие ситуации повседневной жизни, для младших школьников представляются не совсем привычными, отличаются от заданий с использованием знаний и умений, осваиваемых на уроках. Сложности при выполнении учениками начальных классов заданий, выстроенных в аспекте функциональной грамотности, могут быть вызваны тем, что процедурные тексты не рассматриваются как особая разновидность текстов для работы на уроках. В курсе русского языка в начальной школе в рамках действующего ФГОС НОО младших школьников учат читать и создавать иные тексты, относящиеся к типам повествование, описание, рассуждение [16].

Обратимся к отдельным умениям младших школьников, подвергнутым независимой оценке в рамках проекта «Кластер качества ПГППУ». Метапредметная координация выступает как концептуальное основание формирования и оценки функциональной грамотности в начальной школе [13]. Выделим отдельные группы метапредметных умений младших школьников, отражающие специфику работы с процедурными текстами:

- умение намечать операции, выстраивать их последовательность (группа регулятивных умений);
- умение строить речевое высказывание в соответствии с поставленной задачей (группа коммуникативных умений).

Рассмотрим результаты независимой оценки регулятивных и коммуникативных действий младших школьников в аспекте функциональной грамотности (табл.). Отметим, что оценивались умения школьников, осваивающих образовательные программы в рамках действующего ФГОС НОО [15], в котором задача формирования функциональной грамотности не указана. Следовательно, результаты независимой оценки можно рассматривать как стартовый уровень в исследовании проблемы.

Результаты независимой оценки отдельных регулятивных и коммуникативных умений младших школьников в аспекте функциональной грамотности, %

Класс	Умение намечать операции, выстраивать их последовательность			Умение строить речевое высказывание в соответствии с поставленной задачей		
	2018/19	2019/20	2020/21	2018/19	2019/20	2020/21
2	73	45	77	31	42	32
3	69	45	59	42	25	40
4	66	53	46	60	39	29

Данные таблицы свидетельствуют от том, что умение намечать операции и выстраивать их последовательность (в работе с процедурным текстом) сформировано в среднем у 45–77% учеников начальных клас-

сов. Умение строить последовательное речевое высказывание из данных текстовых элементов процедурного и описательного текста сформировано в среднем у 29–60 % учеников начальных классов.

Результаты независимой оценки отдельных регулятивных и коммуникативных умений младших школьников в аспекте функциональной грамотности позволяют констатировать, что необходимо вести целенаправленную работу по формированию функциональной грамотности младших школьников. Целесообразно в процессе формирования функциональной грамотности младших школьников использовать специальные задания в урочной деятельности и курсы внеурочной деятельности, включающие учеников 1–4-х классов в деятельность на основе процедурных текстов (работу с инструкциями, технологическими картами, алгоритмами) и в создание подобных текстов (составление инструкций, алгоритмов и т.п.).

Важно подготовить педагогов к такой деятельности. Соответствующие вопросы могут быть предложены как составляющие программ подготовки студентов по педагогическим специальностям и программ дополнительного профессионального образования (повышения квалификации) для учителей. Проблема приобретения будущими педагогами умений, необходимых для формирования у учащихся функциональной грамотности, приобретает особую актуальность в свете разработки основных требований к подготовке педагогических кадров по программам бакалавриата на основе единых подходов к их структуре и содержанию («Ядро высшего педагогического образования»). Соответствующие разделы содержания в программах высшего педагогического образования (бакалавриат) могут быть рассмотрены в модулях «Психолого-педагогический» и в содержании предметно-методического модуля «Начальное образование» (дисциплина «Методика и технологии обучения в начальной школе», методики преподавания предметов в начальной школе) [11].

Заключение

Таким образом, можно признать концепты «деятельность» и «процедура» смысловыми маркерами понятия «функциональная грамотность». Анализ научной литературы позволяет классифицировать тексты для формирования и оценки функциональной грамотности старшеклассников и взрослых (на основании структурно-содержательных характеристик: пояснительные и процедурные тексты; на основании формы представления информации — сплошные и несплошные).

Аргументирована целесообразность использования процедурных текстов в формировании и оценке функциональной грамотности в начальной школе. Обозначены основные характеристики процедурных текстов: этапы действия и их последовательность. Материал текстов, используемых в процессе формирования и оценки функциональной грамотности, составляют практические, жизненные ситуации.

Оценка функциональной грамотности проводится с целью получения конкурентных преимуществ. Независимая оценка метапредметных результатов начального общего образования в аспекте функциональной

грамотности, проведенная в рамках проекта «Кластер качества ПГППУ», позволяет признать актуальность разработки педагогической технологии формирования функциональной грамотности младших школьников, заданий для урочной и внеурочной деятельности.

Вопросы формирования функциональной грамотности младших школьников целесообразно включать в программы подготовки учителей начальных классов в рамках высшего педагогического образования и дополнительного профессионального образования.

Список литературы

122

1. Басюк В. С., Ковалева Г. С. Инновационный проект Министерства просвещения «Мониторинг формирования функциональной грамотности»: основные направления и первые результаты // Отечественная и зарубежная педагогика. 2019. Т. 1, №4 (61). С. 13–33.
2. Безукладников К. Э., Готлиб Д. Л. Формирование функциональной грамотности в основной школе как способ повышения мотивации учения на уроках иностранного языка // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2021. №1. С. 106–117.
3. Виноградова Н. Ф., Кочурова Е. Ф., Кузнецова М. И. Функциональная грамотность младшего школьника : книга для учителя. М., 2018.
4. Гинецинский В. И. Основы теоретической педагогики. СПб., 1992.
5. Гостева Ю. Н., Кузнецова М. И., Рябинина Л. А. и др. Проблемы оценки и формирования функциональной читательской грамотности учеников основной школы // Отечественная и зарубежная педагогика. 2020. Т. 2, №2 (70). С. 155–180.
6. Дроботенко Ю. Б., Назарова Н. А. Функциональная грамотность как объект междисциплинарного исследования и условие повышения качества образования // Проблемы современного педагогического образования. 2021. №72-2. С. 66–71.
7. Егоров К. Б., Захарова В. А. Внешняя оценка в управлении образовательной организацией // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2021. №2. С. 94–110.
8. Крузе Б. А., Безукладников К. Э., Вертьянова А. А. Условия развития функциональной грамотности: Пушкин-центр как плацдарм для экспансии русского языка в ближнем и дальнем зарубежье // Язык и культура. 2021. №53. С. 190–216.
9. Кузнецова М. И. Международное сравнительное исследование PIRLS: возможности использования результатов для совершенствования читательской грамотности российских младших школьников // Отечественная и зарубежная педагогика. 2020. Т. 1, №2 (66). С. 18–28.
10. Математическая энциклопедия // Академик.ру. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_mathematics (дата обращения: 18.02.2022).
11. Письмо Министерства просвещения России от 14.12.2021 г. № АЗ-1100/08 «О направлении информации» (вместе с «Методическими рекомендациями по подготовке кадров по программам педагогического бакалавриата на основе единых подходов к их структуре и содержанию (“Ядро высшего педагогического образования”)). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Словарь бизнес-терминов // Академик.ру. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/business/10951> (дата обращения: 18.02.2022).

13. *Сравнительный анализ подходов, программ и методик формирования функциональной грамотности младших школьников* : монография / К. Э. Безукладников, Д. Л. Готлиб, К. А. Занина [и др.] ; науч. ред. К. Э. Безукладников, В. А. Захарова ; под общ. ред. М. А. Худяковой. Пермь, 2021.

14. *Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов* / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2007.

15. *Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования* : утв. приказом Минобрнауки России от 06.10.2009 г. №373. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

16. *Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования* : утв. приказом Министерства просвещения Российской Федерации от 31.05.2021 г. № 286. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

17. *Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования* : утв. приказом Министерства просвещения Российской Федерации от 31.05.2021 г. № 287. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

18. *Cencelj Z., Kordigel Aberšek M., Aberšek B., Flogie A. Role and meaning of functional science, technological and engineering literacy in problem-based learning // Journal of Baltic Science Education. 2019. Vol. 18, №1. P. 132–146.*

19. *Khudyakova M.A., Vlasova I.N., Selkina L. V. et al. Basics of forming the functional literacy of schoolchildren // Revista Tempos E Espaços Em Educação. 2021. № 14 (33), e16757. doi: <https://doi.org/10.20952/revtee.v14i33.16757>.*

20. *O'Donnell A. M., Dansereau D. F., Rocklin Th. et al. Promoting functional literacy through cooperative learning // Journal of Reading Behavior. 1988. Vol. 20. №4. P. 339–356.*

Об авторах

Константин Борисович Егоров — канд. ист. наук, доц., ректор, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Россия.

E-mail: egorov@pspu.ru

Вера Анатольевна Захарова — канд. пед. наук, доц., руководитель Центра независимой оценки качества образования, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Россия.

E-mail: zakharova_va@pspu.ru

The authors

Dr Konstantin B. Egorov, Associate Professor, Rector, Perm State Humanitarian Pedagogical University, Russia.

E-mail: egorov@pspu.ru

Dr Vera A. Zakharova, Associate Professor, Head of Education quality assessment center, Perm State Humanitarian Pedagogical University, Russia.

E-mail: zaharova_va@pspu.ru

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ВЕСТНИКЕ БФУ ИМ. И. КАНТА

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично без согласия редакции.

3. Рекомендованный объем статьи для докторантов и докторов наук – 20–30 тыс. знаков с пробелами, для доцентов, преподавателей и аспирантов – не более 20 тыс. знаков.

4. Список литературы должен составлять от 15 до 30 источников, не менее 50 % которых должны представлять современные (не старше 10 лет) публикации в изданиях, рецензируемых ВАК и (или) международных изданиях. Оптимальный уровень самоцитирования автора – не выше 10 % от списка использованных источников.

5. Все присланные в редакцию работы проходят *внутреннее* и *внешнее рецензирование*, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал.

6. Статья на рассмотрение редакционной коллегией направляется ответственному редактору по e-mail. Контакты ответственных редакторов: http://journals.kantiana.ru/vestnik/contact_editorial/

7. Статьи на рассмотрение принимаются в режиме онлайн. Для этого авторам нужно зарегистрироваться на портале Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта http://journals.kantiana.ru/submit_an_article и следовать подсказкам в разделе «Подать статью онлайн».

9. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

10. Автор имеет право публиковаться в одном выпуске «Вестника Балтийского федерального университета им. И. Канта» один раз; второй раз в соавторстве – в исключительном случае, только по решению редакционной коллегии.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

1) индекс УДК – должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);

2) название статьи строчными буквами на русском и английском языках (до 12 слов);

3) аннотацию на русском и английском языках (150–250 слов, то есть 500 печатных знаков). Располагается перед ключевыми словами после заглавия;

4) ключевые слова на русском и английском языках (4–8 слов). Располагаются перед текстом после аннотации;

5) список литературы (примерно 25 источников) оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008;

7) сведения об авторах на русском и английском языках (Ф.И.О. полностью, ученые степени, звания, должность, место работы, e-mail, контактный телефон);

8) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

2. Ссылки на литературу в тексте статей даются только в квадратных скобках с указанием номера источника из списка литературы, приведенного в конце статьи: первая цифра – номер источника, вторая – номер страницы (например: [12, с. 4]).

3. Рукописи, не отвечающие требованиям, изложенным в пункте 1, в печать не принимаются, не редактируются и не рецензируются.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены *в электронной форме* в формате листа А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная *информация о правилах оформления текста*, в том числе *таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы*, размещена на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: <http://journals.kantiana.ru/vestnik/monograph/>

Рекомендуем авторам ознакомиться с информационно-методическим комплексом «Как написать научную статью»: <http://journals.kantiana.ru/authors/imk/>

Порядок рецензирования рукописей статей

1. Все научные статьи, поступившие в редколлегию Вестника БФУ им. И. Канта, подлежат обязательному рецензированию. Отзыв научного руководителя или консультанта не может заменить рецензии.

2. Ответственный редактор серии определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

3. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются ответственным редактором серии с учетом создания условий для максимально оперативной публикации статьи.

4. В рецензии освещаются следующие вопросы:

- а) соответствует ли содержание статьи заявленной в названии теме;
- б) насколько статья соответствует современным достижениям научно-теоретической мысли;
- в) доступна ли статья читателям, на которых она рассчитана, с точки зрения языка, стиля, расположения материала, наглядности таблиц, диаграмм, рисунков и формул;
- г) целесообразна ли публикация статьи с учетом ранее выпущенной по данному вопросу литературы;
- д) в чем конкретно заключаются положительные стороны, а также недостатки статьи, какие исправления и дополнения должны быть внесены автором;
- е) рекомендуется (с учетом исправления отмеченных рецензентом недостатков) или не рекомендуется статья к публикации в журнале, входящем в Перечень ведущих периодических изданий ВАК.

5. Рецензирование проводится конфиденциально. Автор рецензируемой статьи может ознакомиться с текстом рецензии. Нарушение конфиденциальности допускается только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в статье.

6. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, ответственный редактор серии направляет автору текст рецензии с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументированно (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование.

7. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается. Текст отрицательной рецензии направляется автору по электронной почте, факсом или обычной почтой.

8. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редколлегией серии.

9. После принятия редколлегией серии решения о допуске статьи к публикации ответственный секретарь серии информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

Текст рецензии направляется автору по электронной почте, факсом или обычным почтовым отправлением.

10. Оригиналы рецензий хранятся в редколлегии серии и редакции «Вестника Балтийского федерального университета им. И. Канта» в течение пяти лет.

Научное издание

ВЕСТНИК
БАЛТИЙСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. И. КАНТА

Серия

Филология, педагогика, психология

2022

№ 2

Редактор *Д. А. Малеваная*. Корректор *С. В. Ильина*
Компьютерная верстка *Е. В. Денисенко*

Подписано в печать 26.07.2022 г.
Формат 70 × 108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 11,0
Тираж 300 экз. (1-й завод 45 экз.). Цена свободная. Заказ 77
Подписной индекс 20098

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236001, г. Калининград, ул. Гайдара, 6